

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

В. И. ГОЛДИН

РОССИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.
ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(вторая половина 1980-х – 90-е годы)
АРХАНГЕЛЬСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БОРГЕС»
2000

ББК 63.3 (2 РОС) 612 г

Г 601

УДК 947

Рецензенты: Дьюкс П., профессор (Абердин, Великобритания) Зашихин А. Н,

докт. ист. наук, профессор (Архангельск) Федюк В. П., докт. ист.
наук, профессор (Ярославль)

Голдин В. И.

Г 601 Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск: Изд-во «БОРГЕС», 2000. - 280 с. ISBN 5-7536-0062-X

В монографии исследуется развитие новейшей отечественной и зарубежной

историографии гражданской войны в России. Выделены и проанализированы её

основные тенденции, ключевые и дискуссионные проблемы, раскрыты современные теоретические подходы к осмыслению этого сложного феномена российской и мировой истории.

Издание адресуется специалистам в области отечественной истории и историографии, преподавателям вузов, учителям и студентам.

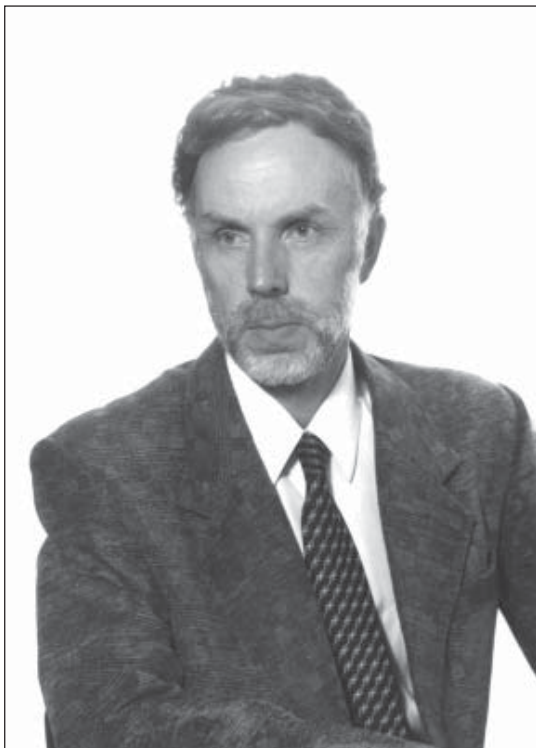
ББК 63.3 (2 РОС) 612 г

ISBN 5-7536-0062-X

© В. И. Голдин

© Издательство «БОРГЕС», 2000

*Моим родителям – Зое Александровне
и Ивану Ивановичу,
чьи детство и юность пришлись на
тяжкие годы гражданской войны
в России, посвящается эта книга*

ГОЛДИН Владислав Иванович родился в 1951 году в Архангельске. Коренной северянин. Историк, политолог. Доктор исторических наук, профессор. После окончания школы № 6 Архангельска учился на отделении истории и английского языка историко-филологического факультета Архангельского педагогического института имени М. В. Ломоносова. Окончил аспирантуру Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена и докторантуру Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. С 1979 года работает в Архангельском педагогическом институте, впоследствии преобразованном в Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова. С 1994 года — проректор по научной работе. Автор более ста научных работ, изданных в России и в шести зарубежных странах.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война — это всегда особая эпоха в истории страны, пережившей её. Как свидетельствует опыт европейской и мировой истории, даже по прошествии веков, минувших после её окончания, полные драматизма и кипения страстей страницы былого волнуют и привлекают к себе пристальное внимание новых поколений граждан страны и профессиональных историков¹.

Всё это в полной мере характерно для гражданской войны в России начала XX века, уникального феномена, оказавшего глубокое воздействие и во многом предопределившего ход отечественной истории и развитие международных отношений в последующие десятилетия. И сегодня, подводя главные итоги и осмысливая исторические уроки XX века, мы не можем пройти мимо этой крупнейшей социальной драмы. Советское общество вышло из гражданской войны, и она во многом обусловила в дальнейшем поведение и действия политических руководителей и граждан страны, менталитет общества. Исход гражданской войны обуславливал легитимность режима, существовавшего в течение семи последующих десятилетий. Поэтому руководители и идеологи коммунистической партии всегда уделяли особое внимание этой теме, расстановке политических акцентов в её трактовке, широко прибегая и к методам политической цензуры. Тем самым они способствовали соответствующей мифологизации истории российской гражданской войны.

Гражданская война была тесно связана с мировой войной и российской революцией 1917 года. Последняя призвана была, по мнению лидеров большевиков, вылиться в мировую революцию. С другой стороны, гражданская война органично переплеталась с международной интервенцией в Россию, в которой приняли участие ведущие державы мира. Всё это превратило рассматриваемую тему в предмет многолетних острых дискуссий не только в российской, но и в мировой историографии. Уже к середине 80-х годов в СССР было издано более 15 тысяч книг, посвящённых истории гражданской войны. А ещё несколько тысяч их было опубликовано за рубежом².

В последующие годы появились новые тысячи книг, брошюр и статей, посвящённых гражданской войне в России. Но дело не только в количестве, а в глубоких качественных изменениях, происшедших в новейшей историографии как под воздействием колоссальных перемен в нашей стране, так и в международных отношениях. Это стало следствием и новых источниковых возможностей. Значительная часть ранее закрытых для использования российских архивных фондов стала доступна для исследователей. Всё это позволило исследовать ранее запретные и малоизученные проблемы и переосмыслить рассматриваемую эпоху в целом.

Период советской «перестройки» не только резко повысил интерес к истории в русле провозглашённой «гласности», но и актуализировал рассматриваемую нами тематику по причине резкого обострения национальных и политических конфликтов. На территории СССР появился целый ряд очагов гражданской войны. Распад СССР, наряду с его многообразными последствиями, привёл к сохранению высокого уровня конфликтности внутри целого ряда самостоятельных государств, возникших на постсоветском пространстве, и в том числе в самой России. Балансирование на грани гражданской войны с наличием целого ряда её проявлений — достаточно вспомнить октябрьские события 1993 года в Москве, военные действия в Чечне и в целом чрезвычайно острую и взрывоопасную ситуацию на Северном Кавказе — стало важной характеристикой российских политических процессов последних лет. Всё это во многом удивительно напоминает ситуацию 1917—1918 годов в России — времени «вползания» страны в гражданскую войну.

Проявления гражданской войны стали суровой реальностью в 90-годы для Таджикистана, Молдавии и государств Закавказья. Причём в целом ряде случаев мы наблюдаем тесную историческую взаимосвязь современных событий с российской гражданской войной начала XX века.

Всё вышеизложенное актуализирует потребность дальнейшего исследования этой темы, требует всестороннего и объективного осмысления процессов, событий, последствий и исторических уроков гражданской войны в России и недопущения её повторения

сегодня.

Предметом нашего исследования является анализ новейшей отечественной и зарубежной историографии гражданской войны в России, характеристика новых подходов к её изучению и плодотворность попыток новой концептуализации этого сложнейшего феномена российской и мировой истории. Автор стремился максимально широко и объёмно представить видения и размышления современных историков (для адекватности передачи активно прибегая к цитированию), придерживающихся разных взглядов и убеждений, раскрыть дискуссии как по общим, концептуальным, так и частным проблемам, оценить их плодотворность и результативность. Используя термин «новейшая» или «современная» историография, автор имеет в виду исследования второй половины 80-х—90-х годов.

Глубокие и масштабные перемены, происшедшие в эти годы в нашей стране и в международных отношениях, конец эпохи «холодной войны» стимулировали интенсивное переосмысление всей советской истории, начиная с её начальных страниц — эпохи революции и гражданской войны. Активный обмен мнениями, острые дискуссии на многочисленных российских и международных научных конференциях, введение в оборот широкого комплекса новых источников, поиск новых теоретических и методологических подходов — всё это способствовало активному приращению новых знаний, появлению большого количества монографий, сборников статей и материалов, различного рода публикаций по истории гражданской войны в России.

На смену традиционной многолетней конфронтации советской и зарубежной историографии приходит заинтересованный диалог. Во главу угла ставятся не только и не столько политические и идеологические симпатии и антипатии авторов, которые, разумеется, сохраняются, сколько глубина аргументации, степень знания и осмысления разнообразных и в том числе вводимых в оборот новых источников, теоретико-методологические подходы, стимулирующие новое знание и понимание. Реальностью нашего времени стали

совместные научные конференции и публикации российских и иностранных историков по рассматриваемой нами проблематике, попытки сообща подвести основные итоги и определить перспективы дальнейшего изучения истории революции, гражданской войны и интервенции в России³.

Эти новые тенденции обусловили и авторский подход: если в первой главе в отдельных параграфах характеризуются основные подходы, тенденции и особенности изучения российской гражданской войны в нашей стране и за рубежом, то в последующих главах отечественная и иностранная историография не разделяются, а рассматриваются как единый процесс формирующегося нового исторического знания.

Работа с новейшей литературой имеет свою специфику и сложности. Несовершенство современной библиографической информации и прежде всего в России, распад прежней единой системы распространения и продажи книжной продукции ведёт к тому, что мы знаем далеко не всё об интересующей нас издаваемой литературе и особенно в регионах. Последнее тем более с грустью приходится констатировать, что именно региональные историки работают в последние годы наиболее интенсивно и плодотворно, издавая интересную научную продукцию, о которой нелегко своевременно узнать и приобрести её. Добавим, что в целом ряде региональных центров сложились научные школы по изучению истории гражданской войны с определёнными их специализациями, о чём пойдёт специальный разговор в дальнейшем.

Чрезвычайно сложно узнать и тем более ознакомиться с новейшими изданиями, публикуемыми в странах так называемого «ближнего зарубежья» и тем более в государствах, не входящих в состав СНГ. Всё вышесказанное в полной мере относится не только к книгам. Это касается и новых, появившихся в последние годы журналов и альманахов по интересующей нас тематике, а также публикаций на страницах периодической печати регионов России и стран, ранее входивших в состав СССР.

Определённые сложности существуют и с получением своевременной информации о публикуемых за рубежом работах. Для российских историков непросто оперативно ознакомиться с

новейшей иностранной исторической литературой и периодическими изданиями. Заметим, что в настоящей книге иностранная литература представлена прежде всего англоязычными изданиями, которые составляют львиную долю зарубежных исследований, определяют направленность и формируют новейшие концептуальные наработки современной иностранной историографии, посвящённой истории России в эпоху гражданской войны.

Сам по себе предмет исследования — анализ новейшей исторической литературы, которая ещё несомненно потребует дальнейшего осмысления, а новые подходы, версии, интерпретации должны пройти проверку временем, определяет очерковый характер настоящей книги.

Представляемая монография является результатом многолетней исследовательской работы автора, первоначально по истории интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере (что явилось предметом ряда опубликованных книг и докторской диссертации, защищённой в 1993 году), а в дальнейшем по истории и историографии российской революции, гражданской войны и интервенции. Публикация в качестве автора, составителя и редактора ряда монографий, сборников статей, документов и материалов, участие в работе многих международных и российских научных конференций стимулировали наблюдения и размышления о характере, тенденциях и результативности современных исследований гражданской войны в России, что и вылилось в данную работу. Её цель видится не в выставлении оценок авторам, книгам и публикациям, не в разделении их на плохие и хорошие, близкие или далёкие нам по умунастроениям, но в определении их научной плодотворности, достоверности, в характеристике глубины и перспективности основных оценок и выводов. «Не судите да не судимы будете», — эта старая истина в полной мере разделяется автором. Историк не должен быть ни обвинителем, ни адвокатом, но призван прежде всего раскрыть сущность и объяснить логику протекания исторических процессов, а историограф призван сделать то же самое и в отношении развития исторической

мысли, характеристики основных тенденций развития научных исторических исследований.

Хотелось бы выразить благодарность работникам российских архивов и прежде всего Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории (бывший Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории), Архивов внешней политики Российской империи и Российской Федерации, Российского государственного архива Военно-Морского флота, а также целого ряда региональных архивов, ибо без их помощи в работе с обширными фондами документов по истории гражданской войны в течение многих лет вряд ли бы было возможно глубокое проникновение и понимание сущности событий и процессов этой драматичной эпохи в жизни России. Слова искренней признательности хотелось бы высказать в адрес ведущих библиотек страны — Российской государственной, Государственной публичной исторической, Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Института научной информации по общественным наукам, где автор многие годы работал с исторической литературой, значительная часть которой и стала предметом исследования в настоящей монографии.

Самые добрые слова хочется сказать людям, с которыми свела меня творческая судьба и которые способствовали моему профессиональному становлению как историка рассматриваемой эпохи. Это прежде всего уже ушедшие из жизни П. В. Волобуев, В. П. Дмитренко, Ю. И. Корablёв, В. И. Миллер, а также люди, продолжающие активно трудиться на историческом поприще и с которыми меня связывают добрые отношения — В. П. Булдаков, В. С. Волков, К. В. Гусев, Г. З. Иоффе, А. Ф. Киселёв, А. Л. Литвин, В. Д. Поликарпов, Л. Г. Протасов, В. С. Скробов, В. П. Федюк, Э. М. Щагин и др. Хотелось бы высказать тёплые слова в адрес северных историков, внёсших значительный вклад в исследование эпохи революции и гражданской войны в этом регионе. Речь идёт прежде всего о А. Н. Зашихине,

А. А. Киселёве, Е. И. Овсянкине, В. А. Саблине, В. И. Чупрове, М. И. Шумилове и др.

Появление настоящей книги было бы невозможно без работы автора на протяжении последних лет в зарубежных университетах и библиотеках. Знакомство там с новейшей литературой, участие в международных научных форумах и творческое общение с иностранными коллегами было чрезвычайно полезным и необходимым. В связи с этим хочется высказать слова признательности прежде всего в адрес руководства Абердинского университета (Великобритания) и персонально руководителю Центра русских, восточно- и центрально-европейских исследований, профессору П. Дьюксу, а также Университета Тромсё (Норвегия) и персонально директору Института истории, профессору Й. П. Нильсену. Благодарность за творческое сотрудничество хотелось бы выразить профессору Дж. Лонгу (университет Райдер, США), моему соавтору по книге «Заброшенные в небытие». Добрые слова хочется высказать также в адрес американских коллег К. Холден (университет Южного Мэна) и Т. Карасика (университет Лос-Анджелеса). Признательность за помощь и сотрудничество автор выражает также доктору М. Фрейму (университет Данди, Великобритания), профессорам Й. Вахтоле (университет Оулу, Финляндия), С. Юнгеру и М. Энгману (академия Або, Финляндия) А. С. Кану (университет Упсала, Швеция), К. Экеберг (университет Умео, Швеция) и др.

Хочется высказать особую благодарность и признательность профессорам П. Дьюксу, А. Н. Зашихину и В. П. Федюку за рецензирование рукописи книги, её положительную оценку и высказанные пожелания.

Поддержка, понимание и участие моей семьи — жены Валентины Васильевны и дочерей Инны, Юлии и Зои помогло в осуществлении этого научного исследования и публикации книги.

Заявленная для исследования тема сложна, объёмна и многогранна и требует корректного, взвешенного и академичного исследования, к чему и стремился автор. Вместе с тем, он не претендует на истину в последней инстанции в оценках и полноту изложения, указывая на очерковый характер книги. Хочется выразить надежду,

что она стимулирует научный поиск и новые историографические исследования темы российскими и зарубежными авторами. Учитывая большой объём литературы, изданной за последние годы по исследуемой нами теме, автор был, разумеется, не в состоянии назвать и охарактеризовать каждую опубликованную книгу и тем более иные публикации. Такая задача и не ставилась. Вместе с тем, автор старался упомянуть в примечаниях большинство наиболее значимых публикаций по различным аспектам истории России в эпоху гражданской войны. Это будет важно и полезно как коллегам-историкам, так и всем интересующимся этой проблематикой и испытывающим дефицит в оперативной информации о новейшей литературе. Все замечания и пожелания, высказанные в адрес автора настоящей работы, будут приняты с благодарностью.

ГЛАВА I

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И ЕЕ ИСТОРИКИ

Изучение гражданской войны в России имеет давнюю традицию. Эта тема особенно активно изучалась в нашей стране, и тысячи исследователей обращались к ней. В течение нескольких десятилетий усилиями нескольких поколений историков строилось здание советской историографии гражданской войны. Его фундамент и основные несущие конструкции — теория и методология, создаваемые по указаниям и под пристальным надзором ведущих политиков и идеологов коммунистической партии, ещё полтора десятилетия назад казались монолитными и незыблемыми. Главные проблемы считались основательно разработанными и нуждавшимися, быть может, в фактологическом наполнении и частных, несущественных исправлениях.

Но здание, казавшееся монолитным, зашаталось и рухнуло на протяжении нескольких лет. Общий кризис и крах советского общества привели и к глубокому кризису исторической науки и к разрушению господствовавших ранее представлений о гражданской войне и концепций её истории. В нашей стране развернулось трудное и мучительное переосмысление прошлого на основе ставших доступными обширных пластов неизвестных и запретных ранее документов, посредством новых методологий и во многом силами нового поколения историков.

«Перестройка», а затем распад СССР оказали сильное влияние на зарубежную советологию и в том числе на историков российской революции и гражданской войны, активизировали борьбу мнений, дискуссии с высказыванием нередко полярных суждений и привели к известной перегруппировке сил западных исследователей. Тщательная инвентаризация историографического наследия и поиск новых подходов, концепций и интерпретаций стали актуальной задачей не только российских, но и зарубежных историков. Каждое новое поколение историков создаёт и свою историю минувших событий. Но при этом надо чётко следовать принципу историзма, оценивая события и проблемы прошлого в той системе координат и не подстраивая историю под политическую конъюнктуру. Всё это в полной мере относится и к истории гражданской войны.

1. НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

За семь десятилетий советской власти в стране сложилась обширная литература по истории гражданской войны. Её идейно-политическую основу и сердцевину составлял классовый подход. Гражданская война трактовалась как вооружённая борьба большевиков и их противников, красных и белых. Изучался главным образом советский лагерь, и под влиянием господствующей политики и идеологии постепенно создавалась апологетическая история победителей. Доминирующей тенденцией в освещении противников большевиков было не объективное исследование, а их разоблачение. «Ленинское наследие» и «ленинская концепция» гражданской войны считались основополагающими при её осмыслении.

К семидесятилетию Октябрьской революции был выпущен ряд фундаментальных изданий, претендовавших на известное обобщение и подведение итогов исследовательской работы по изучению истории революции и гражданской войны. Это прежде всего энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1987), вышедшая третьим, дополненным изданием, и «Гражданская война и военная интервенция в СССР», выпущенная вторым изданием. Было завершено издание двухтомника «Гражданская война в СССР» (М., 1980 и 1986), вышла в свет коллективная монография «Антивоенная интервенция и её крах 1917—1922» (М., 1987) и некоторые другие обобщающие работы. Моноидеология и отсутствие плюрализма мнений по исследуемым проблемам, а также моноцентризм (когда основополагающие издания могли быть опубликованы только в Москве и силами столичных учёных с санкции высших идеологических органов), в полной мере характеризовали вышеназванную литературу. Дальнейшее освоение ленинского наследия и творческое развитие ленинской концепции гражданской войны считались главными задачами историков¹.

Декларированные новым советским политическим руководством во второй половине 80-х годов «гласность» и «демократизация» и, наконец, трактовка самой «перестройки» как «революции сегодня» привели к глубоким, масштабным и во многом неожиданным для власти последствиям. Надежды на незыблемость основополагающих советских идейно-политических

конструкций и на «перестройку» как «обновление социализма», освобождение его от искажений сталинской эпохи и возвращение к ленинскому его пониманию оказались иллюзорными. Развернувшиеся в стране процессы идейно-политической борьбы привели не только к десталинизации, но и к деленинизации общества. «Социалистический выбор» был поставлен сначала под сомнение, а затем произошло и его массовое отрицание. Острота развернувшейся борьбы вокруг истории Октябрьской революции и гражданской войны объяснялась прежде всего тем обстоятельством, что именно результаты и сложившиеся фундаментальные трактовки «закономерности» победы большевиков обуславливали и легитимность их пребывания у власти.

Размывание советской историографии гражданской войны осуществлялось в первую очередь усилиями радикальных публицистов. Они ставили под сомнение сложившуюся общую концепцию и привычные трактовки многих проблем и событий, поднимали немало вопросов, не находивших ответа или адекватного объяснения в существовавшей исторической литературе. Среди них — забытые или запрещённые имена репрессированных в годы войны или в последующие десятилетия видных деятелей большевистской партии и советской власти, красных военачальников. В числе дискуссионных вопросов оказались история политических партий, антибольшевистского и «зелёного» движения и персоналии их руководителей, «раскачивание», «красный террор» и деятельность чрезвычайных комиссий, взаимосвязь сталинских репрессий с большевистским террором послереволюционной эпохи и ответственность за него Ленина, Троцкого и других руководителей коммунистической партии и советского государства, «цена» и последствия гражданской войны. Неудовлетворённость вызывали традиционные объяснения советскими историками причин и сущности гражданской войны, взаимосвязи её с Октябрьской революцией, сложившиеся трактовки политики «военного коммунизма» и целый ряд других проблем.

Становление в СССР многопартийности стимулировало изучение российских политических партий начала века и их истории в переломную эпоху революции

и гражданской войны. В стране развернулась публикация работ видных деятелей российской интеллигенции, оппозиционно относившихся к деятельности большевиков после их прихода к власти и осуждавших «красный террор» в годы гражданской войны — А. М. Горького, В. Г. Короленко, Н. А. Бердяева, С. П. Мельгунова и др., что несомненно оказывало сильное влияние на общественное мнение и прежде всего интеллигенции во второй половине 80-х годов.

Поднятая в обществе проблема так называемых «белых пятен» истории, то есть вопросов по различным причинам не изучавшихся ранее или являвшихся запрещёнными для исследования, заставила мобилизоваться, активизироваться и выступить со своим пониманием таких проблем профессиональных историков. Причём, на страницах периодической печати и в специальных сборниках высказывали свои суждения в большинстве своём историки старшего поколения. Они пытались найти новые подходы и интерпретации, но, как правило, в общих рамках старой историографической традиции и так называемой «ленинской концепции» гражданской войны. Они видели свою цель в освобождении её от последующих сталинских наслоений².

Тематика гражданской войны рассматривалась в тесной взаимосвязи с историей российских революций 1917 года. Важную роль для собирания сил историков и переосмысления ими широкого круга вышеназванных дискуссионных вопросов истории сыграл Научный совет Академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Осенью 1988 года его возглавил авторитетный учёный П. В. Волобуев, в прошлом директор Института истории, освобождённый от этой должности в 1974 году, как один из руководителей так называемого «нового направления» в изучении предпосылок и истории Октябрьской революции. В октябре 1988 года вышеназванным Научным советом был организован «круглый стол» (с последующей публикацией его материалов³), где состоялся большой, острый и заинтересованный разговор историков по актуальным проблемам дальнейшего изучения

русской революции и гражданской войны. Он положил начало серии последующих научных форумов.

Среди них надо особо отметить всесоюзную научную конференцию по истории гражданской войны, проведённую в мае 1990 года в Архангельске под эгидой ведущих научных учреждений страны — Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Института истории СССР АН СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Она собрала около ста учёных из многих академических и вузовских центров, республик и регионов страны и стала последней всесоюзной конференцией историков по этой теме⁴.

В 80-е—90-е годы менялись принципиальные подходы к оценке гражданской войны в России. Если многие годы было привычным трактовать её с позиций мужества и героизма защитников советской власти, отстоявших революцию в жестокой борьбе с белогвардейцами и интервентами, то затем акценты сместились на подчёркивание трагизма «братоубийственной» войны и возложение главной ответственности за неё на большевиков.

Заметным явлением стало издание в 1990 году специального выпуска журнала «Родина» (№ 10), посвящённого теме: «Гражданская война: 1918—1990 (неизвестные страницы)». Здесь были опубликованы и материалы «круглого стола» историков.

Общий кризис исторической науки и, в частности, разрушение старых представлений о гражданской войне породили немало негативных явлений, тенденциозных и односторонних суждений и оценок, политических мифов и спекуляций. Но, с другой стороны, отмена цензуры и идеологического диктата, резкое расширение источниковых возможностей и прежде всего доступа к архивным документам стимулировали исследовательский поиск, продвижение, хотя и неравномерное, на ряде направлений изучения гражданской войны. Произошёл отказ от моноидеологии и жёстких политических установок в исследовании её истории. Если в советской историографии господствовал классово-формационный подход и доминировало изучение военных, политических,

классовых проблем гражданской войны, то в дальнейшем активизировался интерес к социальным, социокультурным и психологическим аспектам её истории, к осмыслению её «снизу», с точки зрения интересов, поведения и действий локальных групп, слоёв населения, конкретного «маленького» человека.

Поиски нового видения рассматриваемой эпохи сопровождались попытками реализации ряда масштабных исследовательских проектов, например, пяти (или шести) томного издания исторических очерков «Гражданская война в России»⁵. Но их не суждено было осуществить. И это объяснялось не только сложностью финансово-экономической ситуации. Обобщающие фундаментальные исследования появляются после тщательной проработки отдельных проблем и публикации специальных работ по ним, когда достигнуто определённое общее понимание или по крайней мере выработаны принципиальные подходы, а не в период интенсивного формирования нового знания, ожесточённой полемики и полярности суждений.

Развернувшийся пересмотр традиционных взглядов, попытки определить новые концептуальные подходы, дать новые интерпретации, а также потребность оценить уже сделанное, перспективность направлений поиска и дальнейших изысканий — всё это обуславливает важность и ответственность публиковавшихся в последние годы историографических работ⁶. В развернувшейся в России «историографической революции» важная роль принадлежит научным конференциям и «круглым столам» с участием в них в последние годы не только российских, но и зарубежных учёных. Публикацию материалов таких форумов трудно переоценить⁷.

Чрезвычайно важной представляется археографическая работа и издание документальных материалов и сборников⁸, а также источниковедческих публикаций⁹. По нашему убеждению, именно от источниковой базы и качества источниковедческой работы историков во многом зависит полнота и научная достоверность публикуемых исследований, глубина анализа событий, проблем и процессов жизни России в рассматриваемый период. При этом принципиальное значение имеет репрезентативность выборки документов

для публикации по той или иной теме с тем, чтобы впоследствии не звучало обвинений в адрес составителей и публикаторов о тенденциозности подбора материалов.

Если выделять отдельные направления и крупные проблемы в современной отечественной историографии гражданской войны, которые вызывают наибольший интерес и соответственно получили наибольшее освещение, то это в первую очередь история противников большевиков, антибольшевистского и белого движения во всём многообразии и противоречивости этих исторических явлений. Это относится и к истории политических партий рассматриваемой эпохи. Всё вышесказанное вполне закономерно, ибо в течение предшествующих десятилетий данная тематика не подлежала научному изучению, а политическая оппозиция и противники советского режима подвергались лишь критике и обличению.

Несомненно продвижение в изучении социальной истории гражданской войны и прежде всего в осмыслении исторических судеб крестьянства и казачества в рассматриваемую эпоху, а также повстанческого движения, в котором и участвовали главным образом вышеназванные слои населения.

Немало копий было поломано в дискуссиях последних лет о причинах, истоках и «виновниках» гражданской войны в России, её начальном периоде, о взаимосвязи российских революций и гражданской войны. В результате появилось немало содержательных публикаций по этим проблемам, которые и будут рассмотрены в дальнейшем специально.

В сопоставлении с вышеназванными темами заметно снизился исследовательский интерес к истории советского лагеря гражданской войны — партии большевиков и её политике, новой государственности и т. п., хотя и здесь появились некоторые интересные работы. Само освещение этой тематики приобрело резко критическую направленность. В центре внимания оказались традиционно теневые страницы советской истории, как, например, «красный террор». Ему (в сопоставлении с «белым террором» или вне зависимости от него) и деятельности чрезвычайных

комиссий уделяется большое внимание в новейшей отечественной исторической литературе. Сохранился традиционный интерес к истории «военного коммунизма», причём современные исследователи развернули активное переосмысление этой темы.

Интересные метаморфозы произошли в изучении истории интервенции, о чём пойдёт в дальнейшем разговор в отдельной главе. Хотя, заметим, и здесь появились некоторые содержательные исследования. С другой стороны, идеи и реальная практика «мировой революции» и деятельность большевиков в этом направлении привлекают в последние годы пристальный интерес исследователей.

В новейшей исторической литературе активно разрабатывается история гражданской войны в отдельных регионах страны. В ряде случаев появляются и историографические исследования региональной проблематики¹⁰. Глубокое и качественно новое, основанное на широком круге разнообразных привлекаемых источников раскрытие процессов протекания гражданской войны на региональном и локальном уровне создаёт предпосылки для воссоздания общей, подробной, масштабной и обстоятельной картины истории России в эту эпоху.

Происходившие в последние годы изменения в российской историографии революции и гражданской войны, продуктивность и глубина переосмысления находят разные восприятия и получают различные оценки у исследователей. Так, В. М. Бухараев и Д. И. Люкшин отметили, что на рубеже 80-х и 90-х годов представители российской исторической мысли переживали «настоящую эйфорию, связанную с «раскрашиванием» пресловутых «белых пятен» на картине советской истории». Но результаты «источниковой лихорадки» оказались довольно скромны. Они не обернулись, по их мнению, сколько-нибудь существенным изменением облика российской историографии, «сумевшей лишь пассивно и эклектично мобилизовать разработанные западной наукой концепции и, не удосужившись разобраться в вопросе об их изоморфности отечественным реалиям». Но, по убеждению В. Д. Зиминной, происшедшие перемены были

весьма значительны, ибо исследовательский плюрализм пришёл на смену одномерному схематизму, появились новые возможности для компаративного анализа и быстрого утверждения социокультурной системы интерпретации исторических фактов, наряду с использованием элементов социально-классовой и общецивилизационной алгоритмики исторического процесса¹¹. Как говорится, сколько людей, столько и мнений.

И всё-таки думается, что Зимина ближе к истине, чем названные выше историки. Происшедшие перемены действительно глубоки и масштабны. Они охватывают как историю, так и историографию, источниковедение и методологию исследования российской революции и гражданской войны. Это воплотилось в опубликованные работы и выразилось в принципиально новых научных выводах, обобщениях и интерпретациях.

В исследовательской работе по истории российской революции и гражданской войны важную роль продолжал играть в 90-е годы Научный совет Российской академии наук «История революций в России», реорганизованный в настоящее время в Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций. В первую очередь следует отметить его координирующую функцию, инициативу и участие в проведении научных форумов по данной тематике как в Москве, так и в других городах. Годичные собрания Научного совета стали важной трибуной для дискуссий, подведения итогов и определения перспективных направлений исследований. Отметим и ещё одно важное обстоятельство. Научный совет под руководством ныне покойного академика П. В. Волобуева не претендовал на истину в последней инстанции и не отстаивал монополию центра, столичных историков, но сделал немало для создания и активной работы своих региональных секций. Это стимулировало развитие региональных научных школ по истории гражданской войны, что, несомненно, стало отрядным явлением.

Наряду с опытными столичными историками старшего поколения (П. В. Волобуев, К. В. Гусев, Г. З. Иоффе, В. И. Миллер, Ю. А. Поляков, В. Д. Поликарпов

и др.), немало сделавшими в последние годы для переосмысления концепции и изучения ряда важных вопросов истории революции, гражданской войны и интервенции, именно в регионах происходило интенсивное формирование нового поколения исследователей. Многие из них получили сегодня высокое профессиональное признание, опубликовали содержательные монографии и защитили докторские диссертации. Причём, значительная часть из этих учёных не ограничивается исследованием региональной тематики, но успешно разрабатывают общероссийские и теоретико-концептуальные проблемы российской гражданской войны. Существование в региональных университетах диссертационных советов стимулирует формирование вокруг них молодых историков и пополнение кадров исследователей, занимающихся данной тематикой.

Правомерно, на наш взгляд, говорить о складывании ряда региональных научных центров, изучающих историю российской революции и гражданской войны. Говоря о подобных центрах в регионах, имеется в виду наличие в них групп авторитетных учёных и молодых исследователей, систематическое проведение научных конференций и издание книг по этой тематике. Это прежде всего Ростов-на-Дону (А. И. Козлов, А. В. Венков, Н. С. Присяжный и др.), Тамбов (Л. Г. Протасов, В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев), Нижний Новгород (А. В. Медведев, Г. В. Набатов, С. В. Устинкин), Томск (В. С. Ларьков, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк), Архангельск (В. И. Голдин, А. Н. Зашихин, Е. И. Овсянкин). Интересные исследователи работают над историей гражданской войны в Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Кемерово, Новосибирске, Омске, Ярославле и в целом ряде других городов России. Добавим, названные научные центры нередко объединяет вокруг себя и координирует деятельность учёных не только в рамках указанных краёв и областей, но и соседних территорий и выступают в качестве межрегиональных исследовательских объединений.

В последние годы заметно активизировался интерес к рассматриваемой тематике в Санкт-Петербурге, где наряду с историками старшего поколения активно заявило о себе новое поколение исследователей, сформировавшееся в 80-е—90-е годы: Б. И. Колоницкий,

А. В. Смолин, Н. Н. Смирнов, В. Ю. Черняев, А. Н. Чистиков и др. Складывается и новое поколение московских историков гражданской войны. В последние годы опубликованы монографии В. П. Булдакова, А. Ф. Киселёва, С. В. Леонова, С. А. Павлюченкова, В. Л. Телицына, А. И. Ушакова и некоторых других авторов. Продолжают активную исследовательскую работу и историки старшего поколения: К. В. Гусев, Ю. А. Поляков, Э. М. Щагин и др. К сожалению, в последние годы ушла из жизни группа учёных, которые также внесли свой вклад в начавшееся переосмысление феномена гражданской войны в России: П. В. Волобуев, В. Г. Бортневский, В. П. Дмитренко, Ю. И. Кораблёв, В. И. Миллер и некоторые другие. О работах вышеназванных и иных исследователей пойдёт специальный и более подробный разговор в дальнейшем при рассмотрении основных проблем истории и историографии гражданской войны.

Таким образом, рассматриваемый нами период был весьма противоречивым и неоднозначным в отечественной историографии гражданской войны. Происходил болезненный процесс отрицания старых истин, привычных толкований и интерпретаций, традиционного понимания этого сложнейшего явления российской и мировой истории. Произошёл распад прежнего государственного пространства. В силу этого оказались нарушены связи в системе научного сообщества историков. Но вслед за отрицанием и разрушением прежних ортодоксальных советских концепций понимания гражданской войны и её роли в истории страны шёл нелёгкий процесс собирания исследовательских сил, формирования нового поколения историков во многом с иным образованием, миропониманием и менталитетом, свободных от прежних стереотипов и открытых к широкому международному диалогу. Происходил поиск и воплощение в исследовательский процесс новых теоретических подходов и методологий, реальностью стала неизмеримо возросшая творческая независимость историков, идейно-политический и научный плюрализм.

К сожалению, исследовательский процесс затруднён не только объективными факторами научного познания, но и неблагоприятными социально-экономическими и финансовыми условиями, в которых находится абсолютное большинство современных российских исследователей: трудности издания книг, выезда в научные командировки для работы в архивах и

библиотеках, участия в конференциях и т. д. В результате многие зарубежные историки сегодня более активно работают с документами российских архивохранилищ, чем это себе могут позволить их русские коллеги. Впрочем, с другой стороны, нельзя не признать, что в последние годы заметно расширились возможности выезда российских учёных в другие страны для участия в исследовательских проектах и международных научных форумах.

В целом же, следует признать, что в последние годы российскими историками немало сделано для накопления нового знания и продвижения вперёд в понимании сложнейшего комплекса проблем российской гражданской войны, но предстоит ещё большая созидательная работа в деле глубокого познания этого феномена российской и мировой истории.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ И БОРЬБА МНЕНИЙ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сложные перипетии происходили в исследуемый период и в зарубежной историографии истории гражданской войны. Осуществляемый в книге анализ в первую очередь англоязычной литературы представляется правомерным, так как абсолютное большинство работ по этой теме писалось и пишется американскими, английскими и канадскими авторами и публикуется в этих странах. Основные международные дискуссии также ведутся и публикуются в специальных сборниках или журналах на английском языке.

Характеризуя западную литературу в целом, известный американский историк П. Кенез заметил, что «если попытаться проанализировать весь спектр точек зрения на гражданскую войну — начиная с ленинской и до монархической, — то взгляды почти всех западных историков окажутся где-то посередине»¹². Но это, разумеется, самый общий взгляд. Внутри зарубежной историографии существовали и существуют разные исследовательские и политические традиции, течения, различные точки зрения и тем более многообразные оттенки мнений и суждений.

Прежде чем перейти к анализу современной иностранной литературы требуется хотя бы небольшое отступление в предшествующий период. Длительное

время основная направленность публикуемых за рубежом работ носила откровенно антикоммунистический характер. Это неудивительно, ибо у истоков изучения истории российской революции и гражданской войны находились эмигранты из России, бывшие участники отгремевших политических и военных битв, которые, проиграв сражения гражданской войны, пытались взять своеобразный реванш на историографическом фронте. Добавим, что эти люди не только заложили исследовательские традиции и их идейно-политическую направленность, но и внесли большой вклад в формирование иностранных кадров историков этой тематики.

Наряду с усилиями антибольшевиков-эмигрантов, сама атмосфера и потребности «холодной войны» способствовали формированию так называемой «тоталитарной» школы изучения советской истории и, в частности, её начальных страниц. Добавим, что история гражданской войны в известной мере находилась в тени и рассматривалась в общем контексте истории российской революции. Захват большевиками власти «тоталитаристы» рассматривали как случайность, результат заговора и путчистских действий, а удержание власти и победа в гражданской войне объяснялись главным образом чрезвычайными мерами, красным террором, насилием и диктаторскими действиями большевиков. Наиболее яркими выразителями этих взглядов в послевоенные годы являлись такие известные западные историки как Р. Пайпс, А. Улам и Л. Шапиро.

Разумеется, сама «тоталитарная» школа была неоднородна и в частности в подходах к роли идеологии, политики и дореволюционных традиций в практике деятельности большевиков. По мнению американского историка В. Шлапентоха, внутри «тоталитаристов» правомерно выделить несколько течений и групп. Это сторонники «теории власти», отрицавшие существенную роль марксистской идеологии в возникновении и функционировании советского режима и утверждавшие, что главной мотивацией большевиков с их возникновения был захват и удержание власти всеми средствами. Другая группа — приверженцы «утопической теории», подчёркивавшие особую роль идеологии в деятельности большевиков и утопическое видение ими мира. Они

именовали практику их деятельности, начиная со времени революции и гражданской войны, «величайшим триумфом идеологии над реальной жизнью» и «крупнейшей фантазией нашего века». Еще одно течение внутри «тоталитаристов» Шлапентох назвал «традиционалистами». Они видели в Октябрьской революции логичный результат массовых социальных и экономических процессов и противоречий старой России¹³.

В конце 50-х—60-е годы в зарубежной и прежде всего в американской историографии начался критический пересмотр «тоталитарной» модели истории с её негативным отношением к советскому опыту. Этот процесс стимулировался рядом факторов: некоторым ослаблением международной напряжённости и влиянием хрущёвской «оттепели», следствием чего стало определённое изменение образа Советского Союза в зарубежном общественном мнении, а также внутренними процессами в западном и прежде всего в американском обществе, критическим отношением части нового поколения интеллигенции к традиционным ценностям и тем более в условиях нарастающего протеста против войны США во Вьетнаме.

«Великое обновление» осуществлялось усилиями молодых учёных, так называемых «ревизионистов», питавших особый интерес к истории российской революции и в известной мере к тесно связанной с ней гражданской войне. В противовес традиционному их изучению «сверху», через призму власти, политических лидеров, политики и идеологии «ревизионисты» обратились к их исследованию «снизу» — через изучение социального опыта, действий, поведения, настроений и менталитета масс и прежде всего рабочих, крестьян и солдат.

Отрицая старые категории «тоталитарной» модели, «ревизионистская историография вводила в оборот и оперировала новыми понятиями. Примером служит, например, понятие «политическая культура» используемое вместо концепта «идеология» (широко использовавшегося в западной ортодоксальной литературе для характеристики тоталитарного характера большевистской партии, её соответствующего влияния на жизнь советского общества, нетерпимости и жестокого подавления своих идейных и политических противников),

исследование режима стало заменяться изучением общественных отношений. Исследуемая «снизу» и сама политическая история представала а новом свете, требовала иных интерпретаций. Развернулось изучение событий революции и гражданской войны не только в общероссийском масштабе с главным вниманием к столицам, но и на региональном уровне.

В западной историографии усилился интерес к изучению процессов, происходивших в Российской империи в последние годы её существования, и к попыткам модернизации. Иначе говоря, речь идёт об исследовании существовавших глубоких противоречий и об исторических истоках российской революции и гражданской войны¹⁴. «Ревизионисты» доказывали, что Октябрьская революция была не заговором, но результатом массовых социальных движений, недовольства предшествующей властью и существовавшим положением дел, следствием нараставшего и всеохватывающего кризиса.

Уделяя большое внимание истории партии большевиков, «ревизионисты» (А. Рабинович, М. Левин и др.) в противовес ортодоксальной историографии характеризовали её как достаточно демократичную, в известной мере децентрализованную партию, с дискуссиями и разнообразием мнений. И лишь после прихода к власти, в условиях сложнейшей политической и социально-экономической ситуации и нарастающей гражданской войны стала происходить трансформация партии большевиков, формировался её мощный бюрократический аппарат, укреплялись традиции централизма и милитаризации, а методы подавления и террора стали входить в её политическую практику. Размышляя о причинах победы большевиков над своими противниками в гражданской войне, часть западных историков нового поколения заговорила о том, что это произошло благодаря общественной поддержке, особенно со стороны рабочих, и что, выбирая между красными и белыми, рабочие и крестьяне предпочитали поддерживать большевиков.

К середине 80-х годов, по мнению английского историка Э. Эктона, с которым нам представляется возможным согласиться, «ревизионистская» интерпретация была поддержана большинством западных

историков. Эти тенденции преобладали в издаваемой литературе, в учебном процессе в университетах и определяли, казалось бы, приоритеты и направленность изучения истории революции¹⁵. В 1985 г. американская исследовательница Ш. Фитцпатрик в статье «Гражданская война как формирующий опыт» заметила: «В последние годы многие историки предполагают, что Гражданская война заслуживает большего места в нашей картине эволюции большевистской партии и советского режима». Высказывалось предположение, что «происхождение коммунистической автократии» (название одноимённой книги Л. Шапиро) может заключаться в опыте гражданской войны более, чем в марксистско-ленинской теории, авторитаризме Ленина и конспиративных традициях дореволюционной партии.

Целый ряд историков (М. Левин, С. Коэн, Р. Такер) указывал на происходивший в годы войны процесс милитаризации партии большевиков, формирование иной политической культуры и т. д. Но, по мнению Ш. Фитцпатрик, следовало бы идти далее и ответить на вопрос: «Толкнула ли Гражданская война большевиков в направлении, которое они бы в ином случае не избрали?». Сама она полагала, что острая военно-политическая борьба с противниками оказала сильное влияние на большевиков. Вместе с тем, они ещё ранее были интеллектуально и эмоционально подготовлены к применению жестоких мер¹⁶. Но для многих западных историков именно гражданская война явилась событием, предопределившим дальнейшее развитие советского общества, и стала связующим звеном с последующей эпохой сталинизма¹⁷.

Процесс «перестройки» в СССР способствовал росту популярности «ревизионистских» трактовок. Был издан целый ряд работ историографического характера, посвящённых переосмыслению советской истории¹⁸. К тому же, если ранее историки-«ревизионисты» всё-таки уделяли преимущественное внимание теме революции, то именно в эти годы, по авторитетному свидетельству Ш. Фитцпатрик, «период гражданской войны начал по праву превращаться в главный предмет исследований»¹⁹. Во второй половине 80-х годов выходят в свет, например, объёмистые монографии по истории гражданской войны в России британского исследователя

Э. Модсли и американца Б. Линкольна²⁰, носившие, впрочем, скорее научно-популярный характер.

Заметным событием научной жизни стало проведение в США четвёртого и специально посвящённого российской гражданской войне семинара по истории России в XX веке и советской социальной истории. В 1989 году был опубликован сборник его материалов под названием «Партия, государство и общество в российской гражданской войне»²¹. В противовес более изученной и известной, по мнению участников семинара и составителей сборника, военной и политической истории они уделили главное внимание проблемам социальных и демографических перемен, изучению рабочего класса и интеллигенции (учитывая, что история крестьянства представляет собой большую и самостоятельную тему), политической культуре советского лагеря, изменениям в партии большевиков, управлении и государственном строительстве. Особо отметим опубликованные здесь статьи концептуального и историографического характера Ш. Фитцпатрик, Л. Хеймсона и М. Левина. В целом, это издание стало важной вехой в развитии западной истории и историографии гражданской войны в России.

Изучая гражданскую войну «снизу», с позиций социальной истории западные исследователи нового поколения стремились осуществить социальное измерение советской политической истории, то есть сделать то, что упускалось их предшественниками. Этому способствовали и новые научно-технические возможности, связанные с привлечением и обработкой массовых источников, что неизмеримо расширяло взгляд как на социальную, так и на политическую историю, позволяло анализировать действия, симпатии и антипатии масс, их участие в государственном строительстве на разных уровнях власти. Узость прежней источниковой базы «тоталитарной» историографии, ограниченной главным образом опубликованными официальными материалами партии большевиков, центральной партийной и советской печати, предопределяла во многом и узкофокусированный взгляд и выводы исследователей.

Добавим, что в последнее десятилетие как

российским, так и зарубежным историкам стали доступны и архивы высших органов советской политической власти, что открыло принципиально новые исследовательские возможности в изучении истории России эпохи гражданской войны. Таким образом, расширявшиеся источниковые возможности, новые подходы и технологии источниковедческой проработки привлекаемых материалов несомненно и весьма определённо влияли на концепции и методологию исследований.

При несомненных достоинствах «ревизионистской» историографии и её главном внимании к социальной истории, стремлении осмыслить её через умонастроения и действия масс и по-новому взглянуть на политические процессы и государственное строительство в Советской России в ней явно недооценивались и практически не исследовались специально противники большевиков, что, говоря объективно, несомненно препятствовало воссозданию широкомасштабного исторического полотна рассматриваемой эпохи, в реальной борьбе всех политических сил.

Характеризуя складывание и развитие «ревизионистского» направления, нельзя не признать, что по мере укрепления его позиций оно дифференцировалось, постепенно утрачивая цельность и единство, обусловленное изначальной потребностью борьбы со сторонниками «тоталитарной» школы, выявлялись существенные различия подходов и оценок. Нередко происходили и внутренние дискуссии, например, по поводу обусловленности и predeterminedности перехода большевиков к политике подавления своих противников и массовому террору или о допустимости применения классовых категорий и подходов в изучении российской истории периода гражданской войны²².

Важное влияние на исследование рассматриваемой нами темы неизменно оказывала политика. Общая ситуация в зарубежной историографии в целом и в освещении революции и гражданской войны в частности существенно изменилась в результате распада СССР. Развернулся процесс новой «ревизии» созданной исторической литературы, и произошёл определённый

сдвиг вправо. Ярким проявлением неототалитарного подхода стало издание в 90-е годы двух книг профессора Гарвардского университета Р. Пайпса²³. Он характеризовал происходившее в России не как социальную революцию, а как политический коллапс. Лейтмотивом издания стало предьявление Пайпсом не только политического, но и морального счёта большевикам, считавших возможным, по его мнению, использование всех средств и не гнушавшихся ничем в борьбе со своими противниками. Автор полагал, что аморальность идей и политики большевиков заслуживает всяческого осуждения. Победа большевиков в гражданской войне, по его утверждению, была достигнута благодаря тому, что они контролировали центр страны. Кроме того, они отличались большей жестокостью, кровожадностью и террором, чем их противники. Р. Пайпс пришёл к выводу, что власть большевиков и фашистские режимы в Италии и Германии были близки друг другу с самого начала. Это проявлялось не только в одинаковых институтах и политике, но и в психологии основателей, чьим главным мотивом было не что иное, как ненависть.

Вокруг книг Р. Пайпса развернулась острая полемика. М. Малиа назвал его «Русскую революцию» «целеустремлённой, важной, сильно написанной, но вместе с тем и односторонней книгой». П. Кенез завершил свои размышления о ней так: «Читатель закрывает эту длинную и мрачную книгу с облегчением». Он выразил сожаление, что Пайпс, «ослеплённый стеснённой и непривлекательной идеологией, не смог, несмотря на его несомненную эрудицию, ум и талант, пересказать великую историю о русской революции в убедительной манере». Ненависть к революции и революционерам, утверждал Кенез, не позволила автору претендовать на объективное толкование истории российской революции и гражданской войны и дать «убедительное объяснение победы большевиков в гражданской войне»²⁴. По мнению многих критиков из числа своих коллег-историков, Р. Пайпс фактически проигнорировал историографическую и исследовательскую работу целого поколения западных историков.

Встретившие критическое восприятие многих

историков последние книги Р. Пайпса получили вместе с тем достаточно благоприятный отклик в широкой прессе, общественно-политических изданиях, предназначенных для массового читателя, что явилось отражением общей популярности политического консерватизма, который, как полагали многие, способствовал крушению советского коммунизма. Добавим, что Пайпс был в 1993 г. приглашён прочитать престижную ежегодную серию лекций в Нобелевском институте (Осло). Будучи переведены на русский язык, его работы большими тиражами издавались и довольно успешно расходились в постсоветской России.

В развернувшейся на Западе дискуссии вокруг новых трудов Р. Пайпса его страстным защитником и критиком «ревизионистов», а также советской историографии, выступил коллега по Гарварду В. Н. Бровкин, автор ряда интересных работ по истории гражданской войны. По его мнению, «ревизионисты» создали новую мифологию гражданской войны, внесли марксистские категории в социальный анализ и совершенно необоснованно «рассматривали победу большевиков в гражданской войне как естественное и прогрессивное событие в истории XX века»²⁵.

В противовес «ревизионистам», писавшим «о приходе большевиков к власти» при достаточно массовой социальной поддержке их оппоненты утверждали, что большевики «захватили власть» против воли большинства и удерживали её методами подавления и насилия. По их мнению, само понятие «поддержка» большевиков требует уточнения и чёткого определения, и в любом случае массы не санкционировали красный террор и диктатуру. «Мысль о том, что возможно одержать победу в гражданской войне вопреки воле большинства населения, исследователи даже не рассматривали всерьёз», — утверждал В. Н. Бровкин²⁶.

Оппонируя ключевым понятиям и категориям, использовавшимся «ревизионистской историографией», их противники подчёркивали, что в годы гражданской войны «не было государства, а только части старого государства, воюющие между собой, и конечно не существовала единого общества, но в лучшем случае —

общество, разорванное на куски». «История снизу, — по мнению того же Бровкина, — в действительности должна демонстрировать степень, с которой различные социальные группы в России защищали свою автономию и сопротивлялись введению централизованной диктатуры»²⁷. В. Н. Бровкин, критикуя фактическое исчезновение политики и политиков в «ревизионистской» интерпретации истории (в подобной оценке с ним солидарны и другие исследователи — сторонники консервативного направления, например М. Малиа²⁸), инициировал издание в 1997 г. интересного международного сборника статей «Большевики в российском обществе. Революция и гражданские войны». Цель этого издания была определена следующим образом: «Исследование взаимоотношений государственной власти — как красной, так и белой — с социальными и политическими группами, преследовавшими свои собственные цели в Российской революции и Гражданской войне»²⁹. Защищая социальную интерпретацию истории против нападок справа, некоторые её представители всё-таки в определённой мере признавая упрёки в свой адрес. Они полагали, что политика должна заполнить «белые пятна» социальной истории

Английский историк Р. Саква, указывая на важность иных принципов анализа и новой методики исследований советской проблематики и в частности применительно к рассматриваемому периоду, подчеркнул необходимость отхода от релятивизма, ассоциируемого с эпистемологическим методом исследования («как познать историческое явление»), к более категорическому по своему характеру онтологическому методу («что есть явление»)³⁰.

Среди новаций последних лет в подходах западной историографии к теме революции и в известной мере гражданской войны стал постмодернизм. Для него было характерно первоочередное внимание к дискурсивному в объяснении человека. На первый план выдвигались язык, смысл значений и история идей, внутренний мир людей, соотношение сознания и повседневного существования в противовес социальному анализу, проблемам социальной

структуры и социально-экономических интересов, чем традиционно занимались социальные историки³¹. Р. Г. Суни, например, предложил сторонникам социальной и политической школ признать свои слабости и работать вместе через «постмодернистский» синтез соперничающих историографических тенденций, полагая, что только таким образом историки могут продвинуться в правильном понимании Российской революции³².

Анализ меняющегося языка, лексики в эпоху революции и гражданской войны использовался сторонниками постмодернистского направления для характеристики меняющегося мышления и психологии масс. «Новая культурная история» призвана, по мнению её сторонников, качественно расширить и само понятие «социальная история». В контексте постмодернизма могли бы развиваться не только социальная интерпретация, но и концепции, изучающие такие категории как «гендер», «этнос», «власть», «рынок» и др. Хорошие перспективы имеет междисциплинарный подход, сущность и преимущества которого в сопоставлении с другими исследовательскими направлениями изложил британский историк П. Дьюкс³³.

Характерной чертой новейшей зарубежной историографии российской революции и гражданской войны стал усиливающийся интерес к её региональным аспектам и локальной истории. Это воплотилось в книги, статьи, диссертационные исследования³⁴ и позволило глубже ощутить атмосферу, обстоятельнее и полнее рассмотреть и понять произошедшие события и процессы и в целом осмыслить уникальный феномен российской гражданской войны, раскрыть её региональную составляющую.

При многообразии существующих мнений и подходов в процессе переосмысления истории революции и гражданской войны в России в 90-е годы весьма полезными представляются работы историографического характера авторов, придерживающихся различных идейно-политических позиций и принадлежащих к разным научным школам³⁵. Заметим, что наряду с ростом числа специальных работ по истории и историографии гражданской войны, эта тема по-прежнему часто входит составной частью в более общие издания, посвящённые

эпохе российской революции. При этом зарубежные авторы рассматривают её в несравненно более широких, чем привычно для нас, хронологических рамках: 1899—1919, 1914—1921, 1917—1929 и т. д. Тема российской революции и гражданской войны находит серьёзное освещение в целом ряде общих изданий последних лет по истории России³⁶.

Таким образом, в новейшей зарубежной, как и в отечественной историографии, идёт сложный процесс отрицания и поиска новых теоретических и методологических подходов, объяснений и интерпретаций проблем гражданской войны в России в органичной взаимосвязи с российской революцией. Конец 80-х—90-е годы характеризовались развивающимся диалогом российских и зарубежных историков, совместным участием в научных конференциях и публикацией различных изданий, созданием объединённых коллективов для реализации отдельных проектов по истории гражданской войны в России³⁷. И тем не менее, вряд ли возможно говорить о механическом слиянии разных историографических потоков, ибо отечественная и зарубежная историография имеют свои традиции и наработки. Дальнейший процесс сближения и взаимопонимания видимо будет во многом обуславливаться общностью или близостью идейно-политических взглядов, подходов и концептуального понимания проблем, а также конкретными исследовательскими интересами групп историков из разных стран.

ГЛАВА 2

ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Итак, охарактеризовав общие тенденции в изучении, осмыслении и переосмыслении истории гражданской войны в отечественной и международной историографии, необходимо разобраться в том, насколько плодотворно происходит процесс новой концептуализации гражданской войны. Это, в свою очередь, требует рассмотрения комплекса проблем. И первая из них: как и почему началась гражданская война в России, один из крупнейших катаклизмов в мировой истории XX века.

И здесь мы прежде всего сталкиваемся со старыми и наиболее дискуссионными вопросами о «виновниках» и «зачинщиках» гражданской войны.

Эти вопросы, в последние годы активно поднимаемые российскими публицистами, политиками, а нередко и самими историками, всё же представляются не вполне корректными с научной точки зрения. Они заставляют историков так или иначе солидаризоваться с кем-то из противников в былой войне, нередко действовать в зависимости от политической конъюнктуры, а это не способствует поиску исторической истины. Не следует ли вместо двух сакраментальных вопросов, характерных для русской интеллигенции, — «Кто виноват?» и «Что делать?» задаться иными вопросами — «Кто прав?» и «Что не надо делать?» — обратился к коллегам во время одного из «круглых столов» по истории гражданской войны в России профессор А. И. Зевелёв?¹

На наш взгляд, представляется более продуктивным для исследования перевести обсуждение в русло более академичной и собственно научной проблемы — истоки и происхождение гражданской войны в России. Отметим

плодотворное обсуждение этой темы на международной научной конференции в Москве «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год», материалы которой были опубликованы в 1994 году². Следует отметить немало конструктивных идей, высказанных при обсуждении данных вопросов, в международном сборнике «Гражданская война в России: перекрёсток мнений» (М., 1994). Из зарубежных изданий выделим интересную книгу англичанина Дж. Свейна «Истоки российской гражданской войны», изданную в международной серии «Происхождение современных войн»³.

Проблема истоков гражданской войны в России тесно связана с вопросами, была ли она фатальной и неизбежной? Возможно ли было её предотвратить? Ответы на эти вопросы в глобальном плане требуют рассмотрения в русле современных дискуссий о «расколе», на протяжении нескольких веков характерного для российского общества (бытует даже определение России как «расколотовой цивилизации»)⁴, о кризисном ритме и конфронтационности российской истории, негативистском типе российской политической культуры, о специфике российского имперства (как в общем контексте теории имперства, так и в логике системного кризиса империи, её смерти и возрождения)⁵, о попытках и результатах модернизации России, взаимодействии модернизаторства и традиционализма в начале XX века, шансах дальнейшего реформистского развития страны, соотношении реформистской и революционной альтернатив, об особенностях российской революционной традиции⁶ и, наконец, об исторических корнях и предпосылках Великой российской революции 1917 года⁷, прошедшей в своём последующем развитии ряд стадий.

Анализ современной исторической литературы позволяет выделить ряд факторов, которые предопределили неотвратимость, масштабность и жестокость гражданской войны в России: 1) Глубокая социально-политическая поляризация российского общества в начале XX века. Попытки модернизации и реформ блокировались как справа, так и слева. Отсутствие укоренённых традиций демократии, накопившаяся многовековая ненависть низов к верхам, традиции бунтарства и крестьянских войн — всё это предвосхищало грядущий катаклизм. Обострившийся и разрастающийся в обществе конфликт, воплотившийся в конечном счёте в гражданскую войну, вызревал в условиях своеобразной массовой политической культуры, фактически не знавшей компромиссов как способа разрешения конфликтов и

противоречий; 2) Российская революция 1917 г. привела к глубоким изменениям в отношениях власти и собственности, что обусловило упорные попытки реванша со стороны сил, их утративших. В свою очередь, левые радикалы и прежде всего большевики достаточно легкомысленно относились к самой теме гражданской войны, используя её в качестве одного из своих лозунгов⁸. Они явно недооценивали возможный размах и страшные последствия такой войны, силу и возможности своих потенциальных противников; 3) Гражданская война вызревала не только «сверху» — усилиями политиков и партий, но и «снизу» — из бурлящего потока революций, первоначально слившихся воедино, а затем переживших неизбежную полосу взаимных распрей, столкновений, борьбы и распада; 4) Революции и гражданская война в России выросли из Великой войны, которая во многом сформировала атмосферу, психологию и поведение населения, убеждённого в возможности решить основные вопросы политики и повседневной жизни прежде всего посредством насилия, с оружием в руках. Дух войны поистине витал над революцией и пронизывал её. В российском обществе отсутствовал иммунитет к гражданской войне; 5) Мировая война и российская революция 1917 г. оказали колоссальное воздействие на международные отношения, что во многом предопределило неизбежность иностранного вмешательства во внутренние дела распадающейся России, а с другой стороны, попытки революционных сил превратить войну империалистическую в войну гражданскую в международном масштабе, реализуя идеи мировой революции.

Московский исследователь В. И. Шевченко, пытаясь воссоздать обобщённое и целостное теоретическое понимание истоков и генезиса гражданской войны в России, предлагал рассматривать её в общем контексте перехода от докапиталистического государства традиционного типа к буржуазно-демократическому, гражданскому обществу. Он выделил следующие необходимые условия её возникновения: кризис монархического, феодального государства, перерастающий в его распад (т. е. разрушение государственно-властной ткани общества, социальных отношений — политико-правовых, хозяйственных, нравственных) и раскол (как состояние общественного сознания, духовной атмосферы и культуры в целом);

последующее нарастание гражданской войны не только сверху, но прежде всего снизу (стихийные процессы, происходящие в толще народной жизни в период распада и революционных потрясений); борьба главных политических сил за власть, уход с политической арены умеренных сил и выход на передовые рубежи противоборствующих радикальных партий; расколотость массового сознания и формирование в нём образа врага, радикализация общества и призывы борющихся сил к народу для вооружённой борьбы с врагами и изменниками⁹.

Когда началась гражданская война в России? Этот дискуссионный в историографии вопрос, когда называются самые разные даты и звучат различные предположения¹⁰, тесно связан с только что рассмотренной проблемой. Ответ на него зависит от того, что понимать под гражданской войной, различая её с иными формами борьбы — «вооружённый конфликт», «восстание» и др. Думается, что вряд ли возможно назвать точную дату вступления России в гражданскую войну, связывая это с конкретным актом или событием. Представляется правомерным с точки зрения научного познания говорить о стадиях «вползания» России в гражданскую войну.

Новая крестьянская война против помещиков и власти за «землю и волю», развернувшаяся, по мнению ряда авторитетных историков, с начала XX века, то затихая, то усиливаясь, продолжалась до 1917—1918 годов и влилась в конце концов в общую широкомасштабную российскую гражданскую войну¹¹. Февральская революция (и прежде всего её события в Петрограде) стала актом достаточно краткосрочной и ограниченной гражданской войны. Июльские события, а затем выступление Корнилова также явились локальными актами гражданской войны и продемонстрировали намерения противников утвердиться у власти, опираясь на вооружённую силу.

Среди фундаментальных вопросов, которые привлекли пристальное внимание современных исследователей, вызвали дискуссию и большую литературу, — это, конечно, тема альтернатив в 1917 году. И в связи с этим историки вновь и вновь задавали

и пытались ответить на вопросы: была ли победа большевиков неизбежной и был ли единственной альтернативой этому приход к власти правой диктатуры? Были ли политические шансы у центристов и сторонников парламентской демократии? Могла ли быть иной судьба Учредительного собрания?¹² Анализ происходивших событий, процессов столкновения и противоборства различных сил в конечном счёте также приближает к ответу на вопрос о том, как вызревала гражданская война в России, и была ли она неминуема.

В последние годы сложилась большая литература, посвящённая различным политическим партиям, социальным слоям и классам, их поведению и действиям в условиях нарастающего от февраля к октябрю 1917 г. кризиса. Причём, если в новейшей российской историографии особый интерес и освещение находят оппоненты и противники большевиков, которые не являлись предметом специального научного изучения в советской исторической литературе, то в зарубежной историографии, напротив, в фокусе освещения и исследования находится партия большевиков. Причём, наряду с анализом её состояния и действий в эти критические месяцы предметом интереса и изучения становятся и более общие вопросы, связанные с революционной идентичностью, восприятием марксистского учения большевиками и меньшевиками. Была ли российская революция, трактуемая большевиками как социалистическая, предметом научного анализа или мечты? Какими нравственными нормами руководствовались большевики до и после прихода к власти? Каковы были их философия и культура? Как и почему изменялись они, их взгляды и действия, какое в действительности отношение к марксизму имела революционная практика большевиков?¹³ Свержение Временного правительства явилось актом гражданской войны со стороны левых сил¹⁴. Попытки их противников, достаточно широкого политического спектра, использовать вооружённую силу для устранения большевиков от власти и превращения отдельных регионов (прежде всего с казачьим населением) в оплоты борьбы против советского центра столь же наглядно продемонстрировали их намерение к

непримиримой гражданской войне. В последующие месяцы можно зафиксировать ряд важных событий, усугубивших сложность российской ситуации (ропуск Учредительного собрания, Брестский мир), но антибольшевистские силы не могли похвастаться крупными успехами в вооружённой борьбе за власть. Гражданская война носила очаговый характер. И лишь комплекс причин конца весны — лета 1918 года обусловил втягивание страны в широкомасштабную гражданскую войну. Согласимся с мнением, высказанным В. П. Дмитренко, что гражданская война была порождена глубоким социально-классовым, национально-религиозным, идейно-политическим и морально-нравственным расколом общества и довела этот раскол до крайней степени, когда он затронул личность, семью, коллектив, нации и народности, общество¹⁵.

Российская революция и гражданская война — связь между этими двумя явлениями, зафиксированная ещё современниками, нашла в историографии всемерное подкрепление и наполнение. Вместе с тем, характер этой связи — дискуссионный вопрос, ибо за этим опять-таки стоит и ответственность за трагедию гражданской войны в стране. И здесь сторонники и противники революции обычно занимали непримиримые позиции, возлагая вину на своих оппонентов. Не случайно Сталин и его историки стремились разорвать внутреннюю сопряжённость этих явлений, возлагая всю ответственность и вину за гражданскую войну на внутреннюю и внешнюю контрреволюцию. Правомерно рассматривать эту взаимосвязь в логике столкновения революции и контрреволюции, а также в разных временных пластах: 1) революционные события 1917 года и так называемая «малая» гражданская война; 2) гражданская война в постреволюционной России. Ибо именно в ней она приобрела всеобщий и широкомасштабный характер, стала гражданской войной в полном (наиболее жестоком и трагичном) смысле этого слова — «большой гражданской войной».

Японский исследователь Х. Вада ввёл удачное, по мнению многих историков, определение российской революции 1917 года как комплекса революций в эпоху мировых войн¹⁶. Сегодня многие российские и зарубежные исследователи, рассматривающие историю российской

революции «снизу», с позиций социальной истории, придерживаются трактовки происходившего как серии революций, различных по своей классовой и социальной природе, целям и задачам, составу участников, и вместе с тем уникально слившихся воедино и придавших огромную силу революционному процессу: пролетарская, крестьянская, солдатская, национальная (или революция национальностей), региональная, локальных миров. Размышляя о множестве иногда конфликтующих революций, английский историк К. Рид утверждал, например, что «каждая социальная группа, каждая национальность, каждый регион, каждый город, каждая деревня имели свою собственную революцию»¹⁷.

В этом потоке революций преобладало разрушительное, радикальное начало — антибуржуазная (ориентированная в перспективе на социализм), антивоенная, антифеодальная, антипомещичья, антиимперская, антицентралистическая, антибюрократическая. Социалистические, общедемократические и антивоенные требования переплетались воедино. Соединение и сплетение воедино разных революционных потоков и интересов в Октябре 1917 г. не только усиливало мощь и масштабность происходившего, но и было источником противоречий и известной слабости, предопределяя будущие проблемы, с которыми столкнулись большевики.

Звучные демократические лозунги и популистские обещания вскоре обнаружили свою несостоятельность. Кстати, феномен «демократии» и «демократизации» и в рассматриваемый период, и в конце 80-х - начале 90-х годов воплощался на российской почве своеобразно и играл скорее роль тарана, дезорганизующего и разрушающего прежние структуры власти, нежели выполнял конструктивные функции. Политическим лидерам и той, и современной поры не хватало опыта управления, государственной мудрости и ответственности перед своим народом.

В послеоктябрьский период по мере реализации первоочередных требований происходило рассогласование революций, обнаружилась глубокие внутренние противоречия, тяга к раздроблению, обособлению, защите разнообразных групповых интересов и к

социальному эгоизму. Именно на этих «тектонических разломах» революционного движения появлялись очаги гражданской войны. Нельзя не согласиться с В. П. Дмитренко: «Трагедия российской революции заключалась не только в её саморазвитии, но и самораспаде, самоуничтожении. Идеалы революции беспощадно растаптывались её главными «движителями» — участниками»¹⁸. И в подобном развитии революции вызревали предпосылки гражданской войны.

Крестьянская и антипомещичья революция вылилась по мере реализации её основных задач во внутрикрестьянскую борьбу, привела к падению товарного производства и столкнулась с интересами городского населения и рабочей революции, посадив города и рабочих на голодный паёк. По мнению ряда историков¹⁹, термин «общинная революция» наиболее полно характеризует направленность действий крестьян в 1917—1918 годах. Развёртывавшаяся в 1917 году крестьянская «общинная революция» происходила в несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности, и наступление на собственников развёртывалось по нескольким направлениям. Например, по утверждению В. В. Кабанова, обострение крестьянского движения летом 1917 года, перестройка основанных на началах частной собственности земельных отношений, насильственные действия, направленные в первую очередь против помещиков, и есть начало гражданской войны²⁰.

В дальнейшем общинники стремились в ходе «чёрного передела» захватить как можно больше земли и угодий, в чьей бы собственности и пользовании они раньше не находились, пытались устранить «нетрудовой» элемент из сельскохозяйственного производства и хотели установить «справедливые» отношения с понимающей их нужды и привычной по форме властью. В своих действиях они вольно или невольно оказались в состоянии войны против всех — помещиков, хуторян, отрубников, членов других общин, создаваемых коммун, города, старого и нового государства. Свою самоорганизацию они связывали не с крестьянскими, земельными, продовольственными комитетами или Советами, а с привычной общиной и подчинением традиционному

крестьянскому сходу. Они не были заинтересованы в сильном и диктующем им свою волю государстве и готовы были сопротивляться ему во имя реализации своих интересов. «Крестьянские выступления переросли в войну общины с городом за право не платить налоги и за избавление от вмешательства в свои дела. Сила неостановленной крестьянской стихии была такова, что любое правительство, не санкционировавшее уже проведённого явочным порядком захвата земли, было обречено на неминуемое устранение²¹». Попытки советской власти расколоть деревню, сделав ставку на её низы, деревенскую бедноту, и принудительным путём изъять продовольствие привели к вооружённой конфронтации и резкому обострению гражданской войны.

Национальная и антиимперская революция привела к распаду российского государства²². Обнаружилась и вся противоречивость популистского ленинского лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств. Начались муки рождения и становления этих суверенных государств. Ведь государственную самостоятельность в результате распада прежней империи получили не только те территории, которые её когда-то имели, но и те, которые никогда её не имели и даже не помышляли ранее о таковой. Уже первые послеоктябрьские месяцы выявили, с одной стороны, огромную притягательность, а с другой стороны, колоссальную опасность, воплощённую в национальной идее, которая явилась средством политического манипулирования со стороны различных сил, выпячивания собственного национального «я» и неуважения прав других народов и национальных групп. Благие идеи и национальный вопрос в целом превращались в детонатор преобразовательных процессов. Всё это являлось причиной многих межнациональных конфликтов, несших в себе семена будущей гражданской войны²³. То же самое мы в полной мере вновь увидели в советском и постсоветском пространстве в конце 80-х—90-е годы.

Региональная, антицентралистическая и локальные революции воплотились в рассматриваемый период в хорошо известные нам по опыту последних лет «парад суверенитетов» и сепаратизм. Можно вполне согласиться

с историками Г. А. Бордюговым и В. А. Козловым: «Весной 1918 г. Советская Россия представляла собой огромный конгломерат самоуправляющихся и фактически «самостийных» территорий и хозяйственных единиц, страну с разорванными экономическими связями и слабой центральной властью»²⁴. Возвращаясь к своему определению российской революции как комплекса революций, японский историк Х. Вада указывал на трудность построения нового государства на интеграции расчленённых частей народа. В то же время «новая диктатура должна была, — по его мнению, — восстановить военное государство времён самодержавно-конституционного, которое потерпело поражение»²⁵. Жёсткие действия большевиков по собиранию и укреплению государственности натолкнулись на сопротивление различных сил и также вылились в многообразные проявления нарастающей гражданской войны.

При отрицании и быстром разрушении старой государственности процесс строительства «государства нового типа» в Советской России шёл исключительно трудно. Многие положения марксистской и большевистской теории не стыковались с суровыми реалиями пореволюционной России. Поспешно отбросив остатки прежних центральных и местных органов управления и самоуправления, большевики вскоре обнаружили конструктивное несовершенство Советов, которые, претендуя на всю полноту государственной власти, оказались совершенно не готовы к выполнению новых функций²⁶.

Рабочая революция воплотила прежде всего своё антибуржуазное («антибуржуйское») содержание и направленность требований, перейдя от всеобъемлющего рабочего контроля к рабочему управлению предприятиями и к форсированной «красногвардейской атаке на капитал», что привело в конечном счёте к дезорганизации управления производством и углублению социально-экономического хаоса в стране. Радикализм рабочих определялся во многом их политической культурой и негативным отношением прежней власти и предпринимателей к рабочему классу и его организациям. Постепенно развивался конфликт между рабочими, претендовавшими на всю полноту власти и собственности на предприятия, и советским государством, руководство

которого трактовало национализацию, как переход предприятий в собственность и полное распоряжение государства и его хозяйственных органов. Важным элементом хаоса, усилившегося в 1917—1918 годах, являлось погромное движение в городах²⁷.

Центральное советское руководство пыталось весной 1918 года переосмыслить систему и методы хозяйственной деятельности, отказавшись от штурмовых методов строительства новой экономики и вводя элементы плановости, государственного регулирования, дисциплины, рационализации и повышения роли специалистов на предприятиях. Но эти идеи и действия столкнулись с оппозицией и обвинениями в стремлении «вновь укрепить рабочих». Заметно активизировалась деятельность и популярность меньшевиков среди рабочих, что сказалось и на выборах в местные Советы. На большевиков возлагалась и ответственность за тяжёлую продовольственную ситуацию, в которой оказались города и рабочие весной 1918 года. Пытаясь спасти положение и свою власть, советское руководство с конца весны — летом 1918 г. прибегло к помощи рабочих продотрядов в реализации чрезвычайной политики по изъятию продовольствия в деревне и созданию комитетов бедноты. Но означало, с другой стороны, сознательный раскол деревни и внесение в неё гражданской войны. В целом же, что касается исследований, посвящённых рабочей революции и её результатам, положению и деятельности рабочего класса осенью 1917 — в первой половине 1918 года, то они существенно различаются по подходам, содержанию и выводам²⁸.

Важным фактором набирающих силу разрушительных процессов в стране стала внутрисоветская борьба. Уже II съезд Советов в конце октября 1917 года стал началом глубокого раскола в только что рождающейся новой власти. Несостоявшиеся компромиссы в виде «однородного социалистического правительства» на базе Советов и соединения власти Советов и Учредительного собрания вели к углублению противоречий. Этап «разбегания» Советов (по выражению В. П. Дмитренко) был вполне логичен и естественен. Свообразными

фронтами этой борьбы были межпартийная и политическая борьба в Советах, расхождения между городскими и сельскими Советами, противоречия между центральными, губернскими, городскими и уездными Советами. В ряде случаев, как, например, в Ижевске и Воткинске летом 1918 года²⁹, внутрисоветская борьба переросла в восстания. Наконец, Советы в национальных районах трансформировались в национальные органы власти, возглавляя борьбу за самоопределение народов, их автономию, а нередко и отделение³⁰.

Таким образом, налицо было переходное состояние, когда «власть Советов» не складывалась в «советскую власть». Последняя распадалась на множество разнородных по политическому и социальному содержанию и направленности деятельности властей. Антидемократические процессы в Советах весной — в начале лета 1918 года, линия большевиков на вытеснение из них представителей других партий и укрепление собственной власти, наряду с попытками самоопределения многочисленных ветвей местной власти привели общество к растущей конфронтации. Всё это также способствовало росту всходов гражданской войны. Эти процессы подробно исследуются в работах В. П. Дмитренко, С. В. Леонова и ряда других современных российских и западных авторов³¹.

Солдатская и антивоенная революция привела к демократизации, деморализации и распаду старой армии, выходу России из войны. Миллионные солдатские массы хлынули в глубь страны, радикализируя общество и обостряя политическую борьбу. Но выход России из войны не завершился ожидаемым демократическим миром без аннексий и контрибуций, а привёл к сепаратному и унижительному Брестскому миру. «В череде событий, определивших движение России к гражданской войне, Брест стал, пожалуй, решающим, — заметил Г. З. Иоффе. — Ленин планировал превращение войны империалистической в войну гражданскую, но получилось иначе: гражданскую войну породил империалистический мир». Если разгон Учредительного собрания, по его мнению, чувствительно ударил по демократическим чувствам интеллигенции, то Брест был

воспринят как прямое унижение российского патриотизма — чувства значительно более укоренённого в России, чем чувство демократизма³². Аналогичные суждения высказал в своей книге Дж. Свейн. Тезис «сепаратный мир для гражданской войны» стал одним из лейтмотивов его книги³³.

В высказанных утверждениях, на наш взгляд, всё-таки несколько преувеличивается значение Бреста в движении России к гражданской войне. Но после заключения Брестского мира патриотическая идея действительно стала одним из наиболее эффективных и притягательных средств в собирании воедино оппонентов и противников большевиков. Правда, уже летом 1918 года общая ситуация стала меняться в условиях расширения антисоветской интервенции стран Антанты, а также Центральных держав. Капитуляция последних и денонсирование советской властью в ноябре 1918 года Брестского мира способствовали тому, что в дальнейшем притягательная патриотическая идея уже активно эксплуатировалась большевиками в войне со своими противниками, которых поддерживали интервенты Антанты. Последствием Брестского мира становится и потеря большевиками последнего политического союзника — левых эсеров. С другой стороны, неудача прямого военного столкновения с Германией и вынуждённый грабительский мир ускорили создание большевиками боеспособной армии, превратившейся в дальнейшем в орудие гражданской войны.

Таким образом, единый осенью 1917 года поток революций распадается, обнаруживая многочисленные противоречия и проявления нарастающей гражданской войны. Явления хаоса, распада, дезорганизации власти и производства приводят российское общество летом 1918 года к тотальному противостоянию по принципу «все против всех».

Исключительно важной для современной историографии является проблема человека в революции и гражданской войне. Тема эта многогранна и отнюдь не исчерпывается проблемой политических лидеров, видных деятелей эпохи, хотя воссоздание их биографий и политических портретов важно само по себе³⁴. Изучение российской повседневности и, в частности, на изломах истории, рост внимания к обычному, «маленькому» человеку приобретает сегодня особое значение. Революции несут новую ментальность, ведут к ломке

старых традиций, норм и привычек жизни, смене ценностных ориентаций, глубоким изменениям в поведении людей. Происходит усиление девиантного поведения людей, их агрессивности, что в конечном счёте создаёт предпосылки гражданской войны. И с этой точки зрения проблема человека в революции и гражданской войне призвана стать важным стимулом и механизмом познания рассматриваемой эпохи, её психосоциальных процессов. Поэтому следует приветствовать проведение в последние годы по инициативе Научного совета РАН «История революций в России» ряда конференций, посвящённых теме «Революция и человек», с последующей публикацией сборников их материалов³⁵ и указать на необходимость дальнейшего и более активного изучения её применительно и к гражданской войне.

В. В. Журавлёв, выступая на страницах одного из вышеназванных сборников, справедливо поднял вопрос о своеобразной «ярмарке личных интересов» в революции. Он подчеркнул, что понять исторический смысл революции невозможно без представлений о том, кому и что она реально дала и у кого и что она отняла в экономическом, социальном, политическом, духовном и мировоззренческом отношениях. Он попытался выделить и основные «классические» типы на этой «ярмарке»: убежденные революционеры; убеждённые защитники старого строя; оборотни революционной эпохи; мученики и страстотерпцы революции; обыватель революционной поры и среднеактивный субъект революционного процесса.

Характеризуя два последних типа, как наиболее распространённых в революционную эпоху, Журавлёв определил обывателя революционной поры как традиционную и консервативную часть общества, поднятую революцией со «дна» своего повседневного состояния, не столько по собственной воле, сколько революционной обстановкой. Что касается среднеактивного субъекта революционного процесса, то он охарактеризовал его как склонного к переменам и готового поддерживать их, но болезненно реагирующего, когда они не дают ожидаемых результатов и хотя бы временно ухудшают его социальный и материальный статус. Журавлёв обратил внимание и на то, что эта

категория, составляя массовую базу революционного процесса во время его подъёма, способна резко менять ориентацию на революционных ухабах и поворотах и обречена колебаться между революционерами и обывателями³⁶. Всё вышесказанное в отношении личных интересов и основных типов участников происходивших событий применимо и при анализе социальных процессов в гражданской войне, неотделимо связанной с революционной эпохой.

Значительный исследовательский интерес российских историков в последние годы вызывает тема бунтарства как особой формы народной борьбы, органично вплетавшейся в ткань российской революции и разраставшейся гражданской войны. Русский бунт хорошо известен истории своей беспощадностью, разрушительностью, явным преобладанием эмоционального протеста над конструктивным началом, широким истреблением противников и присвоением их собственности, стремлением к уравнительству. Он воплощался в массовых самосудных расправах и пьяных погромах 1917 года, голодных бунтах в городах, выступлениях мобилизованных в Красную армию, крестьянских вооружённых протестах против продовольственных изъятий³⁷. Колоссальная энергия «русского бунта» не могла полностью исчезнуть под давлением репрессивной политики государства. Она воплотилась в дальнейшем в организованную гражданскую войну, придав ей свойственные ему черты, огромный накал, ожесточённость и беспощадность.

В современной литературе довольно часто высказывается утверждение, указывающее на ещё одну взаимосвязь между революцией и гражданской войной в России. Речь идёт о зрелости (точнее сказать незрелости) страны для социалистического эксперимента³⁸. Революционные взрывы 1917 года были ответом масс на невыносимые условия жизни и обусловлены также их убеждением в том, что существующая власть не сможет улучшить их положение. Но в это время социально-экономические, культурные, общецивилизационные предпосылки для социальной революции социалистического типа ещё не созрели. Поэтому большевики, пытаясь спасти свою «преждевременную»

революцию, не подкреплённую и надеждами на «мировую революцию», стремились компенсировать отсутствие необходимых предпосылок для движения к социализму. Для этого они прибегли к форсированию и скачкам в социально-экономической сфере, к системе чрезвычайных мер для удержания власти и борьбы со своими оппонентами и противниками. А это, в свою очередь, неизбежно вело к гражданской войне.

Размышления о будущем социалистической революции и её своевременности занимали в своё время многих видных представителей общественно-политической мысли — от Ф. Энгельса, К. Каутского, Р. Люксембург до русских народников, эсеров, меньшевиков и большевиков. Патриарх российской социал-демократии Г. В. Плеханов предупреждал большевиков о возможных неблагоприятных последствиях: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социалистическую революцию, а только вызовет гражданскую войну»³⁹. И это предсказание оказалось явью.

Историкам, размышляющим сегодня об истоках гражданской войны в России, целесообразно обратиться и к определённым закономерностям социологии революции, верно подмеченным в своё время активным участником политического процесса в России эпохи революции и гражданской войны, членом ЦК партии эсеров и одним из основоположников российской и мировой социологии П. А. Сорокиным.

«В полном жизненном цикле всех великих революций как бы просматриваются три типические фазы», — писал он. Первая, обычно очень кратковременная, отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями реформ. Ей на смену приходит вторая, деструктивная фаза: «Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий всё на своём пути». Уничтожаются не только обветшалые, но и жизнеспособные институты и ценности общества. Революционное правительство на этой стадии «безжалостно, тиранично и подчас кровожадно, а его политика преимущественно деструктивна, насильственна

и террористична». Если «торнадо второй фазы не успевают до основания разрушить нацию, то, — по мнению Сорокина, — революция вступает в свою третью, конструктивную фазу». Уничтожив контрреволюционные силы, революция приступает к созданию нового социального и культурного порядка⁴⁰.

Наряду с исследованием важнейших социальных и политических процессов в России осени 1917 — весны 1918 годов в новейшей литературе находят освещение и существенно различные толкования события, несомненно ставшие рубежными в назревании гражданской войны в стране: роспуск Учредительного собрания⁴¹, Брестский мир⁴² и др. Особое место в этом перечне занимает вооружённое выступление чехословацкого корпуса, которое традиционно именовалось в советской исторической литературе «мятежом» и с которым, как правило, и связывается начало широкомасштабной гражданской войны в стране.

В последние годы зарубежными и российскими историками проделана большая работа по воссозданию истории чехословацкого корпуса и главное по реконструкции и анализу всей совокупности событий, факторов и причин, обусловивших его нараставший конфликт и, наконец, вооружённое выступление против советской власти, ставшее мощным катализатором российской гражданской войны. Выявлены многие неизвестные ранее факты и обстоятельства, раскрывающие большую политическую игру различных внутренних и внешних сил, связывавших надежды на реализацию собственных замыслов с солдатами этого корпуса, ставших во многом игрушкой и заложниками в реализации чужих и по большому счёту чуждых им планов. Налицо существенные различия авторских интерпретаций. Здесь и попытки полностью пересмотреть видение, характерное для советской историографии. Налицо стремление ряда авторов переложить всю полноту ответственности с чехов и стоявших за ними держав Антанты на органы советской власти, обвиняя последние в непродуманной политике и даже в провоцировании выступления корпуса⁴³. Но для целого ряда работ характерно стремление непредвзято разобраться в запутанном узле противоречий, которые и привели к

кровавому финалу⁴⁴. Эта проблема заслуживает дальнейшего обстоятельного и объективного исследования.

М. Ю. Сергомасов, попытавшийся найти ответ на вопрос о критериях определения даты начала гражданской войны с точки зрения военной стратегии и оперативного искусства, пришёл к выводу, что она началась стратегически с восстания войск генерала Краснова. Мятеж чехословацкого корпуса был началом фронтовых организованных военно-оперативных действий⁴⁵. Так или иначе, с военной точки зрения очевидны два важных рубежа — октябрьско-декабрьский (1917 года), связанный с попытками организованного военного противодействия новой власти в стране (и здесь важно не упускать из виду создание в декабре Добровольческой армии), и майско-июньский (1918 года), где особую роль для перехода гражданской войны в России в новое качество и состояние сыграло вооружённое выступление чехословацкого корпуса. Оно смыкалось с боевыми действиями против советской власти различных российских антибольшевистских сил и группировок, крестьянскими восстаниями и расширявшейся интервенцией Антанты.

Уделяя первостепенное внимание анализу внутренних корней и причин российской гражданской войны, автор, разумеется, не сбрасывает со счетов и интервенционистский фактор, имея в виду не только выступление чехословаков, но и всю совокупность действий политического, военного и экономического характера Центральных держав и стран Антанты. Германское вторжение в феврале-марте 1918 года и последующие, несмотря на подписанный Брестский мирный договор, аннексионистские действия Германии, Австро-Венгрии и Турции, также как и постепенно расширявшаяся, направленная на реализацию собственных целей и шаг за шагом приобретающая всё более ярко выраженный антисоветский характер интервенция Антанты несомненно играли важную роль в ослаблении советской власти и разжигании гражданской войны в России, придании ей широкомасштабного характера. Но этот самый сложный комплекс важных вопросов будет подробно рассмотрен в специальной главе, посвящённой международной интервенции в Россию. Здесь же обратим внимание на то обстоятельство, что гражданская война в России, будучи, казалось бы, внутренним делом граждан данной страны, втянула в свой водоворот многие страны, вызвала массированное иностранное вооружённое вмешательство и участие в войне, как на стороне противников, так и сторонников

советской власти зарубежных граждан почти 30 национальностей⁴⁶.

Учитывая сложнейший и весьма своеобразный процесс постепенного вхождения России в гражданскую войну, формирования её атмосферы и очагов вооружённой конфронтации на огромном пространстве страны, представляется весьма полезной новейшая литература, раскрывающая специфику и местные причины постепенно набирающего силу противоборства с участием как внутренних, так и внешних сил в отдельных регионах⁴⁷.

Таким образом, к концу весны — в начале лета 1918 года в стране воедино переплетаются многочисленные социальные, экономические, политические, национальные и межнациональные противоречия, сливаются в единое вооружённое противоборство разнообразные конфликты и столкновения. Постепенно расширявшаяся международная интервенция, в которой в различных формах принимали участие обе противоборствовавшие в мировой войне коалиции (о чём пойдёт речь в отдельной главе), и вооружённое выступление чехословацкого корпуса сыграли роль внешних провоцирующих факторов. Они выступили катализаторами разворачивающейся летом 1918 года широкомасштабной и кровавой гражданской войны, в которую вовлекаются вся страна, всё общество, все слои населения, национальности и регионы.

ГЛАВА 3

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОГО ПОНИМАНИЯ ИЛИ НОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Такое явление, как гражданская война, давно известно мировой истории, и понимание её как войны между гражданами одного общества и государства мало проясняет сущность и природу развивающихся процессов. В дискуссиях последних лет в российской публицистике, политической и исторической литературе нередко звучали предложения о том, что с целью стимулирования более глубокого понимания российской гражданской войны необходимо сравнить её с гражданскими войнами других стран и эпох в мировой и европейской истории,

провести исторические параллели¹. Подобные сопоставления, несомненно, интересны и небесполезны. Но каждая гражданская война — в каждом обществе и на определённом историческом этапе — имеет присущее только её своеобразие, военные, политические, социальные и другие характеристики.

Советская историография руководствовалась принципиальными ленинскими суждениями и оценками, в основе которых лежало классовое понимание гражданской войны. Из работы в работу переходило цитирование ставшего классическим ленинского определения из его статьи «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной»: «Гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»². В российской историографии во второй половине 80-х годов стала открыто выражаться неудовлетворённость сведением сущности гражданской войны в России к классовому содержанию и рассмотрению с классовых позиций, а в военно-политическом отношении — к видению и изучению её лишь как войны красных и белых. При этом ряд авторов вообще отрицал значимость и полезность классового подхода, другие оговаривались, что этого мало, и классовый принцип далеко не единственный при анализе российской гражданской войны. А абсолютизация его не позволяет в должной мере раскрыть её сущность. Третьи полагали, что классовый подход нельзя предавать забвению, но надо избавиться от зашоренности, схематизации и односторонности в его толковании и применении³.

Классовый подход и классовый анализ стали предметом дискуссии и в зарубежной историографии рассматриваемого периода. На страницах журнала «Slavic Review» в 1988 году Р. Суни вступил в полемику с Ш. Фитцпатрик, утверждавшей, что революция разрушила классовую структуру России, а, следовательно, классовый анализ утратил смысл. В сборнике «Партия, государство и общество в российской гражданской войне»,

опубликованном на следующий год, Ш. Фитцпатрик писала, что историк не может игнорировать понятие «класс», так как конфликты того времени определялись в классовых категориях, но не может и игнорировать их недостатки при отражении социальной реальности. Старая классовая структура распалась в революции и стала неузнаваемой. Тем не менее, большевики активно применяли классовые критерии при определении своих врагов и союзников и использовали классово- дискриминационные меры, что являлось, по её мнению, парадоксом для деклассированного общества. «Историки гражданской войны должны иметь место с классом как с аспектом политики и социальной психологии, — писала Ш. Фитцпатрик. — Но это не означает, что они должны использовать марксистские категории. Напротив, им лучше избегать этого»⁴.

Американский историк М. Бернштам, отрицая классовый подход, предложил рассматривать гражданскую войну как столкновение трёх сил — белого движения, «народного сопротивления большевикам» и «интернационал-социализма» и считал возможным схематизировать её на основе анализа изучения «всеобщего сопротивления России коммунизму»⁵.

Подобная точка зрения имеет своих последователей как среди части западных, так и российских авторов.

Российский исследователь Ю. И. Игрицкий привёл в одном из обсуждений определение гражданской войны в Международной энциклопедии общественных наук (США, 1968), где она трактовалась как «конфликт внутри общества, вызванный попыткой захватить или сохранить власть и символы легитимности незаконными средствами». Подчеркнув значимость указания на двойной характер конфликта — не только революционных посягательств на власть, но и отстаивание пошатнувшейся власти, — он справедливо отметил, что в данном определении теряется историческая масштабность гражданской войны⁶. Гражданская же война в России была особым по своим масштабам и историческим последствиям феноменом и не только в жизни российского общества, но и мирового сообщества.

П. В. Волобуев и В. П. Булдаков⁷ полагали целесообразным и плодотворным в научном отношении анализировать не только историю революционного процесса 1917 года, но и эпоху гражданской войны как часть системного кризиса Российской империи — империи «реликтового типа», препятствовавшей модернизации общества, и в логике цикла «смерти-возрождения империи». Ряд исследователей рассматривал революцию и гражданскую войну в России как глобальный традиционалистский взрыв имперской антисистемы в результате многовекового и чреватого конечным распадом взаимоналожения в принципе несовместимых этнокультурных традиций⁸.

Тамбовский историк В. Л. Дьячков призвал отказаться от эмоционально-пристрастного отношения к характеристике гражданской войны, утверждая, что она не была ни подвигом народа, ни борьбой хорошего с плохим, тёмного со светлым. Он предложил системный «вертикально-горизонтальный» подход к её характеристике, указав, что разные системы, в отличие от людей, не питали чувства злобы и мести — действуя руками людей, каждая стремилась достроиться, получить структурное завершение по законам внутреннего самодвижения. С одной стороны, гражданская война

была, по его мнению, в своём полном развитии вооружённым сопротивлением различных слоёв общества (как в открытых саморазвивающихся «снизу вверх» системах) насильственному утопическому целеполаганию формирующегося государства, новой системы власти. С другой стороны, гражданская война, с точки зрения автора, была борьбой различных социальных слоёв за улучшение своего положения в условиях распада прежней системы и структуры социальных отношений⁹.

На потребность пересмотра традиционной методологии с целью более глубокого понимания феномена революционной российской эпохи и гражданской войны указывали многие историки. Булдаков, например, считал необходимым исследование переломных эпох не с привычных этатистских позиций, не замечая «безмолвствующего» народа, а по человеческим, психосоциальным параметрам, сожалея, что в изучении психоментальности у нас пока делаются первые шаги¹⁰.

Таким образом, очевидная неполнота и неудовлетворительность чисто «классового», «военного» или «военно-классового» толкования гражданской войны в России заставила историков искать более полное и адекватное объяснение происходившего. В развернувшихся дискуссиях активно звучали призывы раскрыть гражданскую войну во всей её сложности и многогранности, в многообразии не только военных и политических, но и экономических, социально-психологических, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных процессов, конфликтов, расколов, накладывавших своеобразный и колоритный отпечаток на вооружённое противодействие в многообразии его форм и участников.

Рассуждая в этой логике, академик Ю. А. Поляков предложил следующее определение: «Гражданская война в России — это длившаяся около 6 лет вооружённая борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием

регулярных армий, действия вооружённых отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции»¹¹. Вышеприведённая дефиниция позволяет неизмеримо полнее и глубже понять сущность и процессы гражданской войны в России, подчёркивает её всеохватывающий характер, многообразие форм и своеобразное протекание отдельных этапов.

По мнению В. П. Дмитренко, гражданскую войну в России необходимо рассматривать в контексте революционных процессов и только в этом смысле можно понять её реальное место и исторический смысл. Заметим, что эта точка зрения весьма популярна и в западной литературе, о чём уже упоминалось выше. Дмитренко подверг критике крайние точки зрения: «Краткого курса», разделившего историю на ряд отделённых друг от друга этапов (революция сама по себе, гражданская война и НЭП), а, с другой стороны, рассмотрение гражданской войны лишь как эпизода становления тоталитарной системы. Он подчеркнул, что «гражданская война — это апофеоз революции, когда революционные процессы доведены до высшего социального напряжения». В ней переплелись многогранные и неоднозначные процессы: массовые репрессии и террор, мечты и революционные идеалы, наконец, повседневная жизнь десятков миллионов людей, решавших свои проблемы, чья позиция, по мнению автора, в конечном счёте и определила исход борьбы между основными политическими группировками¹².

Израильский историк Дж. Эдельман, рассматривая гражданскую войну во взаимосвязи с революцией, констатировал в ней стык трёх взаимопереплетённых и зачастую противоречивых тенденций. А именно: «рабочей социалистической революции в крупных городах, возглавляемой большевиками; анархической мелкобуржуазной революции за землю в деревне без сознательного руководства; разрозненных национальных революций в разных периферийных районах страны»¹³. Иначе говоря, это та проблема, которая уже подробно

освещалась в предыдущей главе.

Весьма распространёнными среди современников, пытавшихся предсказать будущее в ту сложнейшую и драматичную эпоху российской истории, а впоследствии и исследователей, стремившихся разобраться в логике российского развития рассматриваемой эпохи, являлись попытки провести аналогии между Великой французской и российской революциями¹⁴, выделяя в ускоренном развитии последней рубежи, соответствовавшие 1789, 1792 и 1793 годам во Франции. Сопоставление событий 1793 года и якобинской диктатуры с действиями большевиков и красным террором давало основание предположить, что за этим последуют русский термидор и брюмер. Одним из последних к этой теме обратился Д. Шлапентох в изданной в 1999 году книге «Контрреволюция в революции. Образы Термидора и Наполеона во время Русской революции и гражданской войны». Исследуя эту интересную тему, сопоставляя две великие революции и логику их развития, примеряя образ Наполеона к ряду русских политиков, автор пришёл к выводу, что радикализм русской революции не позволил восторжествовать в ней термидору и брюмеру. Иллюзией оказались утверждения об универсальности опыта французской революции.

Т. Кондратьева в вышедшей несколькими годами раньше книге «Большевики-якобинцы и призрак термидора» пришла к выводу о полезности использования подобного сравнительного метода, но указала, что он заводит в тупик¹⁵. Добавим, что в современной литературе имеет место использование образа термидора применительно к событиям 1929 года и августа 1991 года в России.

В последние годы как в отечественной, так и в зарубежной историографии усилилась тенденция осмысления российской гражданской войны не как обособленного явления, но посредством сопоставления его с гражданскими войнами разных эпох, стран и народов¹⁶. Американский историк Р. Даниэлс в статье «Гражданская война в России в свете сравнительной истории революций» высказал убеждение, что такой подход позволит рассматривать её «не как уникальное событие, героическое или позорное, но как историческое

явление с многочисленными примерными параллелями в других странах, в другие времена и увидеть гражданскую войну как звено в длинной цепи событий — революционного процесса, характерного для истории не только России, но и многих других стран»¹⁷. Он попытался охарактеризовать некоторые общие черты и особенности протекания гражданской войны в России в сопоставлении с аналогичными явлениями во Франции (XVIII и XIX веков), Англии (XVII века), Мексике, Испании и Китае (XX века). Дж. Эдельман, поддержавший идею изучения гражданской войны в России в широком международном историческом контексте, добавил, что в таком случае она не будет рассматриваться как просто придаток Октябрьской революции¹⁸.

Дж. Свейн выделил в российской гражданской войне войну красных и белых, большевиков и генералов, длившуюся с осени 1918-го по осень 1920 года, а также войну красных против зелёных, между большевиками и их социалистическими оппонентами (прежде всего эсерами), войну внутри демократии, продолжавшуюся с мая 1918 года до июня 1920 года¹⁹.

Плодотворным для дальнейшей концептуализации истории гражданской войны в России стало суждение В.Н. Бровкина, что «в то время имела место не одна, а несколько переплетающихся разновидностей войны». При этом он подчёркивал различия между гражданской войной на внутреннем и внешнем фронте²⁰. Отталкиваясь от этого понимания и развивая его, можно выделить несколько разных войн и потоков вооружённой борьбы в общероссийской гражданской войне.

Во-первых, война, которую вели большевики и советская власть с вооружёнными силами антибольшевистских режимов на Востоке, Юге, Севере и Северо-Западе. Эта война красных и белых силами регулярных армий на сложившихся фронтах обозначила непримиримый раскол в российском обществе, и победа одной из этих главных противоборствующих сторон предопределяла будущее страны. Война красных и белых в наибольшей мере изучена в исторической литературе, хотя и здесь остаётся немало вопросов, требующих дальнейшего исследования.

Красные и белые вели борьбу и на внутреннем фронте против тех политических и социальных сил, которых считали враждебными. Крайними и наиболее жестокими проявлениями этой борьбы являлись красный и белый террор.

Война государства и общества — еще одна разновидность вооружённого противостояния и важная сущностная характеристика процессов исследуемого нами периода времени. Революционный процесс 1917 года привёл к разрушению старой, жёстко централизованной государственности и «раскрытию», высвобождению общества из-под его пут, способствовал созданию многочисленных ячеек и институтов общественности, развитию инициативы и самодеятельности масс. В дальнейшем советское государство, руководимое большевиками, довольно быстро избавляется от иллюзий «государства-коммуны» — «полугосударства» и пытается подчинить, «подмять под себя» общество. Это вызывает сопротивление, и в том числе вооружённое, различных его слоёв. Аналогичным образом ведет себя и складывающаяся «белая», авторитарная по типу государственность, что также вызывает вооружённое сопротивление со стороны общества.

Другой разновидностью войны являлось противоборство центробежных и центростремительных сил. Гражданская война в России складывалась, с одной стороны, из войны центральной советской власти с региональными белыми правительствами и армиями, и подход к осмыслению происходившего как серии региональных войн даёт хороший импульс к её более глубокому познанию. С другой стороны, советское и белые правительства «держали линию фронта против новых государств, территория которых прежде принадлежала Российской империи»²¹. Большевики вели упорную борьбу, используя и вооружённые силы против национально-государственных образований, возглавляемых их политическими оппонентами, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии. Ярким примером подавления великодержавно настроенными белыми генералами сторонников самостоятельной национальной государственности явились действия генерала Деникина против украинских «самостийников» во время наступления на Москву в 1919 году. Так и не состоялся долго обсуждавшийся военный союз белых с буржуазной Финляндией, ибо сторонники «единой и неделимой России» не желали пойти на нарушение своих принципов во взаимоотношениях с националами.

Поэтому локальные боевые действия финнов и сторонников советской власти в приграничных районах Карелии не вылились в большую войну.

Не следует упускать из виду и борьбу, нередко с использованием вооружённых сил и средств, которую вели друг с другом новообразованные государства: Польша с Украиной, Белоруссией и Литвой, Армения и Азербайджан, Армения и Грузия. Кроме того, внутри этих государственных образований шла сложная социально-политическая, а нередко и вооружённая борьба, в которой местные силы социалистической ориентации получали поддержку в различных формах от РСФСР. Их противники нередко апеллировали к западным странам, пользовались поддержкой интервентов, а в ряде случаев и белых режимов. В целом ряде случаев в провозглашённых на развалинах Российской империи суверенных государствах вспыхивала острая и кровопролитная вооружённая борьба, об истории которой стали вспоминать лишь тогда, казалось бы, канувшие в лету конфликты возродились в новое вооружённое противостояние в последние годы, как, например, между Грузией и Абхазией.

Ещё одной разновидностью войны, развернувшейся в России, стала вооружённая интервенция держав Антанты и Четверного союза. Тесное переплетение её с гражданской войной отражает одну из важных характеристик этого катаклизма российской истории. Эта большая и сложная проблема заслуживает специального рассмотрения, что и будет сделано ниже.

Так называемая «красная интервенция», тесно связанная с идеями мировой революции и превращения мировой войны в гражданскую не только в российском, но и в международном масштабе, её замыслы и попытки реализации — ещё одна актуальная и дискуссионная проблема, которая также будет специально рассмотрена в дальнейшем.

Повстанческое, главным образом крестьянское движение — вот ещё один вид вооружённой борьбы, особой войны, которая происходила в рамках общей гражданской войны в России. «Позади главной линии сражений была целая серия скрытых гражданских войн

между крестьянскими армиями и двумя главными сторонами (имеются в виду красные и белые — В. Г.)», — писал английский историк О. Файджес²². Эта тема заслуживает особого и подробного рассмотрения, что и будет сделано в дальнейшем. Мы наблюдаем в этой войне самые разные ориентации и устремления, попытки воплотить в жизнь свою собственную, истинную «крестьянскую правду», право на самостоятельное устройство жизни и борьбу ради этого как с красными, так и с белыми. «Неудобный класс», по выражению К. Маркса, не вписывался ни в политику большевиков, ни их противников.

Восстания и заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная и террористическая деятельность — это особый вид противоборства, органично присущий российской гражданской войне и имевший широкое распространение за линией фронта воюющих красных и белых армий.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что все вышеназванные войны и вооружённые конфликты требуют обстоятельного изучения в национально-региональном разрезе и в конкретном пространстве времени, что, несомненно, будет способствовать неизмеримо более глубокому познанию рассматриваемой эпохи.

В целом, точка зрения о разных войнах в общероссийской гражданской войне становится достаточно популярной и, прежде всего, в современной зарубежной литературе. В солидном фолианте Р. Сервиса «История России в XX веке», опубликованном в 1998 году, автор пишет: «Вооружённая борьба на землях бывшей династии Романовых была не просто «российской» гражданской войной. Следует признать, что это была не только одна гражданская война, но были десятки гражданских войн после 1917 года, войн, в которые Красная армия оказалась способна вмешаться после нанесения поражений Колчаку, Деникину и Юденичу»²³.

В свете вышеизложенного очевидна потребность кардинального переосмысления одной из важных составных проблем концепции гражданской войны — её периодизации. Существовавшие в советской историографии варианты периодизации (кстати, это

всегда был вопрос, вызывавший большую полемику) исходили из ортодоксальной концепции гражданской войны, именовавшейся ленинской, и проистекали во многом из суждений В. И. Ленина, высказывавшихся в те годы. В современной российской и зарубежной историографии предлагается немало различных вариаций периодизации гражданской войны в России.

Чаще всего начало гражданской войны связывается со свержением большевиками Временного правительства и организацией вооружённого сопротивления им или с созданием в декабре 1917 года первого крупного антибольшевистского военного формирования, каковым стала Добровольческая армия, и складыванием на Дону фронта вооружённого противостояния, или с концом весны — началом лета 1918 года, когда слились в единое вооружённое противоборство конфликты и противоречия разного содержания и направленности, которые были подробно охарактеризованы в предшествующей главе. Именно с конца весны — лета 1918 года, считают многие авторы, основные социальные и политические вопросы пытаются быть решены именно путём вооружённого насилия, начинается складывание регулярных армий и фронтов и решению военных вопросов подчиняется вся жизнь страны. Впрочем, например, по мнению Ю. И. Грицкого, «масштабное и непрерывное противостояние «красных» и «белых» армий, превратившее ведение войны в задачу номер один для советской власти, сложилось с осени 1918 года»²⁴.

Окончание широкомасштабной гражданской войны в стране многие современные авторы, как в своё время советские историки, связывают с ноябрём (или декабрём) 1920 года — падением врангелевского Крыма, последнего крупного фронта вооружённой борьбы красных и белых армий.

Но существует немало и других точек зрения и трактовок периодизации гражданской войны. Приведём некоторые из них. По мнению Л. М. Спирина, первая гражданская война, начавшаяся летом 1917 года, закончилась Октябрём, и её развязали большевики. Вторая гражданская война, начавшись с Октябрьской революцией, прошла, считает вышеназванный автор, три этапа и закончилась в 1922 году. Первый этап он датирует с октября 1917 до лета 1918 года, когда кардинальные преобразования, в том числе перераспределение

собственности и укрепление власти, осуществлялись преимущественно невооружённым путём. Второй этап, который традиционно и принято считать гражданской войной или большой гражданской войной, длился с лета 1918-го до конца 1920 года. С 1921 года, считает Спирин, начинается третий этап, самой настоящей гражданской войны, войны народной. Это — серия восстаний в Кронштадте, в Тамбовской губернии, в Сибири, на Украине, Северном Кавказе и т. д.²⁵

Ю. А. Поляков рассматривал гражданскую войну в России, длившуюся с 1917 года по 1922 года, как «сложное, многоэтапное, многофазовое явление». Исходя из собственного (уже цитировавшегося ранее) её понимания и взяв в качестве ведущих критериев остроту социальной напряжённости в обществе и масштабы насилия, он дал следующую её периодизацию: 1) февраль — март 1917 г. — насильственное свержение самодержавия, когда возник открытый раскол общества, главным образом по социальному принципу; 2) март — октябрь 1917 г. — усиление социально-политического противостояния в обществе, неудача российской демократии в её попытке установить гражданский мир, эскалация насилия; 3) октябрь 1917 г. — март 1918 г. — насильственное свержение Временного правительства, установление советской власти, новый раскол общества, распространение вооружённой борьбы; 4) март — июнь 1918 г. — дальнейшая эскалация насилия, террор с обеих сторон, локальные военные действия, формирование белых и красных вооружённых сил; 5) лето 1918 г. — конец 1920 г. — время ожесточённых сражений между массовыми регулярными войсками, в том числе иностранными, партизанской борьбы в тылах, милитаризации экономики — время войны в полном смысле этого слова; 6) 1921 — 1922 гг. — постепенное, после завершения крупномасштабных военных операций, затухание гражданской войны, её локализация и полное окончание²⁶.

Историк из Нижнего Новгорода С. В. Устинкин определяет хронологические рамки гражданской войны в широком её понимании с весны 1917-го до октября 1922 г., т. е. с первых попыток развязать гражданскую войну до

завершения вооружённой борьбы на Дальнем Востоке. Время с марта по октябрь 1917 г. он рассматривает как предысторию, а с октября 1917 г. по июнь 1918 г. — как этап «мягкой» гражданской войны. Начало непосредственной истории гражданской войны Устинкин датирует летом 1918 г., когда ожесточённая политическая борьба стала перерастать в формы открытого военного противостояния. В последующей истории гражданской войны он выделяет следующие этапы: 1) Лето — осень 1918 г. — стадия эскалации войны, связанная с началом «пролетарского» этапа аграрной революции в деревне, что, в свою очередь, способствовало созданию массовой базы контрреволюции. На антибольшевистской основе произошла консолидация двух течений: а) возглавляемого эсерами и меньшевиками движения в защиту завоеваний Февраля; б) белого движения. Завершается этот этап разрывом коалиции между ними. 2) Декабрь 1918 г. — июнь 1919 г. — этап противоборства регулярных красных и белых армий. 3) Вторая половина 1919 г. — осень 1920 г. — этап военного поражения белых армий. 4) Конец 1920 г. — 1922 г. — период последних вспышек гражданской войны²⁷.

В. Н. Бровкин, критикуя официальную советскую периодизацию гражданской войны и исходя из своего, вышеизложенного нами понимания её как разновидности войн, предложил и свою её «реальную хронологию» в виде трёх периодов. 1918 год — время распада империи, местных и областных суверенитетов. Главными противниками большевиков в это время были социалисты, бросившие им вызов сначала на выборах, а затем, в июне — восстанием на Волге под знамёнами Учредительного собрания. К этому времени относятся и первые вспышки крестьянского сопротивления, хотя крестьяне в целом игнорировали политическую борьбу, которую вели между собой партии и правительства. В силу этого, по мнению Бровкина, «фронтовая (полевая) гражданская война была войной эфемерной, с чем, на наш взгляд, всё-таки вряд ли следует согласиться. 1919 год он определяет как «год белых». Крестьяне в этот период, являясь третьей силой, действовали как против красных, так и против белых, в собственных интересах. Зелёное движение в этот период было оборонительным. Третий период (1920—1921 гг.) назван Бровкиным

временем зелёных. Крестьянская война этого времени являлась, по его утверждению, прямым следствием политики военного коммунизма²⁸.

Во многих работах зарубежных авторов хронологические рамки гражданской войны определяются 1917—1921 годами, в то время как в российской исторической литературе в качестве конечной даты чаще присутствует 1922 год — и прежде всего в связи с событиями, происходившими на Дальнем Востоке. Таким образом, проблема периодизации гражданской войны по-прежнему является предметом полемики и различных толкований и в решающей степени связана с общеконцептуальным пониманием этого уникального и многогранного феномена. Дальнейшее историографическое его осмысление предполагает анализ изученности и понимания современными историками военных, внутри- и внешнеполитических, социальных, социокультурных, психологических, национально-региональных и других составляющих российской гражданской войны.

Здесь хотелось бы остановиться на характеристике итогов, состояния и перспектив дальнейшего изучения военного противоборства в условиях российской гражданской войны, сразу же указав на то, что отдельные аспекты — интервенция, советско-польская война и некоторые другие станут предметом более подробного рассмотрения в последующих главах.

Военные действия и прежде всего регулярных армий красных и белых являлись предметом особого внимания и многолетнего изучения в советской историографии. Как уже упоминалось ранее, в 1980 и 1986 годах вышли в свет два тома «Гражданская война в СССР», издания, во многом претендовавшего на то, чтобы стать завершающим исследованием военной истории этой эпохи. В 1987 году вторым изданием была опубликована энциклопедия «Гражданская война и иностранная военная интервенция». В ней также большое внимание было уделено военным аспектам.

Но вскоре стало очевидно, что советский вариант военной истории событий 1917 — 1922 годов носит во многом односторонний характер. Предметом исследования

были военное строительство в Советской России, оперативное искусство, стратегия и тактика боевых действий Красной армии. Действия же их противников не рассматривались сколько-нибудь обстоятельно. К тому же, в освещении начальных вех советской военной истории было немало так называемых «белых пятен». Поверхностно изучалась деятельность высшего органа руководства советскими вооружёнными силами — Реввоенсовета республики. Причины были очевидны. Во-первых, его неизменным председателем был «предатель» (в соответствии с утвердившимися на десятилетия мерками сталинского времени) Л. Д. Троцкий. А большинство членов РВСР были впоследствии объявлены «врагами народа» и репрессированы Сталиным (оба главкома - И. И. Вацетис и С. С. Каменев, а также В. А. Антонов-Овсеенко, К. Х. Данишевский, К. А. Мехоношин, В. И. Невский, А. И. Окулов, Ф. Ф. Раскольников, А. П. Розенгольц, А. И. Рыков, Л. П. Серебряков, И. Т. Смилга, И. Н. Смирнов). Лишь в последние годы были предприняты попытки заполнить эту историографическую лакуну²⁹.

Из советской военной историографии выпали имена целого ряда красных полководцев, репрессированных как в годы гражданской войны (Б. И. Думенко, Ф. К. Миронов), так и в последующие десятилетия. И лишь работами последних лет эти имена возвращаются в летопись гражданской войны. С другой стороны, стало очевидным явное преувеличение заслуг некоторых военачальников, оказавшихся близкими Сталину — К. Е. Ворошилова, С. М. Будённого и др.³⁰

Не нашли достаточно обстоятельного изучения боевые операции на ряде фронтов, не имевших первостепенного значения, например, на Северном фронте. Несомненно, нуждаются в более глубоком и всестороннем изучении боевые действия Красной армии и её взаимодействие с местными национальными советскими воинскими формированиями на территории Украины, Белоруссии и Прибалтики в конце 1918 — первой половине 1919 годов, когда отсюда стали эвакуироваться потерпевшие поражение в мировой войне войска Центральных держав. То же самое можно сказать и в отношении действий Красной армии на территории Закавказья и Средней Азии в начале 20-х годов.

Важным аспектом исследования военной истории

является характеристика потерь воюющих сторон. В этом отношении следует отметить полезное издание «Гриф секретности снят», вышедшее в свет в 1993 году³¹, где обстоятельно проанализированы потери Красной армии. Но изучение потерь антибольшевистских войск и повстанческих движений остаются вне поля зрения исследователей.

Историками традиционно изучалась фронтовая (полевая) война, т. е. боевые действия регулярных частей Красной армии против белогвардейцев и интервентов. Но многие годы «белым пятном» оставались да и остаются действия частей Красной армии, а также других специальных советских вооружённых формирований (войска ВЧК—НКВД—ВОХР, ЧОН) против повстанческих движений, особенности планирования и тактики и результативность проводимых операций. Эта важная проблема только в последние годы становится предметом изучения и находит некоторое освещение в работах, посвящённых повстанческому, главным образом крестьянскому движению эпохи гражданской войны, о чём пойдёт речь в следующей главе.

Многие годы вооружённые силы Советской России и их боевые операции изучались самодовлеюще, вне связи и реального сопоставления с действиями их противников. Процесс военного строительства антибольшевистских армий и формирований, их планы, стратегия и тактика действий не являлись предметом специального изучения в советской историографии, как, впрочем, достаточно фрагментарно (за редким исключением) исследовались и за рубежом³². В результате сложнейшая, многогранная и противоречивая картина военного сопротивления обеднялась, а нередко становилась весьма далёкой от реальной.

В российской исторической литературе последних лет произошло перенесение центра тяжести в сторону изучения антибольшевистского движения и в том числе истории его вооружённых сил, о чём пойдёт речь в специальной главе. Но, с другой стороны, сегодня ослабло исследование истории советских вооружённых сил. Изучение военного искусства эпохи гражданской войны с учётом многообразия его форм и характера,

взаимовлияний, адаптации к специфике регионов остаётся актуальной задачей историков. Важную роль и особенно в южных районах страны, например, играла кавалерия, демонстрируя высокую мобильность и маневренность. Белое командование первым успешно и широко применило крупные конные соединения — достаточно вспомнить знаменитый рейд конницы генерала Мамонтова летом 1919 года. В дальнейшем этот опыт стал активно использоваться и красными, создавшими не только конные корпуса, но и две конные армии. Интересные новинки в организации и тактике боевых действий, к тому же максимально адаптированной к специфике местности, демонстрировали повстанческие формирования. Всё это несомненно требует изучения.

В будущем предстоит свести воедино стратегию и тактику, состояние и боевые операции противоборствующих сил (с учётом и действий интервентов) на внешнем и внутреннем фронтах, сопоставить их военное искусство с тем, чтобы на качественно новом уровне воссоздать картину основных военных кампаний и приблизиться к должному и всестороннему познанию военной истории рассматриваемой эпохи. А это будет способствовать и более глубокому пониманию истории России рассматриваемой эпохи.

В целом, нельзя не признать, что в современной исторической литературе идут интересные, хотя и не всегда и во всём плодотворные, процессы переосмысления и новой концептуализации истории гражданской войны в России, познания жизни общества в эту драматичную эпоху. Методологический и идейно-политический плюрализм стали реальностью для современной российской историографии, исчезла «берлинская стена», разделявшая ранее историков разных стран, сблизилась их подходы, и завязался активный диалог, что позитивно сказывается на процессе познания. Современное понимание феномена гражданской войны в России является более многомерным, многоаспектным, отнюдь не сводимым только к военно-политическим и классовым составляющим. Исследовательские наработки применительно к основным проблемам гражданской

войны будут рассмотрены в последующих главах.

ГЛАВА 4

КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Воссоздание объёмной и многогранной социальной картины России в эпоху гражданской войны, раскрывающей всю противоречивость и мозаичность социальных процессов, деклассирование и деурбанизацию военной поры, является важной и ответственной задачей историков. Сложность проблемы заключается уже в её историческом прологе, ибо развивающиеся социально-экономические процессы и попытки модернизации вели к переходной и крайне неустойчивой социальной структуре населения, способствовали быстрому росту маргиналов. Колоссальное и во многом негативное влияние на эти процессы оказала мировая война.

К числу центральных в российской истории относится крестьянская тема. И это не случайно. Крестьянство составляло 80% населения России в начале XX века и его влияние, его психология, традиции накладывали сильнейший отпечаток на всю жизнь российского общества. А идеи так называемого «крестьянского социализма», требования «земли и воли» оказывали большое влияние на традиции российской революционности.

Современное крестьяноведение представляет собой колоссальный и многотрудный пласт познания, разрабатываемый на междисциплинарной основе. В рамках его реализуются различные международные проекты, ряд из которых посвящён судьбам российского крестьянства в XX веке.

Своеобразие аграрно-крестьянского вопроса в России в его национально-региональном разрезе в годы гражданской войны, взаимоотношения крестьянства, в целом, и в отдельных регионах, в частности, с советскими и антисоветскими государственными институтами, а также внутрикрестьянская борьба — это тема, имеющая давнюю историографическую традицию, остается чрезвычайно значимой для дальнейшей научной разработки. И она требует рассмотрения в более широком проблемно-хронологическом контексте. Поэтому заслуживает всяческой поддержки международный научно-

исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902—1922», осуществляемый под руководством авторитетных учёных В. П. Данилова и его британского коллеги Т. Шанина. По их убеждению, «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России» была именно крестьянская революция. «Все другие политические и социальные революции совершались на фоне крестьянской революции»¹.

Как уже указывалось ранее, крестьянская революция 1917 года выливалась по мере реализации её основных требований во внутрикрестьянскую борьбу и стремление обособиться от государства в рамках локальных крестьянских миров. «Сельская община представляла собой некое подобие государства в государстве, — писал Д. И. Люкшин. — Это был мир цельный и самодостаточный. Каждый, кто не являлся членом данного сообщества, воспринимался как чужак, то есть враг, и вполне мог быть подвергнут репрессиям»². Сельский мир, в принципе, мог обеспечить собственное существование. Города и органы новой государственной власти не могли выжить без продовольствия. Весной-летом 1918 года большевики и советское правительство приступили к осуществлению комплекса чрезвычайных мер в отношении деревни и крестьянства. Вводя продовольственную диктатуру и направляя продотряды в сельскую местность, они объясняли это тяжёлым продовольственным положением в городах и хлебным саботажем кулачества в деревне. Обе стороны — большевики и крестьяне демонстрировали неконструктивность, нежелание идти на диалог и компромиссы, нарастающую нетерпимость. Добавим, что за влияние на крестьянство вели между собой борьбу различные политические силы и, прежде всего, социалистические партии³. Но крестьянство отнюдь не было пассивным объектом борьбы различных политических партий, а активно отстаивало собственные интересы.

Насаждая комитеты бедноты, большевики фактически взяли курс на раскол крестьянства и единой аграрной, антифеодальной революции, что также способствовало развитию широкомасштабной гражданской войны в стране. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов заявил, например, 20 мая 1918 года: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, что и

в городе, только тогда мы сможем сказать, что мы по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов»⁴.

Впрочем, ряд авторов даёт вышеназванным событиям несколько иное объяснение. Они видят в них коллизию столкновения крестьянской антифеодальной и общинной революции с городской, государственной и антикапиталистической революцией, конфликт радикальных и традиционных (связанных с общиной и общинным образом жизни) ценностей, противостояние культур деревни и города. Американский историк Р. Стайтс писал в связи с этим: «Традиционная крестьянская ментальность выходила за рамки каких-либо программ: стихийность, необузданность, религиозность, непризнание ничьих авторитетов. Главное

— «земля и воля» — вот традиционное крестьянское требование и полное нежелание связывать себя с рабочими»⁵.

В 1917—1920 годах антипомещичья, антифеодальная и антицаристская крестьянская революция являлась мощным фактором победы большевиков над белыми и другими своими противниками. Но одновременно, по мнению В. Данилова и Т. Шанина, происходила «трансформация крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима, который всё более отождествлялся с различными мобилизациями и повинностями, с системой повседневного и всеохватывающего насилия»⁶.

В публицистике, а нередко и в российской исторической литературе последних лет повторяется тезис, что насилие большевиков против крестьян было главной причиной гражданской войны, что советская власть в годы её вела антикрестьянскую политику. Но тогда возникает закономерный вопрос: Почему эта власть смогла выиграть гражданскую войну в стране, где абсолютное большинство населения составляло крестьянство?

Ответ, видимо, заключается в том, что, во-первых, крестьяне, по крайней мере в районах с помещичьим землевладением, получили от этой власти землю, мечта о которой была главной целью их борьбы на протяжении нескольких веков. Во-вторых, на стороне большевиков было абсолютное большинство низов деревни — бедняков и батраков. В-третьих, испытывая на себе политику большевистского и белых режимов и выбирая из двух зол, большинство крестьян так или иначе делало выбор в пользу первого. Политика антибольшевистских режимов несла в себе сильный реставрационный элемент и прежде всего в аграрно-крестьянском вопросе. А это неминуемо разворачивало деревню, испытавшую на себе «белые» порядки, в сторону советской власти. В-четвертых, драма гражданской войны состоит ещё и в том, что абсолютное большинство населения, и в том числе крестьян, не желало участвовать в ней, а если и участвовало, то помимо своей воли, будучи мобилизованными.

В современной литературе продолжает исследоваться процесс комплектования вооружённых сил противоборствовавших сторон и, в частности, удельный

вес и роль в них крестьянства. Первый, объявленный ВЦИКом 29 мая 1918 г. набор в Красную армию в зоне борьбы с чехословаками, дал лишь 54 тыс. чел. вместо 275 тыс. ожидаемых новобранцев, в основном рабочих и сельских пролетариев⁷. Попытки советской власти провести мобилизацию летом 1918 года вызвали массовые протесты и волнения крестьян. Ряд из вспыхнувших восстаний, например в Тамбове и Шенкурске (во втором по населению городе Архангельской губернии), когда названные города, хотя и на короткий период, но перешли в руки восставших мобилизованных, подробно описаны в появившихся в последние годы книгах⁸.

Летом 1918 г. в условиях провозглашённой советской властью ставки на деревенскую бедноту была предпринята попытка создания воинских частей исключительно из этой категории населения. С ноября по март 1919 года было сформировано 11 комбедовских полков и несколько батальонов, продемонстрировавших высокие боевые качества в сражениях гражданской войны. Но их было конечно недостаточно. Но проведённая осенью 1918 г. повсеместная мобилизация в Красную армию привела в ответ к массовым крестьянским протестам. С 1 по 25 ноября в 80 уездах произошли восстания мобилизованных крестьян⁹. Но несмотря на все протесты, колебания и переходы крестьянства, именно оно в конечном счёте составило ядро советских вооружённых сил. Более чем пятимиллионная Красная армия в конце гражданской войны была почти на 80% крестьянской. Но эта численность, достаточная для победы, составляла относительно небольшую часть крестьянского населения. К концу гражданской войны выходцы из крестьян составляли примерно 67,3% командного состава Красной армии¹⁰. Но картина резко менялась в отношении среднего и высшего звена командного состава, где большинство составляли служащие и интеллигенция, главным образом старые военные специалисты, а также выходцы из рабочих.

В последние годы значительный интерес историков вызывает проблема дезертирства из армий красных и белых. И если последний сюжет являлся традиционным для советской историографии, то дезертирство из Красной армии ранее специально не исследовалось.

Масштабы дезертирства были весьма внушительны (по оценкам современных исследователей — от 2 млн. до 3710 тыс. чел.¹¹) и представляли большую угрозу, что породило создание в декабре 1918 года особых органов — дезерткомов (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством). Интересен временной ракурс проблемы: особый отток из армий (как красных, так и белых), а также отказ явиться на призывные пункты был характерен для полевых сезонов. Заметим, что большевики использовали любопытную тактику для борьбы с дезертирством из воинских частей. Они предпочитали направлять мобилизованных в районы, географически удалённые от их родных мест, что крайне затрудняло возвращение на родину в случае дезертирства. На его масштабы влияло и развитие событий на фронте. Например, оно резко сократилось во время летне-осеннего наступления 1919 года войск генерала Деникина на Москву. Это отражало нежелание и боязнь крестьянством возвращения старых порядков, опасения его потерять полученные от советской власти бывшие помещичьи земли.

Значительное внимание исследователей вызывают в последние годы судьбы общины в революции и гражданской войне (ведь при характеристике крестьянской революции нередко используется и термин «общинная революция»), тема крестьянского самоуправления, особенности становления системы Советов в деревне и борьба в них, взаимоотношения крестьянских Советов со складывающейся новой централизованной государственностью в Советской России¹². По мнению В. В. Кабанова, Советам в 1917—20 годах не удалось ни разрушить общину, ни использовать её в целях создания «социалистического» хозяйства. Община не превратилась и в «союз свободных землевладельцев». В годы войны продолжал действовать традиционный общинный управленческий и разверсточный механизм, сохранялись круговая порука и коллективная ответственность общества за своих членов, и государство старалось использовать их в своих интересах¹³. На протяжении всего «смутного времени» «в зубодробительном переплётении социальных ломов» деревня, по мнению В. М. Бухараева и Д. И. Люкшина, «как умела противостояла разрушению культурного генокода традиционализма»¹⁴. Интересный ракурс проблемы —

крестьянин как политик стал предметом исследования в одноимённой монографии С. В. Ярова¹⁵.

Анализируя процессы, происходившие в деревне в годы гражданской войны, современные российские и зарубежные историки усиливают внимание к проблемам психологии, политического и религиозного сознания, культуры, мировоззрения и политического поведения крестьян, в целом, и в отдельных районах, в частности¹⁶. Интересен вопрос о языке революции. Иначе говоря, о реальном восприятии крестьянами и трансформации в их сознании основных требований и лозунгов, выдвигавшихся силами и сторонами, противоборствовавшими в рассматриваемую эпоху. По мнению английского историка О. Файджеса, в это время «язык более, чем когда-либо, определял крестьянскую самоидентичность и объединял их против образованных классов города»¹⁷. Чрезвычайно интересный источник о настроениях и поведении крестьянства представляет собой вышедший в нашей стране в рамках российско-французского проекта первый том «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», охватывающий период гражданской войны¹⁸.

Многие годы в советской исторической литературе преимущественное внимание уделялось движениям протеста крестьян в районах, контролируемых антибольшевистскими режимами. Аналогичные выступления на советской территории именовались, как правило, «кулацкими» и «контрреволюционными» и не являлись предметом специального и обстоятельного исследования. И лишь со второй половины 80-х годов история крестьянского повстанческого движения периода гражданской войны, его требования и ориентации, попытки выразить и защитить собственную, «крестьянскую правду» стали активно исследоваться историками. В 1987 году в Иерусалиме выходит в свет монография бывшего профессора Московского историко-архивного института М. С. Френкина «Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921». Основные вехи, причины и масштабы крестьянского повстанческого движения стали предметом исследования в ряде работ известного историка крестьянства Т. В.

Осиповой¹⁹. Обширный раздел «Крестьянство в гражданской войне: борьба на два фронта» был помещён в изданном в 1996 году в Москве сборнике «Судьбы российского крестьянства».

В последние годы в нашей стране опубликован целый ряд исследований и документальных сборников, посвящённых крестьянскому повстанческому движению рассматриваемой эпохи, и прежде всего таким его наиболее многочисленным и длительным проявлениям, как движения под руководством Н. И. Махно и А. С. Антонова, а также и некоторым другим²⁰. Эта тема, нередко именуемая «крестьянской войной» или «крестьянскими войнами», или «серией скрытых гражданских войн» активно изучается и западными историками²¹. В отечественной и зарубежной литературе исследуются социальная база повстанческих движений, политико-идеологические программы, особенности организации войск и ведения вооружённой борьбы и другие аспекты. В целом же, об устойчивом интересе к этой тематике говорит тот факт, что, например, в составленном А. А. Соболевой библиографическом указателе, посвящённом восстанию в Тамбовской губернии в 1920—1921 годах, содержится 785 наименований работ. В рамках уже упоминавшегося проекта «Крестьянская революция в России 1902—1922» планируется издание серии документальных публикаций по крестьянскому движению в Советской России в 1918 году и повстанческому движению в Среднем Поволжье в 1919—1922 годах.

В связи с особым интересом к крестьянским выступлениям на территории Советской России внимательно изучается (в хронологическом и региональном разрезе) комплекс причин и обстоятельств, вызывавших их (а также требования выдвигаемые повстанцами): чрезвычайная продовольственная политика, трудовые повинности, мобилизации в Красную армию, протесты против запрета свободной торговли, преследований церкви и религии и др. «Традиционное крестьянское недоверчиво-подозрительное отношение к власти, к городу, накапливавшееся веками общественного разделения труда, переросло в глухую ярость, как только возникла опасность разрушения военно-коммунистической идеологией и политикой привычного крестьянского уклада», — к такому выводу, в частности, пришли С. А.

Есиков и Л. Г. Протасов, исследовавшие «антоновщину»²².

М. Бернштам попытался выявить взаимосвязь повстанческого крестьянского движения и церковного сопротивления советской власти, утверждая, что в целом по России крестьянское повстанчество возникло на религиозной основе, на православном движении тихоновской ориентации и явилось последствием воззвания патриарха Тихона в январе 1918 года. «Слитое крестьянское повстанчество и религиозное сопротивление членов Катакомбной истинно-православной Церкви прошли, — пишет он, — сквозь всю войну 1918—1922 годов и впоследствии возобновились с новой силой в годы коллективизации конца 20-х — начала 1930-годов»²³. Думается, вместе с тем, что проблема религиозного компонента в крестьянском повстанческом движении, оценка его реального веса и влияния заслуживают дальнейшего и более тщательного документального изучения, а выводы — более аргументированных доказательств.

В результате мощных крестьянских движений советская власть перестала существовать к весне 1921 года на обширной сельской территории страны. Повстанцы взяли под свой контроль и целый ряд городов. Вооружённая борьба с ними Красной армии (и спецподразделений внутренних войск), только что победоносно завершившей борьбу с белыми, оказалась малоэффективной. А ведь только на Тамбовщине к лету 1921 года численность красноармейских частей превысила 100 тыс. человек²⁴. На Украине с повстанцами боролись 150-тысячное регулярное войско и 28 тысяч бойцов ВОХРа²⁵. По мнению целого ряда современных историков, прежде всего введение НЭПа, начавшегося именно с новой политики в отношении крестьянства, позволило большевикам затушить пламя крестьянской войны.

Но это мнение разделяют не все авторы. Например, В. В. Московкин, исследовавший восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году, которое началось в январе и охватило огромную территорию площадью около 1,5 млн кв. км (на северо-западе отряды повстанцев проникли в Архангельскую губернию, на востоке

продвинулись в глубь Томской губернии, а на юге — в казахские степи), пришёл к заключению, что главную роль в его ликвидации сыграла Красная армия. Многие зауральские крестьяне даже не знали о решениях X съезда РКП(б) или не верили обещаниям большевиков. Численность созданной Народной армии составляла не менее 100 тыс. человек, и крестьяне были полны решимости добиться выполнения своих требований (свобода хозяйственной деятельности и торговли, восстановление гражданских свобод, демобилизация и денационализация промышленности, «Советы без коммунистов» и др.). Даже после подавления основных очагов восстания к лету 1921 года борьба с отдельными отрядами продолжалась до конца года. Погибло не менее 10 тысяч партийных и советских работников, членов их семей, бойцов Красной армии. С другой стороны, были убиты, искалечены, потеряли кров и имущество десятки тысяч крестьян²⁶.

Крестьянское повстанческое движение периода гражданской войны, особенно такие массовые и длившиеся в течение нескольких лет его проявления, как «антоновщина» и «махновщина», — глубоко противоречивое историческое явление с существенно менявшейся на разных этапах борьбы, то расширявшейся, а то сужавшейся социальной базой. Оно как в фокусе отражало противоречивое отношение крестьян к советской власти. Махновцы, например, трижды заключали военные соглашения с советским командованием о совместной борьбе с белогвардейцами, но вслед за этим вновь сталкивались между собой в жестоком противоборстве. Крестьяне-повстанцы стремились выразить и с оружием в руках отстаивать свою, особую правду и интересы. Их действия являлось и реакцией на политику принуждения и насилия со стороны как советских, так и антисоветских государственных органов, их спецслужб и вооружённых сил.

Эти движения раздирались противоречиями, отражавшими природу крестьянства, его неоднородный социальный состав. В них уживались коммунистические уравнилельные представления о справедливости, ненависть к господствующим классам, недоверие к городу и государственной власти и её способности понять

и выразить в своей политике крестьянские интересы. Повстанческое крестьянское движение эпохи гражданской войны и его лидеров не следует идеализировать и романтизировать, как нередко происходит сегодня. Им чужды были идеалы гуманизма. На силу они отвечали силой, а на жестокость нередко ещё большей жестокостью. Насилие, реквизиции и погромы, стремление «вволю погулять» были характерны для многих повстанческих выступлений.

Нередко крестьянское повстанческое движение в годы гражданской войны именуется «зелёным» и квалифицируется как «третья сила». Впрочем, последняя нередко ассоциируется с умеренными социалистами или с возглавляемыми ими правительствами и движениями летом — осенью 1918 года. Существуют и иные суждения. Например, М. Бернштам убеждён, что народное повстанчество и народное сопротивление эпохи гражданской войны нельзя отождествлять с «зелёным» движением или именовать их «третьей силой», относя последние в историческом смысле к прокоммунистическим силам. «Зелёные» Черноморья и Украины сражались, по его мнению, прежде всего против белых и национальной России, но лишь частично и прерывно против красных. Тамбовское повстанческое движение он считал массовым крестьянским сопротивлением социализму, консервативным и глубоко религиозным и не имеющим ничего общего с «зелёным» движением, кроме внешнего сходства всякого повстанчества²⁷. Но подобные суждения являются весьма спорными.

Существуют различные подходы и попытки исторических аналогий и сопоставлений. Обратим внимание, например, на исследования А. В. Шубина, изучающего махновское движение как анархистский социальный эксперимент в сравнении с аналогичным опытом гражданской войны в Испании. В 2000 году им была защищена докторская диссертация в Институте всеобщей истории РАН, посвящённая этой теме²⁸.

И вновь обратимся к вопросу: Почему устояли большевики против мощного крестьянского движения в годы гражданской войны? В. В. Кабанов даёт этому

следующие объяснения: 1) ориентация крестьян на соблюдение традиционного подчинения власти (власть и есть власть, какова бы она не была); 2) авторитет личного дара вождя (М. Вебер), присущий Ленину и Троцкому; 3) «чары революции» и надежды на «светлое» будущее советской власти; новая власть способствовала раскрепощению личности (от церкви, старой морали, старой администрации, в какой-то мере от общинных традиций и пр., и проистекавшее отсюда ощущение вседозволенности, вседоступности); формирование большевистской пропагандой у крестьян ощущения хозяина жизни; 4) поднятие приоритета бедноты, надежда её (да и, добавим, представителей среднего крестьянства) стать частью власти или через неё возвыситься над односельчанами; 5) индифферентность весьма значительной части деревни; 6) искусственный раскол большевиками деревни летом 1918 года и организация неимущих; 7) активное использование государством фискальных функций возрождавшейся общины; введение круговой поруки при поимке дезертиров, выполнении подразвёрстки и иных повинностей; 8) широкое применение насилия и репрессий; 9) активная организаторская и пропагандистская деятельность большевиков по формированию и в процессе проведения своей политики²⁹. И, разумеется, к вышеизложенному надо добавить вынужденный и весьма своевременный пересмотр большевиками аграрно-крестьянской политики в 1921 году.

Рассматривая конфликт в российском обществе между деревней и городом, крестьянством и государством как один из основополагающих в российской истории начала XX века, приведший к крестьянской революции и крестьянской войне, являвшихся важнейшими составляющими гражданской войны в стране, многие современные историки активно исследуют итоги и последствия этих событий.

По мнению С. А. Павлюченкова, например, большевики, победив в гражданской войне белых, фактически проиграли её крестьянству и вынуждены были ввести НЭП³⁰. Вспомним, в связи с этим, и авторитетное мнение известного кооператора и

аграрника, члена ЦК партии эсеров и антибольшевистского Верховного управления Северной области С. С. Маслова. Он писал после окончания войны, что крестьянство — «единственный пласт», который, немало потеряв в последние годы, «немало и приобрёл», выдвинувшись тем самым «на авансцену общественной жизни России»³¹.

Довольно распространёнными являются суждения об «архаизации сельского мира» и «примитивизации» всей общественной жизни, а также ослаблении городской цивилизации как результате гражданской войны. Американский историк М. Левин, например, писал: «Русский мужик теперь стал не просто более «традиционным», более мужиком, чем раньше. Повсеместный развал сельского хозяйства и упадок крестьянства приняли более угрожающие результаты в русском обществе, чем когда-либо в новой истории. Наряду с таким превращением сельской страны в еще более «сельскую», крестьянин еще более превратился в «сельского», замыкаясь экономически и культурно, по крайней мере до какого-то времени, в вековую скорлупу, характерную для гораздо более ранних времён. Вся страна из-за этого отставания поневоле значительно отбрасывалась назад. Аграрная революция в России (событие драматическое и имеющее серьёзные последствия) оказалась бесплодной, если не вообще напрасной, по крайней мере, с точки зрения плодотворности её непосредственных результатов»³².

Заметим, что западные исследователи, вообще критически относящиеся к оценке большевиками крестьянства как мелкой буржуазии, традиционно подчёркивают, что это определение тем более утратило всякий смысл в условиях и по окончании гражданской войны. Представитель мелкой буржуазии работает на рынок, а гражданская война перечеркнула практически все результаты предшествующего развития и столыпинских реформ, привела к практически полному свёртыванию товарно-денежных отношений в стране³³.

Интересны размышления В. М. Андреева, автора монографии «Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917—1920». По его мнению, в условиях массового подъёма крестьянского движения в 1920—1921 годах

«перед большевиками встала суровая дилемма: либо вызвать на себя обвал общероссийской гражданской войны, либо временно отказаться от своих узкопартийных иллюзий». Они избрали второй путь, провозгласив НЭП. Но «надломленный «военным коммунизмом» хозяйственный механизм деревни и ослабление её морально-нравственной основы трагически сказалось на всей последующей истории крестьянства. Когда после непродолжительной «нэповской оттепели» на деревню вновь надвинулся молох насилия, в виде сплошной коллективизации, она оказалась уже не способной к решительному сопротивлению»³⁴.

В целом, история российского крестьянства в годы гражданской войны в многообразии проблем и подходов к её изучению остаётся актуальной проблемой для российских и зарубежных историков и перспективной областью их дальнейшего сотрудничества.

В социальной истории гражданской войны особое место занимает тема казачества. Она динамично и достаточно плодотворно исследуется в последние годы. Это обусловлено, с одной стороны, собственно историографической потребностью обращения к этой теме, которая многие годы освещалась односторонне, а в известной мере была и запретной, и необходимостью воссоздать всестороннюю социальную историю гражданской войны. С другой стороны, это объясняется общим интересом к историческим судьбам этой самобытной этносоциальной группы русского народа, процесс возрождения которой идёт в последние годы очень активно, а также важностью раскрыть драму казачества в рассматриваемый период. В конце 1917 года в стране было 13 казачьих войск, а казачье население насчитывало около 4,5 млн человек³⁵, представляя собой крупную группу населения, профессионально подготовленную к военной службе, что не могли не учитывать политические противники в разгоравшейся гражданской войне.

Сложилась большая группа историков, плодотворно работающих над историей казачества в годы гражданской войны и опубликовавших ряд монографий. Следует отметить и сборники статей, изданные по этой теме³⁶. Заметим, вместе с тем, что история разных казачьих войск и районов исследуется неравномерно. В отличие от донского казачества, история других исследуется не столь

активно и особенно казачьих войск районов Сибири и Дальнего Востока.

Особенности казачьего сословно-этнического сознания и их отношение к проблемам государственности интересно охарактеризовал ростовский историк А. В. Венков: «Ощущение локальности, замкнутости распространялось в сознании казаков на всё войско и даже на всё казачество. Более поздно сложившаяся, служившая, по сути, верхушка не была так оторвана от «низов», как в целом по России, среди местной интеллигенции были сильны своеобразные «казакоманские», почвеннические настроения. Казачьи войска, — по крайней мере старейшее — Донское, имели опыт собственной своеобразной государственности, а особый порядок управления этот опыт подпитывал». Поэтому, продолжал он, «огромные локальные миры в образе казачьих войск... внесли, конечно, определённый вклад в раскол единого государства», но, с другой стороны, «преследуя вместе с местными локальными мирами (крестьянскими общинами) цель сохранения ценностей этих локальных миров, большие сообщества — казачьи войска — пошли по пути укрепления своей возрождаемой государственности, и если мелкие локальные миры разваливали государственность как таковую, казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной»³⁷. Привлечём в связи с вышесказанным внимание к содержательной книге Ю. Д. Гражданова «Всевеликое Войско Донское в 1918 году» (Волгоград, 1997), посвящённой строительству государственности на Дону в этот чрезвычайно своеобразный и драматичный период.

В исторической литературе достаточно подробно исследованы попытки создания «казачьей Вандеи» на Юго-Востоке Европейской части России зимой 1917—1918 годов и причины поражения антибольшевистских сил. Но в дальнейшем прямолинейно-уравнительный подход органов советской власти к решению земельного вопроса и стремление крестьян осуществить при поддержке новой власти имущественное и поземельное уравнение с казаками, попытки насильственного насаждения «социализма», изъятие продовольствия,

разоружение станиц и усиливавшийся террор со стороны направленных в казачьи районы советских вооружённых отрядов, наступление на традиции и обычаи казаков и присущую им самоорганизацию, наконец, фактор Бреста привели к тому, что их основная масса, придерживавшаяся ранее нейтральной позиции, стала переходить на сторону противников большевиков.

В свою очередь, ставка советской власти на вооружённую силу и политику насильственного «расказачивания»³⁸ привели к эскалации взаимного террора, непримиримой борьбе на уничтожение. Подобные действия вели в исторический тупик. Пересмотр террористического курса политики советской власти в отношении казачества осенью 1919 года, а, с другой стороны, усталость казаков, понесших страшные потери в гражданской войне³⁹, во многом предопределили последующее благоприятное для большевиков развитие событий. Население казачьих районов понесло страшные потери в годы гражданской войны. По данным М. Бернштама, занимавшегося их подсчётами на Дону, здесь погибло около 2 млн человек (половина населения региона), в том числе 1,3 млн лиц казачьего сословия или 70% донского казачества. Из числа последних 100 тыс. погибло в восстаниях против советской власти в 1918—1919 годах⁴⁰.

Осмысление истории казачества в годы гражданской войны заставляет, вместе с тем, отвергнуть и старые стереотипы о нём как силе, полностью враждебной советской власти. Значительная часть, и прежде всего выходцев из казачьих низов, воевала на стороне красных⁴¹. Но рецидивы подозрительности и антиказачьих настроений в центральном и региональном советском руководстве сохранялись, что нередко негативно сказывалось и на людях, занимавших высокие посты в Красной армии. Свидетельством этому трагическая судьба одного из основателей красной кавалерии, командующего 2-й конной армией Ф. К. Миронова. Он был арестован 13 февраля 1921 года на родном Дону после победоносного завершения врангелевской кампании по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору и доставлен в Москву.

Спустя почти два месяца (2 апреля 1921 г.) Миронов был расстрелян в Бутырках по приговору Президиума ВЧК. Заметим, что это был уже второй вынесенный ему смертный приговор. Но в октябре 1919-го он был отменён после рассмотрения его вопроса на заседании Политбюро ЦК РКП(б). В связи с этим отметим содержательный сборник документов «Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1921 гг.», изданный в 1997 году⁴².

Вспомним и трагическую судьбу другого организатора красной конницы — Б. М. Думенко, выходца из крестьян, расстрелянного в мае 1920 года по ложному обвинению. Возвращение в историю этих незаслуженно забытых имён заставляет существенно пересмотреть вопрос о роли и месте людей, стоявших у истоков создания красной кавалерии, сыгравшей важную роль в исходе сражений российской гражданской войны.

Дальнейшее изучение истории казачества в гражданской войне призвано расширить географию исследования и полнее объяснить сложнейший водораздел в нём в рассматриваемый период времени. Важно раскрыть, как и с кем казаки надеялись отстоять свои интересы, традиции, образ жизни, свою правду, понять всю совокупность причин и обстоятельств, определявших персональный выбор и изменение позиций различных казачьих слоёв в годы этой сложнейшей и драматичной эпохи.

Воссоздание подлинного исторического полотна гражданской войны требует изучения и других групп и социальных слоёв населения. Последние годы были временем острых дискуссий о роли интеллигенции в революции и гражданской войне. Трактовки и интерпретации были весьма разнообразны: от оценки интеллигенции как творца и главной силы, ответственной за революцию и последовавшую за ней гражданскую войну, до их жертвы или же детонатора взрыва, высвободившего энергию народной смуты, особую роль в которой сыграли деклассированные элементы — маргиналы⁴³.

Чрезвычайно актуальной и дискуссионной остаётся проблема исследования процессов дифференциации в среде интеллигенции и факторов, обуславливавших сложный политический выбор в условиях гражданской

войны. Принципиально значимо изучение особенностей взаимоотношений как с советской властью, так и с её противниками различных групп специалистов — офицерства, учёных, инженеров и техников, учителей, врачей, представителей творческих профессий и др.

В середине 80-х годов известный историк интеллигенции С. А. Федюкин обоснованно подверг критике устоявшееся в советской историографии в течение долгого времени мнение, что после Октября интеллигенция разделилась на три группы. Считалось, что наименее квалифицированная её часть приветствовала революцию (утверждалось, что это было характерно, например, для учителей, техников, агрономов и представителей других массовых профессий) и способствовала её победе, средние слои заняли нейтральную позицию, а верхи встретили революцию враждебно.

Федюкин справедливо указал, что в определении послеоктябрьской позиции того или другого интеллигента, его социальное происхождение или его профессиональный, иерархический ранг не всегда играли решающую роль. Разделительная линия проходила не только между названными группами интеллигенции — высшая, средняя, низшая, но и внутри них. Этот вывод имел принципиальный методологический характер и использовался в последующем изучении истории интеллигенции послеоктябрьского периода и гражданской войны⁴⁴.

Нельзя не согласиться, что именно интеллигенты составляли интеллектуальное, идеологическое и нравственное ядро каждого из противоборствующих лагерей, направляя свой талант и способности на обеспечение победы. Тем самым они объективно усиливали ожесточённость гражданской войны, умножая её жертвы, и, вместе с тем, сами несли тяжёлые потери. Часть традиционной интеллигенции (медики, специалисты в области транспорта, военной техники и др.) стремилась, по справедливому замечанию В. С. Волкова, ограничить свою роль исполнением профессиональных функций, причём это не всегда служило интересам того политического режима, который

существовал на данной территории⁴⁵.

В сложнейших испытаниях революции и гражданской войны интеллигенция сумела в своей значительной части сохранить независимость, критичность мышления и способность находиться в оппозиции к власти. Среди неё было немало сторонников так называемого «третьего пути» и нейтралов. Но ожесточённое военно-политическое противоборство размывало нейтральные и колеблющиеся слои, углубляя моральную и идейную трагедию гуманистически настроенной интеллигенции.

Советская историография традиционно уделяла главное внимание изучению интеллигенции в районах, где существовала советская власть. В посмертно опубликованной в 1987 году статье С. А. Федюкина «Интеллигенция и белое движение (1918—1920 гг.)»⁴⁶ было справедливо указано на то, что за пределами внимания исследователей оставалась та часть интеллигенции, которая находилась на территории, контролируемой противниками большевиков (а она доходила порой до 3/4 всей площади страны). Подобный существовавший ранее подход к изучению интеллигенции был обоснованно назван методологически неправильным и односторонним. Автор предпринял попытку охарактеризовать некоторые тенденции поведения интеллигенции «за линией фронта». Интересное освещение эта тема получила в новой книге волгоградских историков В. Д. Зиминой и Ю. Д. Гражданова «Интеллигенция в политических процессах России начала XX века»⁴⁷.

В качестве активной силы контрреволюции выступал влиятельный, хотя и немногочисленный слой интеллигенции, тесно связанный с прежними господствовавшими классами, — крупное чиновничество, духовенство, часть профессуры, публицистов, литераторов, студенчества. Ядро белого движения составляло офицерство. Программно-идеологические аспекты антибольшевистского движения, обоснование «белой идеи», чем активно занимались именно представители интеллигенции, довольно подробно исследуется в новейшей исторической литературе, посвящённой противникам большевиков, о чём пойдёт

разговор в специальной главе данной книги. Но в целом нет оснований говорить о какой-то однозначной позиции и линии поведения интеллигенции, находившейся на территории, контролируемой антибольшевистскими режимами. В ней были как их активные сторонники, так и противники. Наиболее многочисленную часть интеллигенции составляли представители массовых профессий — учителя, медицинские работники, инженеры и техники, служащие, которые придерживались в своей основной массе пассивных и нейтральных позиций. Динамика изменения настроений и поведения интеллигенции находилась в зависимости от хода гражданской войны, характера политических режимов на территории проживания, наконец, от собственного материального положения и целого ряда других факторов. Но всё это несомненно требует дальнейшего обстоятельного изучения.

Особый интерес историков по-прежнему вызывает проблема размежевания и раскола в среде военной интеллигенции, офицерского корпуса старой армии. При этом важно учитывать особенности этого процесса в отношении кадрового офицерства и его новых пополнений периода мировой войны⁴⁸. Отметим изданную в 1988 году монографию А. Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Советского государства 1917—1920 гг.». В связи с процессом десталинизации, развернувшимся в советском обществе во второй половине 80-х годов, появилось немало публикаций, посвящённых бывшим офицерам, избравшим после революции сторону советской власти, ставших видными организаторами её вооружённых сил и впоследствии репрессированных Сталиным. Среди интересных сюжетов, требующих исследования, — судьбы 14 тыс. офицеров и генералов⁴⁹, сдавших в плен или перешедших на сторону советских войск в годы гражданской войны.

В постсоветский период центр тяжести исследований сместился на офицерский корпус белых армий, особенности его состава в различных регионах страны. Большое значение приобрело изучение персоналий его руководителей⁵⁰. С точки зрения расширения доступности корпуса источников и возможностей работы с ними полезным стало переиздание в России в конце 80-х—90-е годы мемуаров белогвардейцев. Ценность подобных изданий возрастает, если они сопровождаются содержательными комментариями, аннотированными именными указателями, а тем более дополнительными

подборками архивных документов.

Из историографии гражданской войны во многом выпадает такая категория, как «солдаты и матросы». Прав Э. Модсли, заметивший, что она не попадала ни в категории, изучаемые западными социальными историками, ни в исследования советских авторов, изучающих социальную структуру общества⁵¹. Между тем, за годы мировой войны в российские вооружённые силы было мобилизовано более 15 млн. чел., а около 3 млн. привлечено в многочисленные полувойсковые организации, обеспечивающие нужды армии и флота. На протяжении эпохи Великой войны, переросшей в гражданскую, эти миллионы самых активных представителей мужской части общества в полной мере впитали в себя и несли впоследствии многие годы военную психологию и убеждение в необходимости решать все актуальные вопросы жизни силой оружия. Они во многом разучились работать и искали иную сферу деятельности, тем более часто порвав со своей прежней социальной средой.

Следует согласиться с Л. М. Гавриловым, что «в мировой истории не было ещё социальных революций и гражданских войн, в исходе которых «военный фактор» сыграл бы такую решающую роль, как это имело место в России в 1917—1922 гг.»⁵². В целом же, роль армии как исключительно важного фактора жизни российского общества в эпоху революции и гражданской войны привлекает пристальное внимание российских и зарубежных историков⁵³.

В исследуемый нами период развернулось самостоятельное изучение проблемы городских средних слоёв в российской революции и гражданской войне⁵⁴. После прихода к власти большевики развернули наступление на эту категорию населения, именуемую «мелкой буржуазией», используя при этом как экономические (обобществление собственности), так и политические методы. Им довольно легко удалось подавить их активное сопротивление и добиться внешней лояльности, хотя политические настроения большинства «среднего класса» и оставались неблагоприятными к советской власти. По утверждению исследовавшего эту

тему в ряде своих работ и в том числе в докторской диссертации тамбовского историка В. В. Канищева, большевики получили поддержку лишь «уравнительно-коммунистической», а, с другой стороны, «беспринципно-карьеристской» части среднего класса, из среды которых удалось сформировать значительную часть кадров провинциальных советских управленцев, также «красных» командиров и комиссаров.

Но, будучи настроены в основной своей части негативно к новой власти, городские средние слои оказались неспособными к организованной и решительной антисоветской борьбе в условиях политической «атомизации общества» и жестокого подавления большевиками оппозиции. В то же время представители этой категории населения активно использовали любые возможности для «теневого» обогащения. Как справедливо подметил В. В. Канищев: «Загнанные вовнутрь «контрреволюционные» чувства городских обывателей» изредка прорывались наружу при вторжении в Советскую Россию белогвардейских армий». Но и белогвардейцы относились к городским средним слоям «презрительно, жёстко и разнузданно, требовали от них физической и материальной поддержки». В целом же, обособленно резюмировал В. В. Канищев, «средние слои города пережили трагическую зажатость между противоборствующими лагерями гражданской войны, покорились судьбе и подчинились победившей «красной» стороне, оставаясь во многом в душе «антисоветчиками»⁵⁵. Городские средние слои — значительная, пёстрая, относительно социально активная и экономически значимая часть населения несомненно заслуживает пристального внимания и дальнейшего исследования.

Актуальной и малоисследованной проблемой остаются судьбы так называемых «бывших» и прежде всего их психология и поведение в годы гражданской войны. Речь идёт о сотнях тысяч людей (а с семьями — о нескольких миллионах), бывших помещиках, предпринимателях, банкирах, чиновниках, состоятельной части интеллигенции, которые утратили прежнее положение, доходы и в значительной части вынуждены были покинуть старые места проживания.

В советской исторической литературе эта категория населения рассматривалась с определённых идеологических позиций и в контексте политики советской власти по ликвидации эксплуататорских классов. Причём само поведение и действия этих людей рассматривались весьма поверхностно. В соответствии с господствовавшей классовой формулой гражданской войны буржуазия и помещики должны были воевать с рабочими и крестьянами, но на деле присутствие представителей этих слоёв населения на фронте было довольно редким явлением. На их долю выпадало либо выживание под угрозой оказаться в заложниках и стать жертвами красного террора в Советской России, либо миграция в районы, не находившиеся под контролем большевиков, где они надеялись на благоприятное развитие событий и победу антибольшевистских сил в гражданской войне, либо выезд из страны. Различные аспекты истории эмиграции и адаптация представителей ранее господствовавших классов к новой жизни довольно подробно исследуются в новейшей историографии, чего нельзя сказать об их существовании и деятельности в период гражданской войны и в том числе о судьбах этой категории населения, оставшейся в Советской России.

Изучение истории гражданской войны в России убеждает, что при всей значимости классовых лозунгов и категорий её нельзя рассматривать как исключительно классовое явление и вооружённую борьбу классов. Раскол происходил и внутри них, а также внутри социальных слоёв и групп российского общества.

Сегодня совершенно очевидно, что гражданская война не была лишь вооружённым классовым противоборством между пролетариатом и крестьянством (или беднейшей его частью), с одной стороны, и буржуазией и помещиками, с другой, что являлось основным концептом советской историографии. Последние, будучи движущими силами гражданской войны, сами, как правило, непосредственно не принимали участия в боевых действиях. Рабочие (не говоря уже о крестьянстве) были далеко неоднородны в своих политических симпатиях и конкретных действиях в годы гражданской войны.

Рабочий класс в советской исторической литературе

традиционно выступал символом и главной движущей силой победы большевиков в Октябрьской революции и гражданской войне, носителем идеи и творцом государства «диктатуры пролетариата». Какие-либо сомнения и критическая ревизия этих утверждений не допускались. В западной историографии эта тема стала предметом пристального внимания и вдумчивого изучения и в первую очередь историков-«ревизионистов»⁵⁶.

Большой интерес последних вызывали изменения в составе и положении рабочих в условиях деурбанизации военного времени, а также воздействие процессов деклассирования на позиции советской власти в стране. Исследователи констатировали, как правило, сохранявшуюся поддержку большевистского режима со стороны значительной части рабочих в годы гражданской войны, что во многом и предопределило победу. Вместе с тем, зарубежные историки подчёркивали и исследовали глубокую дифференциацию в среде рабочего класса: с одной стороны, пестроту взглядов и политических настроений, а с другой, расширяющийся разрыв между рабочими и большевиками, советскими органами, и нередко открытые конфликты с использованием последними методов подавления и репрессий.

Признавая выдвижение значительной части рабочих в органы новой власти, историки вместе с тем указывают и на существенные, а нередко и качественные изменения, происходившие с этими выдвинутыми в процессе централизации и бюрократизации органов новой власти, отрыве её от народа и превращении декларировавшейся «диктатуры пролетариата» в «диктатуру над пролетариатом». Большое внимание историки-«ревизионисты» традиционно уделяли проблемам политической культуры, сознания и менталитета рабочих и тем изменениям, которые происходили в годы гражданской войны. У этой категории историков определённый интерес вызывали различные политические настроения в рабочей среде, оппозиция к власти и оппозиции в партии большевиков, в той или иной мере отражавшие настроения рабочих («анархо-синдикалисты», «децисты», «рабочая оппозиция»). Для исследователей же консервативного политического спектра именно эта проблематика стала центральной, а опровержение «мифа»

о поддержке рабочими большевиков они поставили как свою главную задачу.

В целом, сегодня и в зарубежной, и в отечественной историографии активно исследуется тема конфликтов, противоречий, забастовок и даже вооружённых выступлений рабочих против большевиков⁵⁷. Но актуально и объективное изучение рабочей политики антибольшевистских правительств и отношения к ним рабочих. Оппозиция рабочих была продиктована не только и, может быть, не столько их классовыми симпатиями, сколько житейским прагматизмом. Эти правительства не обеспечивали, как правило, их защиту от произвола предпринимателей. Советская власть при всей жесткости своей политики и военно-коммунистических крайностях ставила именно рабочих в привилегированное положение.

Происходившее размежевание и внутриклассовая борьба в среде российских рабочих в годы гражданской войны — несомненно важная проблема, требующая дальнейшего взвешенного и объективного изучения. При этом не следует уходить в крайности. Всестороннее исследование в общероссийском и региональном разрезе российского рабочего класса в эту эпоху (не оставляя вне внимания рабочих, находившихся на территориях, контролировавшихся противниками большевиков), его экономического положения, социального самочувствия, самосознания, поведения, политических симпатий и действий, участия в государственных и общественных организациях является актуальным для историков.

Общая картина социальных отношений в эпоху гражданской войны получает различное освещение в работах современных историков. В отличие от точки зрения, традиционной для советской историографии, а нередко и для западных историков-«ревизионистов», полагающих, что большевики вели за собой большинство населения, многие современные исследователи ставят под сомнение или категорически отвергают этот вывод. По мнению М. Левина: «Оба лагеря были коалиционными, а не чистыми, ярко очерченными классами. Каждая сторона имела очевидное, хотя и не вполне монолитное ядро, вокруг которого выплывали более широкие слои населения, нередко

колебавшегося, переходившего с одной стороны на другую, снова возвращавшегося на круги своя или создававшего собственный лагерь. Именно этот поток делал гражданскую войну непредсказуемой для участников тогда и такой сложной для сегодняшнего анализа. Такое флюидное состояние дел относится к обеим сторонам»⁵⁸.

Размышляя над характером и движущими силами гражданской войны и видя её сущность в борьбе формировавшегося тоталитарного государства против общества, историк В. Л. Дьячков пришёл к выводу, что «по социальным, национальным, региональным «горизонталям» гражданская война была борьбой каждого социального слоя за новое, лучшее место в быстро изменявшейся пирамиде общества, борьбой в условиях распада дооктябрьской социальной лестницы, уничтожения её верхних этажей и всей прежней системы социальной идентификации». По его мнению, наиболее активными в борьбе «за место под солнцем» оказались средние и низшие маргинализованные слои города: «Не «союз рабочего класса и трудящегося крестьянства» привёл государство к победе, а общие интересы и действия «маргиналов» города и «маргиналов» села». Они были наиболее активной частью общества и лагеря победителей, заняли в годы гражданской войны большинство мест «у кормушки» государственного распределения⁵⁹.

Современные исследования социальной истории гражданской войны в России, её движущих сил и участников значительно обновляют и обогащают представления о сложной и всеобъемлющей картине межклассовых, внутриклассовых и внутригрупповых коллизий и противоборства. Дальнейшее продвижение в изучении поднятых вопросов позволит глубже понять характер, сущность и исторические последствия гражданской войны для судеб народа, государства и общества.

ГЛАВА 5

ИНТЕРВЕНЦИЯ, МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Важным аспектом исследования рассматриваемой эпохи и одним из видов военного противоборства,

разворачивавшегося в эпоху гражданской войны в России, являлась международной интервенция, тесно связанная и вытекающая из событий мировой войны и российской революции. Как свидетельствует опыт истории, интервенция является частым спутником больших гражданских войн.

Историография иностранной интервенции и её роли в возникновении и эскалации гражданской войны в России имеет давние традиции как в нашей стране, так и за рубежом. Но тенденции изучения были противоположны: разоблачительно-обвинительная в советской историографии и преимущественно объяснительно-оправдательная в иностранной исторической литературе. Эти различия были очевидны уже в мотивации интервенции. Иностранные историки объясняли причины интервенции в первую очередь военно-политическими и военно-стратегическими факторами, проистекавшими из мировой войны. Советские авторы выводили её главным образом из политико-идеологических (ненависть мировой буржуазии к большевикам и идеям коммунизма, боязнь распространения их в мире и стремление «задушить большевистского младенца в зародыше» и экономических причин (стремление вернуть национализированную собственность, займы и долги, установить контроль за российскими природными и материальными ресурсами, ослабить экономические позиции России в мире).

Дальнейшее изучение этого сложнейшего и дискуссионного комплекса проблем, объяснение причин, мотивов и истоков международной интервенции в России требуют взвешенного подхода и всестороннего анализа, использования всей совокупности разнообразных отечественных и иностранных источников, осмысления планов, интересов и реальных действий в отношении России двух борющихся между собой в мировой войне коалиций.

Особое внимание в историографии традиционно уделяется генезису интервенции стран Антанты. Но не следует забывать, что ещё в феврале-начале марта произошла военная интервенция Германии, имевшая далеко идущие политические, экономические и другие последствия.

Реальностью последующих месяцев стала продолжающаяся «ползучая аннексия» Германии и Австро-Венгрии против Советской России, несмотря на подписанный Брестский мир, экспансия Турции в Закавказье. А действия бывших союзников — стран Антанты, не реализовавшись в виде «интервенции по

приглашению» или «с согласия» советского правительства, приобрели в дальнейшем откровенно антисоветский характер.

Заметим, вместе с тем, что сама разработка и обсуждение весной 1918 года в высших военно-политических кругах стран Антанты и прежде всего в Великобритании и Франции разных вариантов воздействия на ситуацию в России и в том числе возможная отправка союзнических экспедиций на Русский Север и Дальний Восток по согласованию с советским правительством с целью дальнейшего продвижения в центр страны и воссоздания Восточного фронта — эта та тема, которая до последнего времени не была известна многим специалистам, занимавшимся историей гражданской войны, и её исследование во многом обогатило представления о той сложнейшей и противоречивой обстановке, в которой интервенция Антанты рождалась¹.

Добавим, что эта линия Антанты активно прорабатывалась на встречах с советским руководством и прежде всего с Л. Д. Троцким, а также с В. И. Лениным представителями союзнических держав Р. Б. Локкартом, Ж. Садулем и Р. Робинсом, действовавших во многом в противовес официальной линии поведения руководителей дипломатического корпуса. Последние с весны до середины лета 1918 года находились в Вологде, занимали консервативную, антибольшевистскую позицию и избегали контактов с советским руководством. Кстати, история пребывания дипломатического корпуса в Вологде стала предметом ряда публикаций, среди которых выделим книгу вологодских авторов А. Быкова и Л. Панова «Вологда — дипломатическая столица России»².

Сложная диалектика гражданской войны и интервенции, роль последней в происхождении российской гражданской войны по-прежнему вызывает большой интерес и разнообразие суждений историков³. Тенденцией отечественной историографии последних лет стал отказ от привычных для советских авторов попыток объяснения гражданской войны внешним вооружённым вмешательством. При всей значимости последнего такое явление, как гражданская война, имеет в первую очередь внутрисоветские корни и причины. Вместе с тем, для ряда регионов, например, для Русского Севера, по убеждению многих историков⁴, именно интервенция являлась ключевой проблемой для понимания истоков и характера развертывавшегося вооружённого

противоборства. Без иностранного военного вмешательства антибольшевистский фронт здесь имел малые шансы на возникновение и длительное существование, и внутренняя борьба здесь вряд ли вылилась бы в форму гражданской войны.

В современной отечественной историографии происходит отказ от ряда основополагающих постулатов советской исторической литературы, например, о начале вооружённой антисоветской интервенции высадкой британского десанта в Мурманске в начале марта 1918 года. Автором уже не раз указывалось ранее⁵, что истоки интервенции Антанты на Русском Севере и прежде всего события на Мурмане весной-летом 1918 года требуют скрупулёзного анализа всех факторов и обстоятельств, учёта интересов, планов, опасений и реальных действий всех участников этого противоречивейшего процесса. В частности, важно глубокое понимание событий и борьбы различных сил, развернувшейся вокруг так называемого «Словесного, но дословно запротоколированного соглашения», заключённого 2 марта Мурманским Советом с представителями стран Антанты и по существу получившего предварительную санкцию наркома Троцкого.

Допустимы размышления об альтернативах Мурманской (с большей ориентацией на бывших союзников по Антанте) или Брестской (с ориентацией и следованием «в кильватере» Германии) внешней политики советской власти. Но по большому счёту за известным поддержанием диалога и контактов как со странами Антанты, так и с Центральными державами, стояло в первую очередь стремление большевиков и советского правительства проводить линию лавирования между противоборствовавшими в мировой войне империалистическими коалициями, не допуская их вооружённого столкновения на русской земле и дожидаясь победы мировой революции, с чем главным образом и связывались надежды на выживание советской республики. Ряд новых документов с комментариями о мурманской политике советской власти весной 1918 года опубликован в сборнике «В. И. Ленин. Неизвестные документы»⁶.

Воссоздание реальной и объективной, сложной и противоречивой истории генезиса интервенции Антанты на Севере России — сначала на Мурмане, а потом в Архангельске, не должно вести из одной крайности в

другую (что, увы, приходится нередко наблюдать в литературе последних лет) и к суждениям, что интервенции здесь вообще не было.

Современные зарубежные и российские исследования раскрывают борьбу мнений и всю противоречивость планирования и осуществления интервенции Антанты на Севере России. Нельзя не согласиться с принципиальным суждением американского историка Дж. Лонга: «Северная интервенция практически с самого начала (т. е. с весны 1918 г.) запуталась в сетях стратегических разногласий между союзниками и разгоравшейся русской гражданской войной. В этих условиях в планах союзнической интервенции на Севере воцарилась такая нервозность, что полная невозможность их успешного осуществления стала очевидной»⁷.

Парадоксальную роль для судеб интервенции Антанты сыграло выступление чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года. Став катализатором российской гражданской войны, оно предопределило и расширение военного вмешательства Антанты в Сибири под предлогом спасения чехов от большевиков. В то же время их выступление сделало невозможной переброску части корпуса на Север, что означало провал стратегического замысла союзнической интервенции, связанного с использованием чехов как ядра их военной экспедиции в этом регионе. Полноценной замены им руководство Антанты так и не сумело найти. В целом же, следует признать, что исследования последних лет о месте и роли чехословацкого корпуса (легиона) в меняющейся стратегии держав Антанты по осуществлению интервенции в Россию позволили неизмеримо глубже понять её генезис и последующие события⁸.

Рассматривая комплекс событий и дискуссий вокруг Севера России весной-летом 1918 года и анализируя (на основе привлечения и публикации новых источников⁹) постепенно расширяющуюся и изменяющуюся по своим масштабам и характеру интервенцию Антанты, надо иметь в виду и исследовать планы и интересы Германии в этом регионе, а также её вмешательство весной того же года в гражданскую войну в Финляндии, что во многом и предопределило победу белофиннов. Добавим,

что Советская Россия, в свою очередь, поддерживала в этой войне красных финнов. Сложный и противоречивый комплекс вопросов российско-финляндских (с учётом территориальных претензий белофиннов и их вооружённых вылазок на границе) и российско-германо-финляндских отношений весны-лета 1918 года — это тема, исследование которой довольно активно велось в новейших работах зарубежных и российских историков¹⁰. Но изучение её, несомненно, должно быть продолжено.

Большой интерес и публикации материалов исследовательского и документального характера, вызвали российско-германские контакты и переговоры в августе 1918 года. Советское правительство в условиях расширяющейся интервенции стран Антанты поставило перед Германией вопрос о совместном военном противодействии ей, а германское военное командование завершало разработку военной операции под кодовым названием «Шлюсштайн» на Русском Севере¹¹. По мнению авторов коллективной монографии «Интервенция на Северо-Западе России»: ««Шлюсштайн» задумывался в июле как операция по захвату Петрограда. Не изменилась её цель и после августовских предложений Москвы»¹².

Но поражения, которые потерпела Германия на Западном фронте, заставили её отказаться от задуманного в рамках «интервенции по приглашению», и население Северной России было спасено от тяжких последствий возможного побоища двух военных коалиций на его территории, а Петроград от возможной оккупации немцами. В целом же, германское руководство (в условиях различия суждений и острых дискуссий в правящих кругах страны по «русскому вопросу») проводило в 1918 году достаточно двусмысленную политику. С одной стороны, оно поддерживало дипломатические отношения с советским правительством, а с другой, взаимодействовало с антисоветскими группировками, добивалось сепаратных сделок в своих интересах с националистами Прибалтики, Украины, Крыма, Белоруссии, Закавказья, а также со сторонниками прогерманской ориентации в русском антибольшевистском движении¹³. Эта проблема будет

специально рассмотрена в следующей главе.

Европейский Север России, и прежде всего его приграничные районы, приведён как пример сложных, драматичных, переплетающихся событий и процессов, в которых развёртывалась интервенция стран Антанты, шаг за шагом приобретающая всё более ярко выраженный антибольшевистский характер. Но в той же, а может быть даже в большей мере, вышесказанное относится к истокам и дальнейшему развёртыванию интервенции в ряде других регионов страны. Необходимо, например, продолжить тщательное исследование попыток выработать общую стратегию действий стран Антанты на Дальнем Востоке и в Сибири, но, вместе с тем, и раскрыть противоречия, расхождение видений в отношении масштабов и характера вмешательства и ориентации на различные группировки антибольшевистского движения со стороны Великобритании, Франции и особенно США и Японии. Каждая из этих стран и особенно две последние существенно различались в трактовке вышеназванных вопросов. С другой стороны, советская власть и здесь пыталась сыграть на противоречиях зарубежных стран, чтобы не допустить интервенции¹⁴.

Ещё большим своеобразием отличалась интервенция, и в частности её начальный этап, на Юге России и прежде всего в таком сложнейшем многонациональном регионе как Закавказье, где трудно и драматично шли процессы складывания самостоятельных государств. Эта территория стала объектом вооружённой интервенции, с одной стороны, Центральных держав в лице Германии и Турции, а, с другой стороны, Великобритании, и в ряде случаев происходили столкновения интервенционистских сил. В этих условиях местным политическим и национальным лидерам приходилось лавировать и искать компромиссы для выживания¹⁵.

Изучение истории международной интервенции в России предполагает осмысление её как на уровне выработки планов и реальных действий военных коалиций — Антанты и Четверного Союза, так и отдельных государств, их ведущих политиков¹⁶ и военачальников, а также обсуждение этой темы в

парламентах¹⁷ и общественностью стран, чьи солдаты воевали в России.

В западной и прежде всего в американской историографии существует, например, давняя традиция исследования причин принятия американским руководством, президентом В. Вильсоном в июле 1918 года решения об участии в союзнической интервенции в Россию (после нескольких месяцев отказа от настойчивых предложений Великобритании и Франции пойти на эту меру) и изучения последующей «особой» (как утверждали многие политики и историки) позиции США в её осуществлении. В последние годы эта тема продолжала волновать исследователей и стала предметом новых работ и в том числе монографий¹⁸, авторы которых придерживались различных позиций и приходили нередко к противоположным выводам.

В книге Д. Фоглесонга под красноречивым названием «Американская секретная война против большевизма» обстоятельно исследуются мотивы и намерения, которыми руководствовался американский президент и его администрация в своей политике в «русском вопросе». В ней освещаются различные аспекты тайной войны против Советской России: разведка, пропаганда и контрпропаганда, финансово-экономические меры воздействия и др. Под давлением прямо противоположных влияний и советов президент Вильсон, по мнению автора, так и не смог выработать ясной и твёрдой стратегии.

Фоглесонг пришёл к выводу, что американское руководство, избрав вариант ограниченной, непрямой и завуалированной интервенции, не достигло желаемых результатов, не смогло оказать необходимую поддержку антибольшевистским силам и добиться разгрома коммунизма. Если бы союзники и Соединённые Штаты смогли послать крупные вооружённые силы в Россию (до укрепления Красной армии к концу 1918 года), они смогли бы свергнуть советский режим. Но, заметил Фоглесонг, американские лидеры не могли отвлечь главные силы от войны с Германией в 1918 году. К тому же существовала опасность, что даже в случае массивной иностранной интервенции большевики могли организовать широкомасштабную партизанскую

войну. А это потребовало бы сохранения большой оккупационной армии в России на многие годы. Американский президент не хотел идти на такой риск и расходы. Так или иначе, но, по мнению американского историка, избранный Вильсоном способ, формы и масштабы вмешательства, тайная, необъявленная война против Советской России привели к противоположным желаемым результатам и помогли большевикам выжить, консолидировать силы и оправдывать свой безжалостный классовый террор, объявив своих противников марионетками иностранных империалистов¹⁹.

Автор другой, почти 500-страничной монографии «Крушение американской политики в России и Сибири, 1918» с характерным подзаголовком «Решение Вильсона не вторгаться (март-октябрь 1918)», определяющим лейтмотив книги, В. Фик придерживается более жестких и однозначных выводов. По его мнению, решение Вильсона не вторгаться в Россию и Сибирь, ради поддержки демократических сил, явилось дорогостоящей ошибкой его президентства. То, что не было разрешено послать в Россию большое количество войск союзных и присоединившихся к Антанте государств и осуществить интервенцию как коллективную акцию, и привело в конце концов к краху проводимой политики и неудаче в борьбе с большевиками. Подобная точка зрения отнюдь не нова, а обосновывалась еще в эмигрантской и в западной историографии консервативного политического спектра эпохи «холодной войны». Сегодня она в определённой мере отражает новые политические тенденции на Западе после распада СССР, тяготение к политике с позиции силы, что воплощается и в исторических переоценках прошлого.

Как уже упоминалось выше, во второй половине 80-х годов по инициативе Научного Совета Академии наук по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» была предпринята попытка издать серию обобщающих коллективных монографий по истории интервенции в отдельных регионах страны. Но реализация этого проекта осталась незавершённой²⁰. Тем более что на рубеже 80-х и 90-х годов стала совершенно очевидна потребность концептуального переосмысления этой проблематики на основе использования широкого круга новых российских

и иностранных исторических источников.

Уже во второй половине 80-х годов был подвергнут критике один из основополагающих постулатов советской историографии — о трёх походах Антанты против Советской России в 1919—1920 годах.²¹ Пересмотр этого концепта стал результатом непредвзятого анализа реальных событий гражданской войны 1919—1920 годов, масштабов и характера участия в ней интервентов. Добавим, что принципиальные решения лидеров стран Антанты по «русскому вопросу» были приняты на Парижской мирной конференции зимой 1918—1919 года, когда расширение союзнической военной интервенции было признано нецелесообразным и началось сокращение масштабов военного присутствия в России при сохранении финансово-экономической поддержки антибольшевистского движения.

Новая полоса в развитии международных отношений СССР, а затем России, надежды на помощь Запада в модернизации страны сделали тему истории интервенции, мягко говоря, непопулярной. Тем не менее, в 90-годы в нашей стране был опубликован ряд содержательных работ, призванных выработать новое знание и дать концептуальное осмысление этой сложной тематики, раскрыть развитие и столкновения в стране разных интервенционистских потоков, непростые взаимоотношения интервентов и русского антибольшевистского движения, последствия международной интервенции для исхода гражданской войны в России и международных отношений²².

История интервенции, и в первую очередь стран Антанты в Россию, всегда вызывавшая особый интерес в зарубежной историографии, и сегодня остаётся предметом исследований западных авторов. Спектр опубликованных в последние годы работ весьма широк: от обобщающего, хотя и незавершённого пока 5-томного труда американца М. Кеттла, и изданного в США энциклопедического издания по истории американских интервенций в 1898—1934 годах, до монографий отдельных исследователей, раскрывающих общую картину иностранного вмешательства или посвящённых отдельным регионам²³, публикаций мемуарного характера

или выполненных на их основе²⁴, а также работ, освещающих участие в этих событиях отдельных стран, включая, например, Австралию и Грецию²⁵.

В дальнейшем изучении истории, роли и значения международной интервенции в Россию важно уйти от крайностей оценок, бытовавших ранее и в известной мере присутствующих сегодня: как от преувеличения её масштабов и значения, так и от суждений, что она, якобы, носила «символический характер». Когда сотни тысяч иностранных солдат приняли в ней участие, — это отнюдь не символика.

Совместное сотрудничество российских и иностранных историков открывает новые возможности для более глубокого изучения всех аспектов истории международной интервенции в России, её влияния на гражданскую войну в стране и последующие межгосударственные отношения.

Размышления над итогами и уроками интервенции в России в рассматриваемую эпоху, так или иначе, подвигают историков и политологов на более глубокие выводы и обобщения о роли интервенции в международных отношениях. Несмотря на широкое её применение многими ведущими странами мира и в последующие десятилетия XX века, включая и современные события в Ираке и Югославии, опыт истории убеждает в том, что интервенционистское оружие не способно разрешить сложные политические и иные проблемы тех или иных стран, а даёт, как правило, обратные результаты, ведёт к страданиям и жертвам прежде всего мирного населения. Тем более опасно и бесперспективно иностранное военное вмешательство во внутренние вооружённые конфликты и гражданские войны на стороне одной из противоборствующих сторон, что в полной мере продемонстрировал опыт гражданской войны в России.

В последние годы в публицистике, а нередко и в специальной литературе, предпринимаются попытки сопоставления международной интервенции в России с идеями и практикой мировой революции при характеристике некоторых действий большевиков как «красной интервенции». Это представляется не вполне

корректным и всё-таки требует рассмотрения.

Сравнение действий противоборствующие стороны приводит к выводу, что ведущие капиталистические страны осуществляли в отношении России всё многообразие мер интервенционистского характера: от экономической блокады до политического и военного вмешательства, непосредственного участия иностранных войск в боевых действиях в нашей стране. Лидеры большевиков и Коминтерна делали главную ставку на распространение коммунистических идей посредством агитации и пропаганды. Формы и масштабы их прямой помощи зарубежным соратникам были весьма ограничены в условиях гражданской войны в стране.

Вместе с тем, сама по себе тема внешнеполитической доктрины советского государства в рассматриваемый период и соотношения в ней компонентов мирного сосуществования и мировой революции, деятельности совместно с Коминтерном по поддержке революционных движений за рубежом несомненно заслуживает изучения. Можно выделить ряд интересных российских публикаций последних лет и прежде всего подготовленный в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории сборник документов «Коминтерн и идея мировой революции»²⁶. Эта тема привлекала и привлекает зарубежных исследователей, исповедующих разные подходы и приходящих к разным выводам²⁷.

Заслуживают дальнейшего обстоятельного изучения причастность большевиков к Ноябрьской революции 1918 года и к последующим революционным событиям в Германии²⁸, отношения и планы оказания Советской Россией военной помощи революционной Венгрии в 1919 году (хотя в последние годы по этой теме в нашей стране и опубликован ряд интересных изданий²⁹). К серьёзным размышлениям подвигает и предложение председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого, изложенное в секретном меморандуме членам ЦК (5 августа 1919 г.), о создании и направлении конного корпуса через Афганистан на Индию с целью разжечь революционный пожар на Востоке. «Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и

Бенгалии», — полагал Троцкий. Позднее он предлагал создать для этой же цели военную базу в Туркестане³⁰.

Пик революционных надежд пришёлся на 1920 год и был связан с летним наступлением Красной армии на Польшу, следствием чего могла стать советизация Европы и создание здесь конфедерации советских республик³¹.

В польско-советской войне 1920 года и в более широком временном контексте советско-польских отношений 1918—1920 годов переплелись воедино разные составляющие военно-политического противоборства этой эпохи, неотъемлемо связанные с устройством послевоенного мира. Здесь и попытка использовать польский корпус в начале 1918 года как катализатор вооружённой антисоветской борьбы и как следствие — зимняя военная конфронтация в Белоруссии. Вспомним и аннексионистские действия польских национал-экстремистов, движимых идеей возрождения Великой Польши «от Балтийского до Чёрного моря». Это привело к вооружённым столкновениям с советскими властями Белоруссии и Литвы и Красной армией в 1919 году (а также к войне 1918—1919 годов с Украиной³²) и переросло в большую польско-советскую войну 1920 года, начатую вторжением польских войск. Инициатива польской стороны в развязывании этой войны и обуславливает используемый автором, как и целым рядом современных российских историков, порядок расстановки наименований стран в названии войны (в отличие от более привычного и употребляемого ранее названия «советско-польская война»).

Политические перемены в Польше и России в конце 80-х — 90-е годы резко актуализировали всю эту проблематику и вынесли её на новый виток дискуссий. Сложившаяся к концу 80-х годов обширная историография польско-советской войны 1920 года уже не удовлетворяла ни общественность, ни специалистов. По выражению российского историка С. Н. Полторака, её события представляли «скопище «белых пятен» на униформе военной истории»³³. В целом же, о непрекращающемся интересе к этой теме свидетельствует тот факт, что с 1920 года по настоящее время в СССР

— СНГ было издано более 400 монографий, учебных пособий, сборников документов и воспоминаний. Добавим к этому более 20 защищённых диссертаций³⁴.

В начале 90-х годов в нашей стране был опубликован целый ряд статей и некоторые сборники, призванные показать разнообразие взглядов, обозначить основные проблемы и новые подходы к их решению³⁵. В дальнейшем выходит в свет серия книг, посвящённых советско-польским отношениям рассматриваемого периода. Среди них следует особо выделить издания, подготовленные в Институте славяноведения и балканистики РАН и прежде всего двухтомник документов «Польско-советская война 1919—1920» и одноимённую обобщающую монографию И. В. Михутиной³⁶. Здесь же было опубликовано оригинальное междисциплинарное исследование В. Н. Савченко, в котором был рассмотрен, в частности, процесс советско-польского пограничного размежевания 1918—1921 годов на основе анализа материалов исторического, этно-лингвистического и геополитического характера³⁷.

В Санкт-Петербурге вышла в свет монография С. Н. Полторака под парадоксальным названием «Победоносное поражение». Отвечая на наиболее дискуссионный вопрос о том, кто выиграл, а кто проиграл, автор пришёл к выводу, что «и для Польши, и для Советов эта война была не что иное, как победоносное поражение», с одной стороны, идей Великой Польши, а с другой — идей мировой революции³⁸. Кроме того, эта война заложила предпосылки для будущей войны.

Публикация доклада В. И. Ленина и материалов дискуссии на IX партийной конференции РКП(б) о советско-польской войне позволила глубже понять настрой и атмосферу в высшем советском руководстве, видение этой войны в контексте попыток воплощения в жизнь идей мировой социалистической революции. Итоги и последствия польско-советской войны обсуждались в конце 80-х—начале 90-х годов в сложной политической обстановке преимущественно односторонних обвинений в адрес советского руководства этого и последующего периода («Катыньское дело» и др.). Шокирующе в этих

условиях прозвучали опубликованные в российской печати данные о жестоком обращении поляков с советскими военнопленным, в результате чего из 130 тыс. красноармейцев, оказавшихся в польском плену, 60 тыс. погибло за два года³⁹.

Деятельность центральных и местных советских органов по обеспечению военной кампании Красной армии против Польши, настроения и отношение к этой войне получили освещение в работах А. А. Исаева⁴⁰. Использование старых военных специалистов в формирующейся в Советской России атмосфере патриотизма для борьбы с иностранным нашествием, создание, деятельность и реальные возможности сформированного под руководством бывшего генерала А. А. Брусилова Особого Совещания при Главкоме вооружёнными силами РСФСР были исследованы в монографии Ю. В. Соколова «Красная звезда или крест?»⁴¹. Состояние легендарной Первой Конной армии на Польском фронте, факты партизанщины и разложения рассмотрены в интересной, хотя и не бесспорной работе Н. С. Присяжного⁴².

Несмотря на издание в 90-е годы в нашей стране ряда содержательных монографий, публикаций документов, а также защиту нескольких диссертаций⁴³, не приходится пока говорить о завершённости исследования этой сложной темы.

Рассматриваемые проблемы получили обширнейшее освещение в новейшей польской исторической литературе, разной по своей направленности и выводам и нередко чрезмерно политизированной, изданной «на злобу дня» в обстановке краха социализма в стране и отрицания старых ценностей. Часть исследований польских авторов была опубликована в России⁴⁴. Эта тема находит освещение и в ряде работ западных авторов⁴⁵.

В последние годы в нашей стране был издан ряд работ, посвящённых поддержке Советской Россией революционных движений на Востоке, включая и прямое использование своих вооружённых формирований для того, чтобы на штыках продвигать идеи Октября в этот обширный и стратегически важный регион. Здесь существовало мощное национально-освободительное движение и казалось, что приход Красной армии под флагом помощи ему и при поддержке местных коммунистов мог направить это движение в

социалистическое русло и тем самым привести к краху колониальных империй, резкому ослаблению экономических позиций и назреванию революционного кризиса в ведущих капиталистических державах.

В Советской России с дореволюционных времён находилось не менее 1 млн. отходников, обнищавших граждан Китая, Персии, Кореи, Турции. Часть из них примкнула к большевикам и приступила к созданию национальных компартий и воинских частей⁴⁶. Наконец, в колониальных и полуколониальных странах Востока имелись весьма слабые вооружённые силы. Это также могло способствовать вооружённому экспорту революционных идей и порядков в этот регион.

Большой интерес представляет брошюра М. А. Персица, посвящённая планам и реальным действиям советского руководства по осуществлению вооружённого вмешательства в Персию в 1920—1921 годах. По его мнению, Л. Д. Троцкий в обстановке трудной войны с Польшей существенно пересмотрел свои идеи августа 1919 года об организации похода на Афганистан и Индию с тем, чтобы вызвать в итоге революцию в Лондоне и Париже. Он считал, что советская военная экспедиция на Восток может оказаться не менее опасной, чем война на Западе, и предлагал ограничиться бряцанием штыков на восточных границах. Но, как утверждает Персиц, сторонником военного воздействия на Восток выступал В. И. Ленин, тем более что военная экспедиция в Персию, готовившаяся с начала 1920 года на базе Туркестанского и Кавказского фронтов и Восточно-Каспийской военной флотилии, началась в мае того же года и на первых порах развёртывалась довольно успешно⁴⁷. Обратим внимание и на недавнюю публикацию В. Л. Гениса, посвящённую роли большевиков в создании Персидской советской республики⁴⁸. Эта тема вызывает большой интерес и за рубежом⁴⁹.

Но идеи советизации Персии завершились в итоге крахом и вынуждённым выводом отсюда советских войск в 1921 году. Размышляя о последствиях этой акции, М. А. Персиц цитирует и достаточно красноречивые суждения очевидца событий В. Островского, очевидно представителя Коминтерна в Гиляне: «Коммунизм был преподнесён в Персии (а тем самым и на всём Востоке) в уродливых, извращённых русской интервенцией формах и потому не был принят. Попытка революционной России

создать в Персии путём интервенции новую государственность, основанную на советской системе, не увенчалось успехом»⁵⁰.

Интересным фрагментом истории, в котором перемешались воедино события гражданской войны и потребность завершить борьбу с белогвардейцами, действовавшими против Советской России и Дальневосточной республики с приграничных территорий, и надежды продвижения вооружённым путём революционных идей на Восток, стали получившие некоторое дополнительное освещение в современных исследованиях события начала 20-х годов в Монголии и Синьцзяне (Китай). Они завершились разгромом войск барона Унгерна-Штернберга и образованием Монгольской народной республики⁵¹. Она стала своего рода «буферным» государством и важным аргументом советской внешней политики в диалоге с Японией и Китаем, а также плацдармом Коминтерна для продвижения и поддержки революционных идей и движений на Дальнем Востоке.

Чрезвычайно запутанный характер носили отношения Советской России с Турцией в начале 20-х годов, которые должны анализироваться в общем контексте международных отношений этого периода. Интересно письмо наркома Г. В. Чичерина, адресованное советскому полпреду в Финляндии Берзину в начале 1921 года. «Интерес мировой политики, — подчёркивал Чичерин, — за последнее время переносится на Восток». Здесь выдвигаются грандиозные задачи, процесс перемены носит бурный характер, и грандиозное движение может быть направлено в ту или другую сторону. Советизация Грузии приблизила Советскую Россию к Турции и до крайности обострила, по мнению Чичерина, вопрос о взаимоотношениях с мусульманским миром, который мог стать и союзником, и в то же время между ним и революционной Россией лежала глубокая пропасть. Пойдет ли Турция на союз с нами против Англии или нет? Двинется ли мусульманский мир по пути национально-освободительного движения против империализма или выступит на защиту мусульманских традиций, опираясь на своего врага — Антанту? Будет ли священная война мусульман против нас с наступлением на Северный Кавказ и Среднюю Азию, иначе говоря, новая грандиозная интервенция?⁵² — весь этот комплекс поднятых Чичериным вопросов чрезвычайно заботил руководство Советской России.

Некоторые интересные аспекты деятельности

большевиков по недопущению панисламского похода против Советской России и поиску в Турции союзников в борьбе против Антанты, а также их отношения с кемалистами (сторонниками Мустафы Кемал-паши) и некемалистскими политическими силами освещаются в документальной публикации Р. Казанджяна «Большевики и младотурки»⁵³.

Последний приступ европейской капиталистической крепости в начале 20-х годов — попытки революций в Германии, Болгарии, Эстонии (эти события и усилия руководства большевиков, Коминтерна и советских спецслужб в данном направлении в последние годы вызывают большой интерес и немало интересных публикаций⁵⁴), также как и попытки вызвать революционный взрыв на Востоке, не принесли желаемых результатов. В итоге, от штурмовых методов и надежды на скорую мировую революцию пришлось перейти к тактике осады и приступить к реализации концепции строительства социализма в одной стране.

ГЛАВА 6

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Беспрецедентный интерес в современной российской историографии вызывает тема антибольшевистского движения. И этому есть ряд объяснений: а) произошёл крах советской системы, и к власти пришли антикоммунистические силы; б) исследователей — противники большевиков и советской власти многие годы являлись в нашей стране предметом не изучения, а главным образом обличения в советской исторической литературе, но познание феномена российской гражданской войны невозможно без полного и объективного знания тех сил, с которыми боролись большевики; в) источниковых — во второй половине 80-х годов раскрылись врата «спецхранов» архивов и библиотек, и огромные пласты документов и литературы стали доступны исследователям, что стимулировало научный поиск и позволило обогатить источниковую базу исследований. Расширились и возможности работы российских историков с зарубежными источниками.

За последнее десятилетие в нашей стране изданы не

менее 30 монографий и учебных пособий¹, несколько журналов и альманахов², десятки сборников документов и мемуаров, а также значительное число иных документальных публикаций³, защищено около 10 докторских и 30 кандидатских диссертаций, посвящённых истории антибольшевистского и белого движения. Вышеизложенное не позволяет согласиться с утверждением И. В. Михайлова, что «белое движение сегодня больше обсуждают, чем изучают»⁴. Большой объём опубликованной литературы, разнообразие поднятых проблем и авторских подходов к их решению стимулировали усиление интереса к проблемам историографии истории антибольшевистского движения, что воплощалось первоначально в статьи и соответствующие разделы ряда монографий. В последние годы были изданы и первые книги, специально посвящённые историографии белого движения. Это коллективная историографическая работа «Белое дело: идеология, основы, режимы власти», подготовленная Г. А. Бордюговым, А. И. Ушаковым и В. Ю. Чураковым⁵, а также монографии В. Т. Тормозова⁶. В них предприняты серьёзные попытки комплексного проблемно-хронологического анализа литературы, изданной за семьдесят лет в нашей стране и за рубежом, подвести основные итоги и определить перспективы дальнейших исследований. Впрочем, эти, несомненно полезные, хотя и не свободные от недостатков издания, далеко не исчерпывают сложную тему, многие проблемы которой являются дискуссионными.

Анализ изданной в нашей стране литературы по этой тематике со второй половины 80-х годов позволяет выявить некоторые тенденции, фиксируемые даже в названиях. Авторы работ 80-х годов обычно определяли свой предмет исследования понятием «контрреволюция» (выделяя в ней, в свою очередь, буржуазную контрреволюцию, возглавляемую буржуазно-помещичьим блоком, и мелкобуржуазную или «демократическую» во главе с меньшевиками и эсерами). В наименованиях публикаций, как правило, присутствовали добавления — «крах», «крушение», «разгром» и т. п. Это было своеобразной дежурной риторикой того переходного периода. В начале 90-х годов в оборот входят понятия «белое» и «антибольшевистское» (или

«противобольшевистское») движение.

В годы «перестройки», в условиях рождающейся многопартийности начинает интенсивно изучаться история политических партий в России в начале XX века, включая и период гражданской войны. На протяжении последнего десятилетия было издано большое количество работ, в том числе обобщающие исследования и документальные публикации⁷. Развернулось издание книжной серии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие». Был заявлен международный проект издания 24 томов документов, посвящённых различным политическим партиям России. Причины и характер эволюции программных установок и тактики деятельности политических партий⁸, а также межпартийных политических объединений (таких как «Совет общественных деятелей», «Правый центр», «Национальный центр», «Союз возрождения России» и др.) вызывают значительный интерес историков⁹.

История политических партий достаточно активно изучалась в 80-е—90-е годы и за рубежом, причём как с «ревизионистских», так и с консервативных, откровенно антибольшевистских позиций. Особый интерес вызвала у иностранных авторов партия меньшевиков как умеренно-социалистическая альтернатива радикальному большевизму¹⁰. Добавим, между тем, что в современных работах российских историков практически исчезли трактовки меньшевиков и других социалистических партий (эсеров, народных социалистов и пр.) как контрреволюционных и исследуются их сложные взаимоотношения с большевиками в годы войны, когда имела место как прямая (в том числе военно-политическая) конфронтация, так и попытки налаживания диалога и сотрудничества в борьбе с правыми силами.

Хорошие перспективы для дальнейшего исследования истории российских политических партий и их организаций в различных регионах страны даёт, на наш взгляд, не только традиционный подход — посредством изучения их программ и документов, идеологии, деятельности лидеров. Необходимо и изучение политических партий «снизу», через призму «социальной

истории», путём привлечения и осмысления массовых источников для анализа популярности той или иной партии в различных слоях населения и в разных регионах. Полезным будет и совмещение этих двух подходов.

Как уже упоминалось выше, в начале 90-х годов со страниц исследований российских авторов начинает постепенно исчезать термин «контрреволюция» или, по крайней мере, его употребление резко сократилось. Это объяснялось определённой политической направленностью и смысловым содержанием этого понятия в советской исторической литературе, а с другой стороны, размыванием его в условиях развернувшейся в новых политических условиях критики насильственных действий большевиков в октябре 1917 года, приведших к свержению Временного правительства. Термин умеренных социалистов, охарактеризовавших в своё время эти действия как «большевистскую контрреволюцию», стал весьма популярен в публицистике и в определённых кругах российского общества в эпоху «демократических надежд» начала 90-х годов.

В результате в историческую литературу вернулись термины эпохи гражданской войны, широко использовавшиеся в дальнейшем в эмигрантской и зарубежной историографии, — «антибольшевистское» и «белое» движение. Впрочем, будучи понятиями определённой исторической эпохи, они также несли в себе известную неопределённость, эклектичность и их содержание уже в 20-е годы было предметом дискуссий в эмиграции. Характеризуя широкий спектр внутренне достаточно противоречивых социально-политических сил антибольшевистского движения, историк С. В. Устинкин (со ссылкой на кадетских политиков — П. Н. Милюкова, Н. И. Астрова, П. И. Новгородцева, Н. Н. Устрялова) выделил в нём следующие элементы: 1. русское офицерство, которое цементировало это движение и стало его главной силой, а также казачество (по его оценке, в белых армиях служили 125 тыс. офицеров, а в отдельные периоды войны до 70% казаков вели борьбу с большевиками); 2. представители старой бюрократии и старых привилегированных классов; 3. правые политические течения, связанные со старым режимом; 4.

левые политические течения (демократические и социалистические), которые выступали на стороне революции, но затем развернули ожесточённую борьбу с большевиками; 5. либеральные партии центра и прежде всего кадеты, являвшиеся политическим штабом противников большевиков и, кроме того, способствовавшие координации усилий в этой борьбе межпартийных объединений; 6. часть рабочих и крестьян, недовольных продразвёрсткой, снижением жизненного уровня, установлением диктатуры и подавлением демократии¹¹.

А. В. Венков, исследовавший антибольшевистское движение на Юге России, указывал на следующие альтернативные большевистскому варианты развития,

предлагавшиеся различными частями этого движения здесь: 1) ещё более традиционалистский, но замкнутый в национальном и религиозном отношении путь (отчасти реализовался на Северном Кавказе); 2) более «цивилизованный» «большевизм» с национальным оттенком (на Украине); 3) сохранение сословной, присущей феодализму замкнутости, с привилегиями, но без обязанностей (казачество); 4) сохранение всех наработанных за века либеральных ценностей, социальной, классовой и политической структуры общества (белое движение); 5) на заключительном этапе — компромисс: признание нового собственника (крестьянство), но сохранение института частной собственности (Врангель)¹².

Как соотносились между собой антибольшевистское и белое движение? Видный политик, лидер партии кадетов и историк П. Н. Милюков ещё в 1927 году, размышляя над этими понятиями и процессами эволюции, происходившими в годы войны среди противников большевиков, писал: «Только часть этого (антибольшевистского — В. Г.) движения может быть названа «белой» и только часть «белого движения» — контрреволюционна и реставрационна. «Белый» и реставрационный характер этого движения развивался постепенно, и только с течением времени, лишь в конце тактика вооружённой борьбы с большевиками сосредотачивалась исключительно в «белых» армиях, с откровенно реакционными тенденциями. Соответственно менялось, постепенно сужаясь, и понятие «белое движение»¹³. Возобладавшая реакция, была, по его утверждению, одной из главных причин поражения противников большевиков.

В последующем исследователи также нередко дифференцировали происходившую в годы гражданской войны борьбу с большевиками, выделяя в ней собственно «белое движение» и «истинно (чисто) народное сопротивление», последнее в ряде случаев трактовалось как «третья сила» (и ассоциировалось со способностью предложить и реализовать программу «третьего пути» в это переломное и драматичное время). Хотя в данное понятие вкладывались очень разные толкования. Кто-то подразумевал под ним левую часть антибольшевистского движения в целом, умеренных

социалистов или отдельные политические образования (например, самарский КОМУЧ, Верховное управление Северной области или даже Уфимскую директорию). Другие имели в виду повстанческое, главным образом крестьянское движение¹⁴. По мнению Дж. Свейна, переворотом в Омске в ноябре 1918 года белые генералы превратили эту войну в войну между красными и белыми. Тем самым, считает этот исследователь, они гарантировали победу большевикам. Остаётся неясным, могли ли бы настроенные патриотически социалисты победить в гражданской войне. Провал экспериментального третьего пути в гражданской войне не был предопределён, считает Свейн¹⁵.

Так или иначе, но широкомасштабная гражданская война в стране начиналась с так называемой «демократической контрреволюции» и заканчивалась после поражения основных белых армий мощным подъёмом народной борьбы — массовыми и повсеместными крестьянскими восстаниями, выступлениями рабочих и брожением в армии. Символом крайней опасности для советской власти стало восстание в Кронштадте, тема, которая получила в нашей стране широкое освещение в последние годы и воплотилась в содержательные документальные публикации и исследования, среди которых необходимо особо выделить ценные документальные издания последних лет «Кронштадт, 1921» и «Кронштадская трагедия 1921 года»¹⁶.

Характеризуя сложный вопрос о взаимоотношениях понятий «антибольшевистское» и «белое» движение, В. Д. Зими́на пришла к заключению, что «белое движение периода Гражданской войны могло выступать и в качестве одного из отрядов антибольшевистской борьбы (более правого, с установкой на диктаторское оформление) и представлять её полностью, особенно на этапе функционирования политических режимов»¹⁷.

С. В. Устинкин, отвечая на вопрос, кто же такие «белые» или «белогвардейцы», писал: «В широком смысле слова — это всё участники антибольшевистского движения». Очевидно, в этом смысле ярославский историк В. П. Федюк назвал свою книгу «Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917—1918 гг.» (М., 1996). «В узком смысле слова, — продолжает С. В. Устинкин, — белогвардейцы — это добровольцы, из

идейных, национально-патриотических соображений вступившие в белые армии до начала массовых мобилизаций в них». При аморфности и белого движения оно, по мнению вышеназванного автора, «во-первых, носило более узкий характер, первоначально не включая в себя социалистов и монархистов-черносотенцев, сторонников реставрации самодержавия. Во-вторых, создавалось оно как надпартийное, русское, государственно-патриотическое движение, противостоящее интернациональным течениям в партиях, принимавших участие в революции. В-третьих, оно имело достаточно чёткую организационную структуру. Стержнем её, главным элементом государственного аппарата белых правительств были их вооружённые силы. В-четвёртых, совершенно исключительную роль в Белом движении сыграли русские офицеры. Они положили начало вооружённой антибольшевистской борьбе, принимали деятельное участие в организации антибольшевистского подполья, строительстве белых армий»¹⁸. Пережившее унижения в ходе революции, которая привела в конечном счёте к деморализации и ликвидации армии, позор Брестского мира офицерство превратилось в «новый маргинальный слой», сконцентрировавший в себе «мощный заряд ненависти к своим гонителям, огромную жажду социально-политического реванша»¹⁹. Многие современные исследователи признают системообразующую роль военных структур и офицерства в формировании белого движения.

Современный диапазон оценок и характеристик белого движения и его лидеров весьма пёстр — от обвинений в реакционности и стремлении к реставрации старых порядков до признания белых истинными патриотами и борцами за демократию — и в немалой степени зависит от политических симпатий авторов. Впрочем, проистекает это и из разнородности, и противоречивости самого движения. Приведём для сравнения несколько попыток дать целостное определение белому движению. Вот как оно звучит в совместной работе В. В. Рыбникова и В. П. Слободина: «Белое движение — это самостоятельный отряд

российской контрреволюции, исповедующий идею национального объединения всех слоёв российского общества в целях спасения России от иноземного порабощения, а затем власти большевиков над русским народом, а также выступавший за возвращение страны на рельсы цивилизованного развития в сообществе развитых государств и сохранение культурных и религиозных ценностей, накопленных многовековой историей российского народа»²⁰.

Спустя три года, в 1996 году уже в изданной без соавторства книге В. П. Слободин даёт следующую, более объёмную, но отнюдь не свободную от принципиальных недостатков трактовку: «Белое движение — это самостоятельное военное и общественно-политическое течение, выразившее либерально-консервативные взгляды части русского общества по объединению всех (? — В. Г.) его слоёв на общенациональной платформе организации эффективного сопротивления внешней угрозе целостности и независимости страны со стороны блока Централных держав, а затем принявшее противобольшевистский характер. Оно выступало за определение демократическим путём будущего России в Учредительном собрании (отнюдь не все группировки белого движения разделяли мысль о его необходимости, а часть лидеров правых считала это недопустимым и именовала такое намерение «государственным преступлением» — В. Г.) в соответствии с идеями Февральской революции (среди сторонников белого движения было как раз много оппонентов этих идей — В. Г.), за сотрудничество с передовыми странами мира на основе приоритета национальных интересов, а также за сохранение культурных и религиозных ценностей, накопленных многовековой историей российского народа»²¹.

Представляется более удачным определение, данное С. В. Устинкиным и претендующее на универсальный и академичный характер: «Белое движение представляло собой русское, государственно-патриотическое движение, буржуазное по своей социальной природе, которое в плане политическом эволюционировало от коалиции правых социалистов с кадетами к кадето-

монархизму. В идеологии — от социального реформаторства с элементами государственно-патриотического милитаризма, через либерализм к консерватизму. В этике представляло собой конгломерат установок нравственного кодекса офицерской чести, православных нравственных норм, этических установок либерализма и консерватизма»²². Этим же автором была предпринята попытка дать периодизацию белого движения: 1) зарождение движения и выработка основ идеологии (весна — ноябрь 1917 г.); 2) становление белого движения (ноябрь 1917 — ноябрь 1918 г.); 3) образование «белой России» (ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г.); 4) упадок и распад движения (ноябрь 1919 — октябрь 1922 г.)²³.

Итак, понятия «белое движение», «белое дело», «белая идея» и их истинный смысл были и остаются предметом пристального внимания и изучения. Заметим, что в современных исследованиях мы находим объяснения происхождения самого понятия «белое дело», его этимологию. Историки проводят аналогию с белым цветом как символом монархической реставрации эпохи Французской революции XVIII века, что использовалось уже русскими монархистами, действовавшими под эгидой «национал-патриотов», и погромщиками в первой русской революции. Термин этот возродился осенью 1917 года в период борьбы с большевиками в центре и на периферии²⁴. Теме исторического генезиса белого движения и его военному, офицерскому ядру и прежде всего верхам старой армии посвятил свою монографию «Военная контрреволюция в России» В. Д. Поликарпов²⁵. Эта книга сложно, несмотря на идеологические препоны и запреты, пробившаяся к читателю в пору «перестройки», была одним из первых крупных исследований на эту тему. В ней, также как и в изданной за год до неё, в 1989 году книге Г. З. Иоффе, посвящённой генералу Корнилову и истокам «белого дела»²⁶, внимательно анализировалось формирование идейно-политической программы движения. Весьма значимым в этом отношении был период так называемого «быховского сидения».

Сложный процесс генезиса, стратегия, тактика и

идеология белого движения, поиски оптимальной модели его организации и государственного устройства — это те центральные вопросы, которые изучаются и находят различные интерпретации в работах современных российских и (в меньшей мере) зарубежных историков.

Цельное исследование представлений, программ и реальностей белой государственности осуществила в своих работах В. Д. Зими́на, придя к обобщающим выводам о закономерностях возникновения, развития и крушения белого движения в годы гражданской войны. Она указала, что сама модель белого государственного устройства носила «гибридный» характер, сочетала в себе тоталитарные и демократические начала, обуславливавшие её близость к авторитарным характеристикам. Это, по её мнению, создавало широкое поле для политических комбинаций, которые в большинстве случаев сводились к двум направлениям — авторитарно-консервативному и авторитарно-либеральному. Всё в итоге замыкалось на воззрениях о необходимости диктатуры «во имя спасения Великой России и грядущей национальной демократии» и приводило к политическому нигилизму и попыткам обойти политику стратегий.

Исследуя проблемы и трудности государственного строительства, Зими́на пришла к выводу, что белая власть, армейская по своему происхождению, так и не смогла вырваться из «материнского лона» и превратиться в государственную власть, соединявшую военные и гражданские начала. Добавим, что свою роль здесь играло недоверие военных к гражданским лицам и прежде всего к интеллигенции, которая должна была играть важную роль в государственном строительстве и хозяйственной деятельности. Принципиальный характер носит наблюдение В. Д. Зиминой о неадекватности белой государственности народным представлениям о справедливом государственном порядке²⁷.

Политическое господство и властные отношения носили многовариантный характер. В белом управлении, как и в белом лидерстве, прослеживались, по мнению Зиминой, и «эксплуататорско-авторитарный» стиль руководства с возможным привлечением подчинённых к

принятию тех или иных решений, и «консультативно-демократический» с элементами доверия между руководителями и подчинёнными, и «групповой» с децентрализацией принятия решений. Причём первый из них преобладал, принимая на практике весьма уродливые формы из-за полной «тыловой неразберихи»²⁸. Этим же автором проанализированы механизмы управления белых режимов, попытки организации и распределения власти по «горизонтали» (законодательная, исполнительная, судебная) и по «вертикали» (центральная, региональная, местная), взаимодействие военных и гражданских властей.

Лейтмотивом правых военных режимов была тема диктатуры как синонима твёрдой и эффективной власти. Но парадокс заключался в том, что среди белых генералов и правых политиков не оказалось полноценных претендентов на роль диктатора, не нашлось харизматических лидеров, которые могли стать популярными в массах. Многие авторы, пишущие, например, о А. В. Колчаке, признают его личную честность и порядочность, но и указывают на отсутствие у него необходимых качеств политика, государственного лидера, действительно Верховного правителя. Он не в состоянии был навести порядок в собственном окружении, погрязшем в коррупции, что несомненно негативно сказывалось и на системе управления, и на популярности режима. Не лучше обстояли дела и у генерала А. И. Деникина, провозглашённого заместителем Верховного правителя, который не смог стать преемником Колчака в этом качестве после его гибели. Лидеры белых на порядок уступали красным, обладавшим плеядой ярких государственных руководителей, первым среди которых (не по занимаемой должности, а по масштабу своей личности как партийного и государственного деятеля, популярности и авторитету как политика) был несомненно В. И. Ленин, силу и влияние которого признавали и его враги.

Программа белых была глубоко противоречива. Лозунг «Возрождения великой и единой России», не подкреплённый сколько-нибудь серьёзной концептуальной проработкой и сочетавшийся с

«непредреши́тельностью» как неким компромиссно-консолидирующим средством, призванным сгладить остроту дискуссий о будущей России (форма правления которой должна была быть определена Учредительным собранием нового состава, созванным после победы над большевиками) и способствовать укреплению и расширению социальной базы движения, превращались на деле в абстрактные пожелания. Эклектика социально-экономических мероприятий, не получавших сколько-нибудь значительной поддержки населения, лозунг «единой и неделимой России», отталкивавший от сотрудничества с белыми антибольшевистски настроенных националов, наконец, отсутствие единства действий и общей военной стратегии белых армий — всё это предопределяло поражение антибольшевистского движения в гражданской войне.

В исторической литературе можно найти немало размышлений о бонапартизме в белом движении как средстве политического маневрирования, наведения порядка и ликвидации хаоса с опорой на военную силу, сочетавшемся в то же время с заявлениями об отказе от реставрации старого строя и о том, что форма правления будет определена после победы над большевиками «народным волеизлиянием». Обращение к бонапартизму было призвано, по крайней мере, обозначить легитимность власти. Характерно суждение одного из лидеров эсеров В. М. Чернова, что бонапартизм «до известной степени приемлет революцию, рассматривая себя как её завершение и увенчание, претендуя на роль её собственного детища и наследника»²⁹. Достаточно популярными были и призывы к созданию «общенационального» и «единого» фронта для борьбы с большевиками. Но вот как рассуждал впоследствии по этому поводу бывший член северо-западного правительства Н. Н. Иванов: «Поиски единого фронта ...были смешным занятием. В роли Пожарского шли сумасшедшие люди — с горячим желанием отхлестать Россию за «бунт» каторжной плетью и шомполами, и не как-нибудь, а непременно «по морде». О, сколько раз довелось слышать об этой «российской морде»! Лозунг «единый фронт» после этого опыта звучит в моих ушах,

как хула искреннему и честному стремлению помочь России»³⁰.

Заметим, что в последние годы заметно усилился интерес не только к военно-политическим, но и к другим аспектам истории белого движения. В монографиях, статьях и кандидатских диссертациях (последнее свидетельствует о подготовке специалистов в данной области) начато серьёзное исследование социально-экономической политики белых правительств, попытки разработки и осуществления реформ³¹, в том числе в такой традиционно трудной сфере, как аграрные отношения. Анализ аграрного законодательства правительств Колчака, Северной области, Юга России (особенно Врангеля) приводит историков к существенно различающимся выводам. Но многие из них признают, что, даже принимая решения, направленные на поощрение развития мелкого трудового хозяйства на основе частной собственности на землю, власти оттягивали их выполнение. В результате крестьяне осознавали, что землёй они владеют временно, и её им вряд ли удастся сохранить. Но земельный и в целом аграрно-крестьянский вопрос был одним из главных в гражданской войне. Белые не сумели обеспечить себе поддержки крестьянской России, что во многом и предопределило исход войны.

Вместе с тем, попытки преобразований в лагере белых наталкивались на многочисленные трудности и не только политического характера. Сказывалось отсутствие у военных навыков административно-хозяйственного управления, нехватка компетентных специалистов (а часто и недоверие к имеющимся), слабо учитывались региональные традиции, интересы и особенности. Одной из наиболее трудных для белых правительств сфер деятельности являлась национальная политика. И хотя, по мнению одного из исследователей этой темы Д. А. Ахманжоловой, «разбуженные революционными потрясениями XX века национальные движения заставляли даже наиболее правые силы в белом лагере учитывать их роль и значение в обеспечении социальной опоры своей деятельности»³², но выработать привлекательную национальную программу и наладить

конструктивный диалог и сотрудничество с национальными движениями и прежде всего с их антибольшевистскими группировками и лидерами в годы гражданской войны русским белогвардейцам так и не удалось. Нельзя не согласиться с В. Д. Зиминой, что «упорное стремление к диктаторству при отсутствии конкретной «созидательной» программы сводило на «нет» саму идею твёрдой власти»³³.

Общая картина антибольшевистской борьбы в России складывается из анализа событий на отдельных белых фронтах, политических и социально-экономических процессов, происходивших на различных территориях, контролировавшихся противниками большевиков. На них действовали менявшиеся политические режимы, являвшие собой многообразие форм белой власти и разных видений будущей России и путей её строительства и реализовавших различную тактику в политике и военных действиях. Наиболее активно исследуется и широко представлен в историографии Юг России, уникальный по сложности и пестроте политических, национальных, социально-классовых, религиозных отношений регион, где началась Белая борьба и где белый фронт пал последним в Европейской России³⁴. Затем следует Восточный фронт — Урал, Сибирь и Дальневосточный регион³⁵. Появились и специальные монографические исследования, посвященные антибольшевистской Северной области и Северо-Западу страны³⁶. В связи с развитием исторической регионалистики гражданской войны отметим публикацию материалов конференции, состоявшейся в Нижнем Новгороде в 1997 году³⁷.

Важной и сложной темой является изучение антибольшевистского движения в национальных районах, возникавших и действовавших здесь режимов, политических партий, движений, вооружённых сил³⁸. Характер и направленность издающейся литературы и особенно на территориях государств, ставших в 90-е годы самостоятельными, как правило, резко различаются в подходах и оценках с литературой советского времени. Нередко излишний радикализм не способствует научной объективности. Но, так или иначе, это реалии

современной действительности.

В последние годы предметом активного изучения стала не только история, но и антибольшевистская, эмигрантская историография революции и гражданской войны в России. Отметим, в частности, монографию А. И. Ушакова «История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения» и некоторые другие публикации³⁹.

Важным аспектом исследования и более глубокого познания антибольшевистского движения является его персонификация. По справедливому замечанию В. Д. Зиминой, «каждая политическая фигура, каждый лидер белого движения был индивидуален в своём понимании «исторического предназначения» противобольшевистской борьбы и конкретных форм её реализации»⁴⁰. Всё это накладывало отпечаток и на реальную политику, тем более что слова и дела часто кардинально расходились. В последние годы появился широкий круг работ, хотя и очень неравноценных по своему содержанию, посвящённых политическим лидерам и военным руководителям противников большевиков как общероссийского, так и регионального уровня⁴¹. К сожалению, так и не удалось подготовить и опубликовать второй том энциклопедического словаря «Политические деятели России 1917», посвящённый региональным лидерам, и далее приступить к задумывавшемуся аналогичному изданию по гражданской войне. Реализация этого проекта остаётся актуальной задачей историков.

Белое движение обладало рядом несомненных преимуществ в борьбе со сторонниками советской власти. Его командный состав был безусловно лучше профессионально подготовлен, и белые в отличие от большевиков не боялись его измены. В их распоряжении находилась основная часть офицерства и казачества — наиболее опытные и подготовленные к войне категории населения. Контролируя основные сельскохозяйственные районы и имея на своей территории меньше крупных городов, белые тем самым лучше обеспечивали продовольственное снабжение и жизненный уровень населения, что было немаловажным фактором в гражданской войне. Кроме того, они получали большую

и разнообразную поддержку из-за рубежа. Наконец, именно антибольшевистские силы пользовались безусловной симпатией и поддержкой церкви. И, тем не менее, они потерпели неудачу.

Осмысление причин поражения белогвардейцев в гражданской войне имеет давнюю историографическую традицию и восходит к работам эмигрантов — бывших политиков и военачальников белого лагеря. Эта тема продолжает волновать и современных российских, и зарубежных исследователей. Традиционно указывается на территориальную разобщённость, отсутствие единого плана, военной стратегии, чёткой связи и взаимодействия белых армий. Кроме того, как справедливо заметил Ю. И. Игрицкий: «Белые не мыслили себя без Москвы и Петрограда. Походы же на столицы автоматически ставили большевиков в положение обороняющейся стороны, которую — по законам любой войны — можно было победить лишь при существенном превосходстве сил»⁴². Но этого преимущества белые не имели.

Свою негативную роль сыграло соперничество как их военных, так и политических лидеров, военного командования и гражданских администраций, наконец, дефицит, как уже отмечалось, сильных, признанных и уважаемых руководителей. Отдельные социальные группы, оказывавшие большую поддержку белого движению, с другой стороны, реализуя свои частные интересы, несли ему слабость и противоречия. Речь идёт, например, о казачестве с его тягой к автономии⁴³ и стремлением защищать от большевиков только свои земли, не желая выходить за их пределы, как требовали стратегические планы борьбы с большевиками, и «атаманщиной» как выражением (или стремлением к) независимости от верховного белого командования (наиболее ярко выраженный и незатухавший конфликт, имевший место между адмиралом Колчаком и атаманом Семёновым, неплохо описан в исторической литературе)⁴⁴. Среди серьёзных противоречий белого движения была борьба сторонников прозападного и традиционного направления⁴⁵.

Ослабление партийно-политической составляющей

антибольшевистского движения (при уменьшении численности и влияния в массах всех оппозиционных большевикам партий) при общей тенденции поправления и тем самым сокращения социальной опоры белогвардейских режимов было характерной чертой периода гражданской войны: «Маятник этой равнодействующей поочерёдно останавливался то на эсеровской (Комуч), то на эсеровско-кадетской программе (Директория), пока не дошёл до чистого правого кадетизма (режимы Деникина и Колчака), ещё более поправел при Врангеле и, наконец, соединился с черносотенным монархизмом (генерал Дитерихс)»⁴⁶.

Добавим, что белое движение ещё в период своего «утробного» и нелегального существования заболело неизлечимым недугом — идейно-политической несовместимостью с другой частью антибольшевистской оппозиции — умеренными социалистами, и это в полной мере проявилось во время пребывания у власти так называемых «социалистических» правительств. Осенью 1918 года эти непримиримые противоречия привели к репрессиям против социалистов со стороны сторонников авторитаризма и военной диктатуры. В результате очень немногие из них продолжали в дальнейшем активное сотрудничество с белыми, входя в составы правительств и участвуя в работе других органов управления. Вместе с тем, именно умеренные социалисты могли привлечь на сторону антибольшевистского движения значительные слои населения, а офицерство создать его военную организацию. Но их несовместимость во многом predetermined исход борьбы с большевиками в пользу последних.

Очевидны были идейно-политические слабости белого движения. Отсутствие общей программы борьбы не компенсировалось наличием определённых общих целей борьбы. Тактика «непредрешенства» не смогла стать таким объединяющим началом. Великодержавный и агрессивный русский национализм отталкивал потенциальных сторонников из числа националов. Слабой частью программы движения были не только национальная, но и рабочая и крестьянская политика. Таким образом, руководство белых оказалось не в

состоянии говорить с основной массой населения и привлечь её на свою сторону. Не добавляли популярности белогвардейцам антисемитизм и еврейские погромы⁴⁷. Идеология белого движения зачастую отрицательно воспринималась широкими солдатскими массами. Резюмируя в связи с этим свои размышления об идеологии белого движения, американский историк П.Кенез обоснованно подчеркнул, что «белые не сформулировали программу, которая была бы привлекательной для большей части русского народа»⁴⁸.

Свою роль в этом играло и недоверие вождей белого движения из числа старого офицерства к интеллигенции, призванной разрабатывать теории и программы. Впрочем, М. Бернштам, например, обвиняет саму интеллигенцию в предательстве национальных интересов и в том, что она в основной массе пошла на службу к большевикам или заняла позицию стороннего нейтралитета. Но В. Ю. Волошина, исследовавшая эволюцию отношения интеллигенции к белому движению, обратила внимание на то, что в нём отсутствовали идеи созидания, а идея разрушения не могла объединять длительное время. К разочарованию и отходу интеллигенции от белых вела и проводимая ими политика террора на контролируемых территориях⁴⁹. Помимо всего прочего, по справедливому замечанию Э. Модсли, белые боялись народа⁵⁰. Отсутствие широкой социальной опоры и прочного тыла белых режимов предопределяли исход борьбы.

Всё это сочеталось с низкой эффективностью управления, поражённого коррупцией. По мнению А. Н. Никитина, исследовавшего попытки борьбы в белом лагере с должностными преступлениями: «Коррупция поразила практически весь государственный аппарат «белой» России»⁵¹. Борьба с этим явлением была неэффективна, ибо требовалось изменить систему и методы государственного управления, осуществить демократизацию власти. «Красные на своих штыках несли новое учение, обещавшее множество заманчивых благ, — заметил известный промышленник В. Ауэрбах, много сделавший для белого движения на Юге России, — а белые стремились к утверждению старого мира, ко всем известным недостаткам которого присоединились

порождённые гражданской войной пороки управления и общественный моральный упадок»⁵².

Морально-нравственная деградация власти и самого белого движения — одна из важных причин его поражения. Нельзя не вспомнить в связи с этим мучительное признание В. В. Шульгина, одного из видных деятелей правого крыла российской контрреволюции: «Белое движение было начато почти что святыми, а кончили его почти что разбойники. Утверждение это исторгнуто жестокой душевной болью, но оно брошено на алтарь богини Правды»⁵³.

Разъединённость антибольшевистского движения препятствовала обобщению и осмыслению как положительного, так и отрицательного опыта, уроков побед и поражений. Причины последних зачастую субъективизировались, сводились к поиску конкретных виновников. В этом принципиально важном отношении российская контрреволюция также уступала своим противникам.

Особый, сложный и с давних пор во многом дискуссионный вопрос — взаимоотношения русского антибольшевистского движения и его лидеров, с одной стороны, и интервентов, с другой, проблема взаимного выбора союзников в борьбе с Советской Россией. Были ли интервенты истинными союзниками Белой России и, как было принято считать в советской историографии, виновными за развязывание гражданской войны в стране, без поддержки которых белые режимы не смогли бы просуществовать сколько-нибудь значительный период времени? Или же, напротив, «своекорыстие» или даже «предательство» внешних союзников, в первую очередь держав Антанты, предопределило поражение белогвардейцев? Всё это возвращает нас к давним спорам и требует взвешенного и исторически достоверного осмысления сложных проблем диалектики интервенции и гражданской войны, сотрудничества и противоречий внешних и внутренних антибольшевистских сил в гражданской войне в России.

Успех борьбы с большевиками, учитывая раздробленность и пестроту российского антибольшевистского движения, во многом, если не в

решающей степени, зависел от выбора внешних союзников. В конце 1917-го и на протяжении большей части 1918 года речь шла прежде всего о выборе между противоборствующими военно-политическими коалициями — Антантой и Центральными державами. Этот вопрос являлся не только предметом острой борьбы среди российских противников большевиков (как известно это стало, например, предметом раскола в кадетской партии), но был весьма актуальным (нередко являясь и предметом острых дискуссий) и для интервентов.

Гражданская война обнажила разные варианты этих отношений. В ряде случаев и регионов антибольшевистские режимы были обязаны интервентам самим своим возникновением, что и предопределяло перспективы и характер взаимоотношений. Для интервентов главными несомненно были не интересы России и местного антибольшевистского движения, а свои собственные, лежавшие в сфере политики, экономики и финансов, как текущего дня, так и в исторической перспективе. Это обусловило в дальнейшем в эмигрантской литературе горькие суждения, что интервенция оказалась в большей мере на руку большевикам, чем тем, в помощь кому она, казалось бы, предназначалась. В свою очередь, большевики умело использовали в гражданской войне идейно-пропагандистское оружие, доказывая, что иностранные империалисты стремятся поработить Россию, а антибольшевистские режимы являются их марионетками.

В мемуарной, а затем и в исследовательской иностранной литературе, в свою очередь, часто звучали утверждения о слабости и непопулярности российских антибольшевистских режимов и их лидеров, о неспособности их привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительные массы населения, создать боеспособные армии и т. д., что поставило зарубежных политиков и военачальников в затруднительное положение и обусловило вынужденную эвакуацию.

В новейшей отечественной и зарубежной исторической литературе эти проблемы вызывают живой интерес и анализ взаимоотношений интервентов и

российских антибольшевистских режимов, различных политических сил в военной, внутренней и внешней политике, сфере экономики и финансов⁵⁴.

Главное внимание историков традиционно уделялось изучению взаимоотношений антибольшевистских политических сил и режимов с державами Антанты. Эта проблема продолжала исследоваться с большим вниманием к региональному аспекту и в новейшей литературе. Предметом изучения становились ориентация различных фракций антибольшевистского движения на разные страны-участницы интервенции, учитывая определённые противоречия последних между собой, например, США и Японии на Дальнем Востоке и в Сибири или Великобритании и США на Севере. Больше внимания стало уделяться внешней политике белых правительств, деятельности белогвардейских представительств за границей и попыткам выработать некое единство действий русских антибольшевистских сил за рубежом, усилить их влияние на западное общественное мнение.

Важно подчеркнуть то, что новейшая отечественная литература обогатилась добротными исследованиями о германофильской части антибольшевистского движения⁵⁵. Это прежде всего работы Ю. Д. Гражданова и В. Д. Зиминой, особенно их совместная книга, изданная в Волгограде в 1997 году «Союз орлов: Белое дело и германская интервенция в 1917—1920 гг.», а также монография Гражданова «Всевеликое Войско Донское», вышедшая в свет в том же году. В них дана обстоятельная характеристика военно-политического взаимодействия сил прогерманской ориентации в белом движении с политическим и военным руководством Германии и её оккупационными войсками на Северо-Западе России, Украине, в Крыму и на Дону. Исследованы также конфликты и противоречия, возникавшие между прогерманскими антибольшевистскими режимами и оккупационными властями.

Среди интересных проблем, рассмотренных в этих исследованиях, — взаимоотношения и борьба за лидерство в белом движении Юга России между генералами Деникиным и Красновым, придерживавшимися

соответственно проантантовской и прогерманской ориентации. В отличие от привычных суждений о зависимости донского атамана от немцев и даже его «измене» названные авторы утверждают, что его германофильство «было всего лишь тактическим маневром, вызванным необходимостью борьбы с советской властью», в условиях, когда «помощи ждать было неоткуда». Более того, по их мнению, Краснов не считал себя сторонником ни прогерманской, ни проантантовской ориентации, а, как и Милюков, полагал, что «Россию должна спасти сама Россия», и в отношениях с пришедшими на Дон немцами пытался отстаивать самостоятельность и политическую независимость региона, что ему в действительности не вполне удавалось. В свою очередь, причиной отставки Краснова, полагают Гражданов и Зимина, были не опора на потерпевшую поражение Германию и не неудачные попытки овладеть Царицыным, а изменившая ему политическая гибкость, увлечённость сословным характером создаваемой государственности, отсутствие нормального диалога с крестьянством и интеллигенцией, неспособность превратиться в патерналистского лидера для всего населения Дона, а также конфликты между законодательной и исполнительной властью⁵⁶. Так или иначе, высказанные суждения активизировали диалог и стимулировали исследовательский интерес к поднятым проблемам.

Вопросом, традиционно вызывающим значительный интерес исследователей, является участие Финляндии в гражданской войне в России. Как уже упоминалось, в 1918 году финские белогвардейцы неоднократно совершали военные рейды на территорию Мурмана и Карелии и оккупировали часть приграничных районов. Националистически настроенные круги буржуазной Финляндии вынашивали замыслы присоединения всего этого региона и воссоединения с «единокровными братьями-карелами».

Упорное противоборство с большевиками заставило белогвардейских политиков и военачальников искать новых союзников и в связи с этим обратить свои взоры к Финляндии, попытаться использовать её военный

потенциал для совместного похода на красный Петроград. Переговоры 1919 года, в которых главную роль играл генерал Н. Н. Юденич, привели к выработке проекта военно-политического соглашения с Финляндией. После визита в Финляндию в июне 1919 года командующего вооружёнными силами Северной области генерала В. В. Марушевского, представившего свой доклад Временному правительству области и главнокомандующему Северным фронтом генералу Е. К. Миллеру, последние одобрили проект соглашения. Но оно не получило санкции Верховного правителя адмирала А. В. Колчака и таким образом не вступило в силу.

Что возобладало в этом решении: приверженность идее «единой и неделимой России» и решимость не уступить ни пяди земли бывшей Российской империи или критический анализ обстановки в Финляндии и её военного потенциала и убеждённость, что она не сможет решить поставленные боевые задачи? Или же взяло верх мнение, что вопрос о независимости Финляндии правомочно решать только Учредительное собрание и лишь после окончания гражданской войны? Этой теме был посвящён ряд работ в новейшей российской и финской исторической литературе. Было продолжено также изучение похода в Карелию летом 1919 года так называемой «олонецкой добровольческой армии» и контактов между её командованием, белофиннами, командованием Антанты на Севере и руководством Северной области о совместной борьбе с большевиками, так и не увенчавшихся конкретными результатами⁵⁷.

Каковы задачи и перспективы дальнейшего исследования истории антибольшевистского движения в России? Эта по большому счёту во многом новая для отечественной историографии тема несомненно заслуживает дальнейшей и интенсивной разработки на основе привлечения разнообразных и прежде всего архивных российских и зарубежных источников. При этом представляется возможным согласиться в целом с теми идеями и предложениями, которые были высказаны в уже упоминавшейся совместной книге об историографии белого дела Г. А. Бордюгова, А. И. Ушакова и В. Ю. Чуракова, а также в монографии В. Т. Тормозова⁵⁸.

Принципиально значимым представляется координация усилий историков, занимающихся разработкой этой темы, выработка методологических подходов, единого понятийно-категориального аппарата.

Не хотелось бы повторяться в отношении уже высказывавшихся предложений о необходимости дальнейшего изучения белой государственности, социальных основ, эволюции идеологических установок антибольшевистского движения и т. д. Поэтому акцентируем внимание на тех проблемах, которые ещё не обозначены как важные и перспективные. Слабо разработанной представляется проблема национальной политики и национально-государственных отношений в теории и практике русского антибольшевистского движения, взаимоотношения с правительствами государственных формирований, существовавших на территории Украины, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Весьма актуальным представляется изучение и самих национальных антибольшевистских движений.

Требуют дальнейшего внимательного изучения процессы партийных и межпартийных отношений в антибольшевистском движении, как внутри, так и за пределами страны в рассматриваемый период. Немало нерешённых вопросов существует в исследовании как в региональном разрезе, так и в сопоставлении в рамках страны социально-экономической политики антибольшевистских режимов. Представляется важным изучение политики белых правительстве в сфере образования и культуры. Актуальным видится дальнейшее исследование, начавшееся в последние годы, но ведущееся пока достаточно фрагментарно, истории спецслужб, разведывательных и контрразведывательных органов белых армий и правительств⁵⁹, эффективности их деятельности на разных направлениях, взаимоотношений с соответствующими службами интервентов.

Актуальной представляется дальнейшая разработка внешней политики антибольшевистских правительств, деятельности их представителей за рубежом. Требует изучения на основе всей совокупности ставших доступными источников работа «Русского политического

совещания» в Париже в конце 1918—1919 гг. и его комиссий, а также деятельность за рубежом различных российских политиков и политических групп. Заслуживают исследования различные аспекты жизни и деятельности эмигрантских колоний, формирующихся в разных странах в годы гражданской войны.

Весьма важной и злободневной является проблема внешнеэкономической деятельности и финансово-экономических отношений белых правительств с интервентами и как следствие — формирование той части государственного долга России, которая складывалась в результате поставок из-за рубежа необходимых грузов. С другой стороны, нуждаются в научной «инвентаризации» объёмы и стоимость вывоза интервентами за рубеж различных товаров с территорий, контролировавшихся белогвардейцами, как на основе соглашений с последними, так и в обход их. Важной как в исследовательском, так и в практическом отношении для международного переговорного процесса России остаётся та часть русского золотого запаса, которая находилась в руках белогвардейцев и в дальнейшем осела за рубежом.

Заслуживают дальнейшего изучения взаимоотношения различных российских политических сил и военного командования белогвардейцев с чехословаками (а также контакты в отношении их с представителями Антанты в России) на протяжении всего периода их нахождения в России. В целом же, привлечение новых документов, как российских, так и особенно зарубежных, касающихся деятельности представителей Антанты и командования союзнических военных экспедиций в различных регионах России, может открыть много нового и интересного как в истории интервенции, так и русского антибольшевистского движения. Важно продолжить и работу по изучению интервенции Центральных держав и ориентировавшихся на них антибольшевистских политических сил России. Причём не следует ограничиваться Германией, но исследовать и деятельность австро-венгерских и турецких войск, и оккупационных администраций.

В целом, правомерно говорить о том, что прежде

всего в отечественной историографии за последнее десятилетие достигнут несомненный прогресс в исследовании антибольшевистского движения. Пройден путь от поверхностных и нередко претендовавших на сенсационность публикаций и освещения «белых пятен» через изучение отдельных проблем, «ветвей», региональных составляющих к целостному пониманию и сущностным характеристикам этого исторического явления.

Комплексное освоение и целостное осмысление новых российских и зарубежных источников, использование новых методологий способны обеспечить дальнейшее продвижение в изучении истории антибольшевистского и «белого» движения в России, понять его историческое значение и извлечь вытекающие из него уроки.

ГЛАВА 7

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Любопытные метаморфозы происходят с изучением истории советского лагеря, партии большевиков в гражданской войне. Отечественная историография, главное внимание которой в годы советской власти уделялось именно этой проблематике, в последнее время совершила «дрейф» в сторону первоочередного изучения оппонентов и противников большевиков. И вместе с тем, отдельные проблемы и аспекты истории большевистской партии, замыслы и реальности строительства новой государственности, результаты политики советской власти в рассматриваемую эпоху продолжали оставаться предметом исследования, хотя направленность его изменилась и приобрела критический характер. История Советской России в исследуемый период продолжала активно изучаться в зарубежной литературе, главным образом в либеральной, «ревизионистской», хотя распад СССР и активизировал историков иной направленности.

1. СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ЭПОХА СТАНОВЛЕНИЯ

В период «перестройки» в СССР тема Советов,

истории создания новой государственности после прихода большевиков к власти стала вызывать особый интерес публицистов и исследователей в связи с поисками путей совершенствования системы государственного управления. Это было обусловлено также развёртывавшейся критикой сталинизма, искажившего, якобы, первоначальные революционные замыслы, и необходимостью вернуться к истокам, восстановить погрязшие идеалы. С другой стороны, возрождённый лозунг «вся власть Советам!» стал использоваться в борьбе за ослабление, а затем и лишение власти КПСС. В какой-то мере ситуация стала напоминать время массовых народных протестов начала 20-х годов с одним из главных лозунгов той поры «Советы без коммунистов!». В литературе со второй половины 80-х годов стали активно восстанавливаться забытые страницы межпартийной борьбы на выборах и в самих Советах, истории советского правительства, первых съездов Советов, кризисов новой власти, взаимоотношений Советов и партии большевиков¹.

В центре внимания постсоветской публицистики и историографии оказались все те проблемы, которые до этого многие годы активно обсуждались и изучались на Западе, сначала в «тоталитарной», а затем в «ревизионистской» литературе: подмена диктатуры пролетариата диктатурой партии, изменение характера большевистской партии в годы войны, эволюция теории и практики советской государственности, красный террор и др. С точки зрения исторической перспективы центральными оказались такие вопросы, как взаимосвязь ленинизма и сталинизма, красного террора эпохи гражданской войны и сталинских репрессий и др.

В складывающейся новой российской историографии, посвящённой формированию советской политической системы, взаимоотношениям большевистских партийных и советских органов, власти и масс в годы войны, вслед за серией статей появляются и более основательные работы. Среди них хотелось бы в первую очередь выделить монографии Е. Г. Гимпельсона, В. А. Шишкина и С. В. Леонова². В содержательной книге последнего «Рождение советской империи: государство и идеология 1917—1922 гг.» большой интерес представляет анализ доктринальных основ новой власти и государственности, особенности восприятия

большевиками марксистской концепции государства и кардинальный пересмотр этого видения в их реальной политической практике в послеоктябрьский период, когда на смену идеям «государства-коммуны», «полугосударства» пришла диктатура, но не пролетариата, а иного типа.

«Октябрьская революция, представлявшаяся большевикам как путь к подлинной демократии, как антибюрократический переворот, оказалась на деле дорогой к диктатуре, к установлению бюрократической системы, ещё более мощной, чем в царской России», — таков один из главных выводов С. В. Леонова³.

Т. П. Коржихина, известный исследователь истории государственных учреждений, размышляя о своеобразии становления советской политической системы, полагала, что в её развитии шли два процесса: один был направлен на развитие прямой демократии и самоуправления трудящихся, другой — на усиление и укрепление государства. В результате наложения различных факторов (общая культурная отсталость народных масс, отсутствие у них управленческого опыта, старые традиции государственности, усиленная войной тенденция к авторитарному управлению и др.) власть начала быстро эволюционировать в новом по форме, но привычном по содержанию направлении: не самодеятельность и самоуправление народа, а диктатура⁴.

По мнению Е. Г. Гимпельсона, в формировании советской политической системы в послеоктябрьский период и по начало 20-х годов можно выделить три этапа: 1) ноябрь 1917 г. — лето 1918 г. — попытка воплощения ряда основополагающих идей большевиков о демократии (только для трудящихся), полноте власти Советов, приобщении трудящихся к управлению государством. В политическую систему закладывается определённый демократический потенциал, но его развитию изначально ставился предел претензией большевиков на роль единственной «руководящей силы» в государстве, установкой на создание государства «диктатуры пролетариата» и «строительство социализма» в экономически отсталой стране; 2) середина 1918—1920 гг. — реализация идеологических доктрин власти в

условиях войны (национализация, повышение роли государства, огосударствление и массовых организаций трудящихся, подавление «диктатуры пролетариата» посредством власти коммунистической партии), формирование административно-командной политической власти. «Созданный и отлаженный механизм управления и принуждения, беспощадный в осуществлении целей партии, помог ей победить в гражданской войне», — убеждён автор. Но, с другой стороны, власть оказалась в глубоком политическом и экономическом кризисе; 3) 1921—1923 гг. — становление НЭПа, сдвиги в политической системе в сторону либерализации и отказа от чрезвычайщины и террора. Но сохранились реальная власть в руках партии большевиков, неравенство при выборах в Советы, лишение избирательных прав по «классовой принадлежности». «Коммунистическо-бюрократическая система» пошатнулась с НЭПом, но не была уничтожена⁵.

В новой формирующейся советской системе уже с 1918 года проступали характерные черты прежнего самодержавного государства: сверхцентрализация и идеологизация власти, отсутствие выраженного разделения властей, пренебрежение к праву, демократическим свободам, нетерпимость к оппонентам, стремление государства к монополизации всего политического пространства, бесконтрольность и огромная роль тайной полиции, громоздкость государственного аппарата, во многом сохраняющего и старую структуру (на уровне министерств-наркоматов) и старый персонал, бюрократический произвол и неравноправие граждан, превращение большевиков в новое «служилое сословие». Но, по мнению размышлявшего об этом С. В. Леонова, советская государственность отнюдь не была тождественна самодержавной. Её генезис представлял собой сложный и противоречивый процесс, в котором пересекалось влияние, по меньшей мере, трёх принципиальных факторов: «инерции» предшествующего государства и управленческих традиций, идеологии и конкретной внутренней и международной обстановки⁶.

В рубежном 1918 году, в условиях пика распада государственности, складывался и определённый общественный запрос на сильную власть, дееспособное государство, которое оказалось бы в состоянии решить такие первостепенные вопросы, как борьба с голодом, защита людей, наведение элементарного порядка. В условиях гражданской войны, разрухи, нарастающего хаоса это был фактически запрос на авторитарную власть.

Свёртывание намечавшейся первоначально полномочной деятельности Советов происходило по нескольким направлениям: усиление роли исполнительных органов по отношению к законодательным в верхнем эшелоне власти, концентрация значительной части законодательной работы в Совнарком; падение роли съездов и конференций на губернском, уездном и городском

уровнях, принятие большинства решений исполнительными органами Советов; концентрация власти у различных чрезвычайных органов узкого состава (ревкомы, комбеды, ВЧК и чрезвычайные комиссии различной направленности, комиссары, уполномоченные и пр.) и превращение «чрезвычайщины», основывавшейся на применении принуждения и насилия, в один из ведущих принципов, методов и приёмов управления; превращение аппаратов ряда отделов Советов (военный, хозяйственный, ЧК) в фактически независимые от их исполкомов и подчинённые соответствующим центральным ведомствам; растущая зависимость Советов в своих действиях и решениях от аппарата партии большевиков, укрепление их монопольного положения в Советах с одновременным сокращением и сведением к минимуму представительства других социалистических партий⁷.

Пролетариат не стал на деле субъектом власти. Идеологический постулат «в государстве диктатуры пролетариата управляют рабочие» не подтвердился. Сам Ленин в конце гражданской войны признал невозможность непосредственного управления общества рабочим классом и неспособность рабочих в своей массе руководить сложными процессами государственной жизни - в этом убеждены многие современные историки.

Дж. Эдельман, обращая внимание на особую роль государственных учреждений и институтов в годы гражданской войны, пришёл к выводу, что большевики (в отличие от их противников — В. Г.) заставили работать свои главные институты более менее эффективно. Вместе с тем, большевики испытывали острый дефицит в кадрах и как они сумели создать эти институты без них? В этом, по мнению указанного историка, заключается загадка и разгадка их победы⁸.

Этой проблеме и посвящена изданная в 1998 году монография Е. Г. Гимпельсона «Советские управленцы 1917—1920». Автор обстоятельно исследовал процесс зарождения и утверждения власти советской номенклатуры, рассмотрел политико-идеологические воззрения, представления новых управленцев о морали, законности и «революционной целесообразности», проанализировал социальное происхождение и образовательный уровень людей, работавших на разных «этажах» партийно-государственного аппарата. Он, в

частности, пришёл к выводу, что в центральном аппарате «большинство составляли коммунисты с высшим и средним образованием, выходцы преимущественно из состоятельных классов, но считавшие себя выразителями интересов трудящихся»⁹. Многие современные исследователи обращают внимание, что в новых органах власти было немало представителей маргиналов, жаждавших обретения надёжного и твёрдого социального статуса. Добавим, что в последнее время предпринимаются попытки изучения формирования и деятельности новых управленческих кадров партийно-советского аппарата в эти годы и в последующий период на региональном и местном уровне¹⁰.

Происходившие в годы войны изменения в отношениях власти и собственности в условиях огосударствления экономики в Советской России не вели вместе с тем, как ожидалось, к единству и гармонии интересов нового государства и трудящихся. Более того, в формирующемся жёстко централизованном государственном механизме явственно проступали черты старой бюрократической системы. Сложившийся к концу гражданской войны мощный бюрократический слой, во многом уже не связанный с массами, обрёл большой вес и влияние. Созданная военно-коммунистическая организация общества состояла из огромного бюрократического аппарата и системы чрезвычайных органов, способных при необходимости действовать в обход государственной машины. Формирование новых верхов и низов вело к тому, что в среде последних росло недовольство новой бюрократией и иногда даже звучали призывы организовать в партийную организацию низов в противовес организации верхов¹¹.

Хотя, истины ради, заметим, что революция открыла доступ к власти, как в центральном, так и особенно в среднем и низовом звеньях аппаратов большевистской партии и Советов, выходцам из трудящихся слоёв населения, резко повысила социальную мобильность общества и общественную самодеятельность. И в этом заключалась сила новой власти и одна из причин её победы в гражданской войне. В то же время ликвидация «каналов конкурирующей политики», свёртывание оппозиции и инакомыслия вело, по справедливому

замечанию Ю. А. Полякова, к снижению качества государственной политики¹².

Полезная работа по социальному измерению политической истории Советской России эпохи революции и гражданской войны была проделана западными исследователями, придерживающимися «ревизионистской интерпретации» (Л. Хеймсон, У. Розенберг, М. Левин, Д. Коенкер, Р. Суни, Ш. Фитцпатрик). Они основательно исследовали ломку старой социальной структуры общества, процессы социальной мобильности, деурбанизации и деклассирования. Их особый интерес вызывали рабочие, призванные, согласно большевистской доктрине, стать основой новой политической власти — «диктатуры пролетариата». Но реальные процессы деклассирования и дифференциации в среде рабочих подрывали саму эту идею, а коммунистической партии угрожала серьёзная опасность стать, по выражению А. Г. Шляпникова, «авангардом несуществующего класса». Изучение менталитета рабочего класса привело к выводу о разнообразии менталитетов, наличествующих в его среде. Исследование традиций и состояния политической культуры рабочих в рассматриваемую эпоху также способствовало лучшему пониманию причин складывавшейся авторитарной и бюрократической власти в годы гражданской войны.

Среди значительного числа интересных публикаций, подготовленных западными авторами по проблемам становления советской государственности¹³, привлечём внимание к книге английского историка С. Фарбера «Перед сталинизмом. Подъём и упадок советской демократии». Анализируя процессы 1917—1924 годов, он глубоко исследовал рождение и развитие Советов, проследив их эволюцию от массовых и неформальных организаций к органам новой государственности, вскрыв их структурно-организационные и функциональные недостатки, препятствовавшие эффективной организации государственной власти в стране. Фарбер рассмотрел процессы, происходившие в среде рабочего класса и профсоюзного движения, через призму способностей и склонностей рабочих к новой демократии, исследовал

представления и практику новой «революционной законности» и складывание системы репрессий.

В книге Фарбера проанализирован комплекс причин, способствовавших в совокупности упадку новой демократии к концу рассматриваемого периода: влияние гражданской войны, политики и идеологии большевиков, межпартийные и политические столкновения в Советах, наконец, способность рабочих (с точки зрения их образования, культуры, менталитета, психологии) и других близких им социальных групп к воплощению в жизнь идей и представлений о новой государственности, рождённых революцией.

Результатом многолетних исследований и дискуссий среди западных историков явились выводы о том, что возникновение в годы гражданской войны сверхцентрализованного, бюрократического и авторитарного режима явилось результатом самых различных причин: глубоких изменений, происходивших в обществе и социальных отношениях, разделения и «атомизации» общества, дезинтеграции коллективистских идентичностей, рабочих и крестьян, дифференциации интересов, ценностей и политических культур города и села, формирования «милитаристской» культуры. Катастрофическое падение производства и уровня жизни населения, а, как следствие, расширение чрезвычайных мер власти и, наконец, формирование целостной политики «военного коммунизма» стимулировали всемерное укрепление роли государства в социально-экономических отношениях. Несомненную роль играли авторитарные традиции политической культуры, а также сохраняющиеся и укрепляющиеся различия между «верхами» и «низами»¹⁴. На преемственность и унаследование новой политической системой целого ряда черт от старого строя (централизм и бюрократизм, ведущая роль исполнительных органов в противовес выборным, режим личной власти и др.) указывают сегодня многие российские и западные историки. По мнению М. Хильдермайера, большое значение имела и убеждённость Ленина, Троцкого и большинства других лидеров в том, что Советы не доросли до выполнения чрезвычайных задач: «Лёгкость, с которой правители отказались от сотрудничества с недавно созданными и восхвалявшимися органами, настолько же примечательна, как и

отсутствие сопротивления со стороны последних»¹⁵.

Организация новой власти вызывает большой интерес с точки зрения теории и практики управления. Как заметил Р. Саква, рассматриваемый период был «золотым веком» строительства институтов управления: «Большевистская революция была перенасыщена институтами управления, ибо отсутствие теории практической организации государства означало отсутствие ограничений на быстрый рост учреждений, предназначенных, как утверждалось, для регулирования во всё большем масштабе различных сторон общественной жизни. Вместе с тем, отсутствие чёткого определения полномочий многочисленных институтов управления и их взаимоотношений означало неограниченность этих полномочий. Власть неопределённая есть власть неограниченная». Такая ситуация рождала множество проблем и конфликтов¹⁶.

Феномен большевиков и большевизма вызывает в последние годы значительный интерес и попытки осмысления и переосмысления, как в российской, так и в зарубежной литературе. «Большевизм как история жил, жив и будет жить», — заметил, перефразируя известный лозунг советской поры, английский историк Р. Сервис¹⁷. От идеализации и упрощенческого рассмотрения этой темы в советское время, через попытки выяснения и осмысления «белых пятен» партийной истории периода «перестройки» к разрушению традиционной историко-партийной историографии и отрицанию какой-либо позитивной роли коммунистов в советской истории в начале 90-х годов и, наконец, к попыткам нового, многопланового переосмысления этой темы — таков путь, пройденный отечественной историографией¹⁸.

В новейшей зарубежной историографии большевизма присутствуют подходы и трактовки как либерального, «ревизионистского», так и консервативного (с крайностями «неототалитарного») характера. Как уже упоминалось выше, теория и практика большевиков была подвергнута резкой критике в последних книгах Р. Пайпса. Он рассматривал Ленина как диктатора и основоположника тоталитарного режима и доказывал близость большевиков и нацистов. Критикуя его утверждения, П. Кенез, например, заметил, что не ново находить общности у режимов Гитлера и Сталина, но

слепо не замечать разницы между идеологией большевизма с её освободительными целями и нацизма, которая с самого начала была отталкивающей, омерзительной и противоположной ценностям, в которые, без сомнения, верит Пайпс. Он назвал ложью утверждение, что Муссолини и Гитлер учились у большевиков и признавали их¹⁹.

На неправомерность характеристики большевиков как политических манипуляторов с низменными инстинктами, бесчестных в своих политических делах и готовых идти на всё, ради захвата и удержания власти, указал Р. Суни, призвавший исследовать их действия в конкретном контексте²⁰. Эту точку зрения разделяет немало западных историков. М. Левин, например, заявил: «Деятельность политических партий должна подлежать строгому социоисторическому и политическому анализу, а тенденция превращения партии большевиков в некое надисторическое орудие с самого начала затрудняло такой анализ. Известно, что партия прошла через суровые испытания и действовала во всё более усложнявшихся и менявшихся условиях. Представления советских и многих западных исследователей о неизменной «сути» организации, называемой «коммунистической партией», следует рассеять»²¹. По его мнению, в 1917 году она действовала «как демократическая партия под сильным авторитарным руководством», но, придя к власти в условиях гражданской войны, претерпела новое глубокое преобразование, стала милитаризованной и в высшей степени централизованной, находящейся в состоянии почти перманентной мобилизации и дисциплины. Впрочем, по замечанию Р. Суни, некоторые члены партии после прихода большевиков к власти даже предполагали, что партия может быть упразднена, как только Советы будут состоять из коммунистов²².

Тема истории большевистской партии в годы гражданской войны многогранна. Принципиальное значение имеет изучение взаимоотношений партии большевиков и Советов, переоценка большевистских теоретических взглядов и политической линии в отношении последних. К лету 1918 года для лидеров партии становится очевидной иллюзорность надежд

использовать систему Советов как самодостаточную основу новой государственности. В условиях глубокого кризиса и развёртывания широкомасштабной гражданской войны развивающиеся партийные структуры и формирующаяся система чрезвычайных органов кардинально меняют облик государственности.

Летом-осенью 1918-го и зимой 1918—1919 годов большевистские партийные органы постепенно подменяют и подчиняют себе советские органы управления и становятся, по справедливой оценке С. А. Павлюченкова, «нервной системой» государственного управления, приводящей в движение по команде из центра все части «тела» российского колосса. Вместе с тем, Т. Ригби, исследовавший деятельность СНК в годы гражданской войны, полагает, что рост значения в 1919—1920 годах партийных органов над государственными никак не планировался. Это был «не плод какого-то великого плана, а скорее кумулятивный эффект множества решений с гораздо более ограниченными целями и более или менее спонтанной адаптацией к конкретным обстоятельствам». Сами большевики сначала не были убеждены, что партия станет всеобщим координатором, надзирателем и руководителем государственной политики²³.

Огосударствление партии большевиков вело к тому, что, воплотившись в государственный аппарат, она была вынуждена представлять и защищать и особенные государственные интересы, которые, развиваясь, всё более отчуждали большевиков от их первоначальной задачи защиты интересов рабочего класса и трудового крестьянства. Большевистская партия перестала играть традиционную для политической партии роль посредника между обществом и государством. Общество оказалось беззащитно перед тандемом «партия-государство», который пришёл на смену ранее господствовавшим представлениям о «государстве-коммуне».

Взаимоотношения большевистских вождей и структур партийной власти, «верхов» и «низов» в партии, противоречия и конфликты довольно интересно освещаются в работах ряда исследователей. В частности, значительное внимание уделяется анализу роли и

деятельности возникающих в условиях войны Секретариата, Политбюро и Оргбюро ЦК партии большевиков, складывающейся практике кооптации в выборные органы и «назначенчества» на руководящие посты в партийном, советском и хозяйственном аппарате²⁴. Возрастающая роль партийных лидеров приобретает большое значение, ибо «при отсутствии концепции разделения властей и институтов системы управления ведущая роль партии в обществе превратилась в ведущую роль лидеров над самой партией»²⁵.

Процессы централизации и милитаризации партии большевиков, изменение её состава в годы войны, политические дискуссии этой поры — это только часть вопросов, которые ставили и стремились раскрыть историки. Кстати, последнее интересно ещё и тем, что в большевистской партии сохранялся всё-таки известный политический плюрализм, фракции и течения, альтернативные видения решения тех или иных основных вопросов жизни общества, а конец 1920 года стал, по выражению Р. Даниэлса, высшей точкой «коммунистического либерализма» в партии. Заметим, что внутрипартийная борьба и дискуссии в эпоху гражданской войны по-прежнему вызывает большой интерес историков²⁶. Нередко указывается на парадоксальность решений X съезда РКП(б): с одной стороны, введение первых элементов НЭПа, и прежде всего в крестьянском вопросе, с другой — ужесточение партийной дисциплины и запрет фракционности. Впрочем, этот парадокс кажущийся и был обусловлен стремлением партии контролировать ситуацию в государстве и обществе в сложнейший период перехода от войны к миру и частичной либерализации экономики.

Плодотворным для дальнейшего исследования и понимания большевизма является предложение К. Рида о необходимости поставить в центр изучения его культурное измерение, наряду с анализом традиционных социальных, экономических и политических факторов. Главные идеи и ценности, интеллектуальные и духовные аспекты эволюции большевизма в эпоху революции и гражданской войны заслуживают более глубокого осмысления. Если в Октябре 1917 года Ленин, по мнению

Рида, считал главной движущей силой революции полную творческую свободу масс, то в дальнейшем сознательность стала связываться с железной дисциплиной, диктатурой. А может ли диктатура быть связана с творческой свободой? Лидер большевиков отвечал на этот вопрос утвердительно, но английский историк склонен придерживаться иного мнения. В годы гражданской войны и в дальнейшем происходило превращение большевизма в новую религию, сакрализация его основных институтов и ценностей. С другой стороны, большевизм и большевистская диктатура, по утверждению Рида, строились на основах политической культуры царского времени, имея в виду цензуру, политическую полицию, систему политических преследований и заключения, сохранявшийся разрыв и вражду низов и верхов, народа и власти и др. Таким образом, культурное измерение большевизма существенно отличает его даже от марксизма, не говоря уже о ценностях и традициях западной либеральной культуры (гражданское общество, правовое государство и др.)²⁷.

Одним из важных вопросов, вызывающих исследовательский интерес, являются взаимоотношения «старой партийной гвардии» с новыми пополнениями большевистской партии и влияние этих процессов на её эволюцию в годы войны и последующий приход Сталина к власти. К весне 1921 года 90% членов партии вступили в неё в годы войны, при этом рабочая прослойка в ней сократилась с 60 до 40%²⁸. Американский историк М. Левин пришёл к следующему заключению: «Многие представители «старой гвардии» были обессилены, ошеломлены и окружены огромным кольцом людей, культура и менталитет которых отличались от их собственных. Вступившие в партию в годы гражданской войны принесли в партию военную культуру... Можно сказать, что «старая гвардия» создала отдельную партию внутри более широкой партии, формировавшейся вокруг них. Наконец, новые члены образовали новую модель партии, которая иначе руководилась и преобразовывалась политически и идеологически»²⁹.

Эта тема несомненно заслуживает дальнейшего изучения, ибо происходившие в годы войны процессы в

правлящей партии во многом предопределили облик общества будущего и модель «строительства социализма в одной стране». По резонному замечанию В. П. Булдакова, «феномен большевизма куда более загадочен, чем принято считать», и «осмысление его в плоскости привычного позитивизма и социологизма бесперспективно»³⁰. Необходимы новые исследовательские методики.

Период гражданской войны стал временем противоречивой борьбы и дискуссий о роли и месте профессиональных союзов в советской политической системе, об их взаимоотношениях с партиями и в частности с партией большевиков, советским государством и хозяйственными органами. Эта тема, также требовавшая кардинального переосмысления в сопоставлении с традиционными установками советской историографии, получила освещение в ряде работ, среди которых следует в первую очередь выделить монографию и докторскую диссертацию московского историка А. Ф. Киселёва и некоторые другие публикации³¹.

В послеоктябрьский период столкнулись и стали предметом политической борьбы две противоположные тенденции: к независимости профсоюзов и к их огосударствлению. В дальнейшем, в условиях войны, милитаризации производства и общественной жизни верх берёт вторая тенденция. Многопартийность, свойственная профсоюзам, уступает место диктату большевистской партии. В условиях ускоренной национализации управление промышленностью сосредотачивалось в хозяйственных органах. Профсоюзы, сотрудничая с ними, отстраняли свои низовые ячейки — фабзавкомы от управления предприятиями и тем самым лишали себя опоры «снизу». Они брали на себя администрирование и нажим на рабочих, а не действия с помощью и на основе самодеятельности, самоорганизации и самоуправления пролетариата. Это, в свою очередь, осложняло их взаимоотношения. Постепенно происходила трансформация профсоюзов из защитников интересов рабочих в организации, выполняющие существенно иные функции и действующие от лица государства и большевистской партии.

Исследуя эту тему, А. А. Киселёв пришёл к выводу, что тесный союз профсоюзов и государства «сыграл выдающуюся роль в укреплении республики Советов». Но в то же время практика военных лет способствовала формированию взглядов на профсоюзы как вспомогательные органы хозяйственного аппарата, и это вело к серьёзным деформациям в деятельности профобъединений и в их взаимоотношениях с государством³². Разногласия о роли профсоюзов выплеснулись в дискуссию конца 1920 — начала 1921 годов, которая являлась, вместе с тем, и полемикой по более глобальной проблеме — о характере, формах и методах партийно-государственных взаимоотношений с массами и их общественными организациями.

Среди партийных и советских активистов не было единства мнений и чётких представлений по этому вопросу. Одни придерживались военно-коммунистической традиции и считали необходимым дальнейшее укрепление госаппарата и огосударствление всех сторон жизни советского общества. Другие искали выход из сложившейся системы и предлагали строить управление через пролетарские организации, но это грозило бюрократизации их самих. Третьи отодвигали огосударствление профсоюзов на отдалённую перспективу и пытались найти наиболее приемлемые формы взаимодействия профсоюзов и советского государства, чтобы сохранить профсоюзы как общественные организации с особыми функциями и задачами³³. В целом же, и в итоге дискуссии чёткого представления о роли и месте профсоюзов в советском обществе не сложилось (хотя, вместе с тем, и произошёл отказ от военно-коммунистических представлений и практики их огосударствления), и в реальной жизни сталкивались самые разные взгляды и противоречивые тенденции.

Особым и чрезвычайно важным элементом советской государственности в условиях войны была Красная армия. Различные аспекты её становления и организации, военная политика большевиков по-прежнему вызывают интерес историков. Это в первую очередь касается переосмысления большевиками теории новой

государственности, ибо в дооктябрьский период не предполагалось существования постоянной армии как государственного института. Строительство новой армии в условиях расширяющейся гражданской войны происходило в обстановке острых дискуссий. Нельзя не согласиться с принципиальной оценкой американского историка Марка фон Хагена, автора монографии «Солдаты в пролетарской диктатуре»: «На протяжении большей части гражданской войны армия была не только крупнейшим политическим институтом, но и занимала высочайшую ступень в системе приоритетов осаждённого государства. Судьба армии была в центре почти каждой важной дискуссии тех лет, так как споры несомненно касались основополагающих вопросов и сущности власти»³⁴.

Многие из основных проблем военного строительства - создание системы партийно-политического руководства в армии, формирование её командного состава, складывание системы и принципов комплектования вооружённых сил и др., а также развитие военного производства и инфраструктуры обеспечения армии всем необходимым находили определённое освещение в новейших западных и российских исследованиях³⁵. По оценке итальянского историка Ф. Бенвенути, «опыт партийной организации внутри Красной армии дал большевикам шанс развивать формы политического руководства и управления, которые могли быть позднее использованы вне военной сферы». А уже упомянутый Хаген пришёл к более широкому обобщению о том, что военный аппарат служил моделью государственного строительства и в других сферах³⁶. Связь между армией и её ролью в обществе и формированием милитаризованного сознания, культуры и модели социалистического строительства, что оказывало важное воздействие и на последующие процессы развития страны, — это также важнейшие вопросы, которые интересовали исследователей и заслуживают дальнейшего серьёзного изучения.

В новейшей исторической литературе довольно интенсивно шёл процесс персонификации советского политического лагеря. Развернувшийся в годы

«перестройки» в СССР процесс десталинизации общественного сознания со всей остротой поставил вопрос о деятельности и исторической оценке не только И. В. Сталина, но и В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и других партийных, советских и военных руководителей. Расширение доступа к архивным и самым секретным в недавнем прошлом источникам также стимулировали и издание в конце 80-х—90-е годы серии книг по этой тематике³⁷.

Но нельзя не учитывать ряд факторов, влиявших на этот процесс и определявших направленность издаваемой литературы. Это прежде всего политическая обстановка в обществе, кризис и падение власти коммунистической партии. В результате на смену былой апологетике и иконизации деятелей большевиков как «борцов за народное дело» пришли дегероизация и обличение вчерашних политических кумиров. Но односторонний подбор документов, а зачастую и произвольная, во благо политической конъюнктуры их трактовка не приближают к исторической истине, взвешенным и исторически достоверным оценкам и характеристикам, на что уже неоднократно и справедливо указывалось.

Поэтому научный академизм и объективность, критическое осмысление источников и проверка их достоверности, публикация и анализ всей совокупности, в том числе и «неудобных» документов, и сопровождение их взвешенными, профессионально подготовленными комментариями являются чрезвычайно актуальными для историков³⁸. Должно быть продолжено исследование и таких проблем, как «вождизм» в российской революции, формирование культов и культового сознания, сопоставление руководителей большевиков и их противников. Изучение персоналий руководителей коммунистической партии и советского государства всегда вызывало большой интерес у западных историков, и новейшая литература пополнилась целым рядом книг по этой тематике³⁹.

Национальный вопрос в России, как впрочем, и в других многонациональных странах мира, всегда относился к категории наиболее сложных проблем и прежде всего на переломных этапах истории. Национальная политика

большевиков в годы гражданской войны вызывает существенные, а нередко полярные расхождения в оценках. По мнению ряда западных историков консервативного направления, выводящих национальную программу и практическую деятельность большевиков из их идеологии, декларирование ими права наций на самоопределение и отделение было не более чем обманом, за которым скрывались иные намерения. Так С. Блэнк, автор книги, посвящённой Сталину как наркомму по делам национальностей, утверждает: «Советская политика продолжала усилия царизма по русификации меньшинств и удушению их культурных потенциалов»⁴⁰.

Вместе с тем, существует и иная точка зрения, которую разделяет немало авторов, предлагающих обстоятельно и непредвзято проанализировать национальные программы различных политических партий, в том числе большевиков, и реальности их воплощения в жизнь. Именно один из основополагающих тезисов национальной программы большевистской партии — о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств многие годы находится в центре полемики. Смысл её заключается в том, было ли это положение большевистской программы частью общей мифологии и популистской программы большевиков или за этим стояли серьёзные и далеко идущие намерения.

В связи с вышесказанным вызывает большой интерес вопрос о получении независимости Финляндией в 1917 году. Что являлось причиной подписания правительством большевиков подобного соглашения с Финляндией: действительное следование провозглашённому принципу права наций на самоопределение или надежды на мировую революцию и убеждённость в том, что в скором времени в Финляндии неминуемо свершится пролетарская революция, и она станет членом сообщества социалистических республик?

Эта проблема стала, например, предметом активного обсуждения на состоявшемся в 1993 году в Санкт-Петербурге международном colloquium «1917 год в России: массы, партии, власть». По мнению финского историка Э. Кетолы, Ленин готов был формально

признать независимость Финляндии и «опасался действий, которые могли быть истолкованы как национальное угнетение и... нарушали развитие революции». Между правительствами стран развивалась ситуация торга, в котором каждое вынашивало свои устремления: «в отделении Финляндии правительство Свинхувуда видело возможность предотвратить в ней революцию, а правительство Ленина — напротив, развить революцию». Финский исследователь утверждал, что «не будь возможна революция в Финляндии, то вряд ли бы шла речь о признании её государственной независимости правительством Ленина».

В январе 1918 года в Финляндии развернулась гражданская война, в которой действия буржуазного правительства были не только «национальной контрреволюционной операцией, но и наднациональной, направленной против пролетарского интернационализма защитой». Для красных финнов, по мнению Кетолы, гражданская война «являлась их собственной борьбой, отличной по идеологии от большевистской, хотя и стала частью большевистской операции по защите и распространению революции в Петрограде». В итоге, считает он, ленинская национальная политика в отношении Финляндии в целом не удалась, хотя её оборонительная функция, в сущности, сработала хорошо, и «принесение Финляндии в жертву, пожалуй, удержало в 1918 году войну у врат Петрограда»⁴¹.

Петербургский историк В. Ю. Черняев, также выступивший на этом же форуме с докладом по данной проблеме, поставил вопрос: «Означал ли ленинский декрет признание прав финляндской буржуазии на государственное самоопределение?». По его мнению, большевики признавали это право только за трудящимися классами, поэтому щедро вооружали Красную гвардию и удерживали в Финляндии армию в 40 тыс. чел. Но в дальнейшем правительство Ленина, считает Черняев, «обошлось с Финляндией как с разменной фигурой в дипломатическом турнире с Германией». В результате «братоубийственная Гражданская война порвала пуповину, связывавшую Финляндию с Советской Россией, а дороги европейской буржуазно-

парламентарной демократии и коммунистических тоталитарных экспериментов развели их по разные стороны расколовшегося мира»⁴².

П. В. Волобуев, высказываясь по поводу докладов Кетолы и Черняева, утверждал, что Ленин сохранял деликатность во взаимоотношениях с Финляндией и, предпочитая, чтобы её самоопределение осуществляли трудящиеся, вместе с тем, как рациональный политик, исходил из реальности. Он противопоставил его действия как генералу Юденичу, разрабатывавшему в 1919 году планы похода на Хельсинки, так и Сталину в период его правления. Касаясь немецкой интервенции в гражданскую войну в Финляндии на стороне белофиннов, Волобуев заметил, что в отличие от большевиков, немцы третировали Финляндию и даже предусматривали компенсацию ею всех своих расходов по высадке войск⁴³.

Другим важным и сложным вопросом являются отношения советской власти и российских мусульман. С. М. Исхаков, многие годы плодотворно изучающий эту тему, констатировал, что в исторической литературе присутствуют различные утверждения. Например, о том, что после Октября 1917-го Ленин однозначно рассматривал мусульманство в качестве союзника в распространении мировой революции в страны Востока или, напротив, о несовместимости русской и мусульманской цивилизаций. Определённое распространение имеет и точка зрения, что именно победа Октябрьской революции в России создала реальные условия для решения национального вопроса на окраинах, в том числе на Северном Кавказе. Исследователи, существенно различаясь в подходах и авторских позициях, попытались в работах последних лет воссоздать сложнейшую ситуацию в мусульманских районах страны и особенности советского строительства на этих территориях, взаимоотношения большевиков и местных национальных лидеров, в частности, мусульманских политиков-социалистов⁴⁴.

Сложные перипетии российско-украинских отношений и становления здесь советской государственности также привлекают в последние годы внимание исследователей⁴⁵. Предметом возрастающего

интереса историков становится и так называемый «еврейский вопрос» в годы гражданской войны, глубокий раскол в среде еврейства, противоречивое отношение советской власти к евреям и участие их в борьбе за её укрепление. Изучается отношение еврейских социалистических партий к большевизму, создание Евсекции, причины высокого удельного евреев среди руководителей и активистов советской власти. С. А. Павлюченков исследовал, как засилие евреев в большевистских и советских органах Украины в начале 1919 года привело к глубоким противоречиям с подавляющим большинством коренных жителей и к так называемому «советскому» антисемитизму⁴⁶.

Констатируя тот неоспоримый факт, что еврейские погромы, организуемые белыми, облегчили борьбу большевиков за еврейское население, некоторые историки приступили и к изучению аналогичных погромов, виновниками которых выступали красные⁴⁷. Всё это ещё и ещё раз заставляет обратиться к пристальному осмыслению и переосмыслению сложнейшей национальной проблематики рассматриваемого периода.

Оживлённо дискутируемым многие годы вопросом является видение большевиками национально-государственного устройства страны и, в частности, отношение к федерации. Многие авторы полагают, что после революции последняя являлась вынужденной мерой и компромиссом в условиях стремительно происходившего распада старой империи, своего рода переходной мерой к будущей централизованной единой республике, унитарному социалистическому государству.

По мнению Р. Суни, авторитетного эксперта в области национальных отношений, «в годы революции большевики предоставили выбор для национальностей: или полная независимость и отделение от России, или стать частью унитарного социалистического государства с культурными и гражданскими правами, гарантированными для трудящихся». В 1918 году большевики внесли изменения в свою национальную программу, высказавшись за федеративное государство, в котором у национальностей должны были быть свои

территории. Это было, полагает Суни, и свидетельством растущего неверия большевиков в мировую революцию. В работах указанного автора обстоятельно исследуются судьбы национализма и социализма в гражданской войне, популярность этих идей, соотношение национального и классового применительно к различным слоям населения, горожанам и сельским жителям, компактно проживающим крупным этническим группам (украинцы, белорусы, литовцы, эстонцы, латыши, финны, азербайджанцы, армяне, грузины). Анализируя теорию и практику деятельности большевиков в годы гражданской войны, Р. Суни в конечном счёте пришёл к выводу, что ленинская мысль о возможности и готовности представителей различных национальностей остаться и проживать вместе в многонациональном государстве была не фантазией, а примером его политического стиля, непростой комбинации реализма и готовности пойти на риск⁴⁸.

Выбор и провозглашение большевиками в 1918 году федерации в качестве объединяющей формы государственного строительства поставили на повестку дня ряд практических вопросов: Какие нации и территории должны войти в неё? Каковы основные параметры федеративных отношений и распределения компетенции между центром и субъектами федерации? Будет ли новое государство территориально совпадать с бывшей Российской империей? Будет ли одновременно с объединением идти и процесс самоопределения наций? Каковы механизмы и этапы формирования советской федерации? Все эти вопросы оставались открытыми, и их решение зависело от многих обстоятельств, а в конце концов от хода и исхода сражений гражданской войны. С конца 1918-го и в последующие годы в советском лагере набирала силу объединительная и центростремительная тенденция в национально-государственном строительстве. Это являлось следствием разнообразных исторических, политических, экономических, социальных и других факторов, изучение которых сегодня вызывает значительный интерес как с точки зрения осмысления рассматриваемой эпохи, так и в более широком контексте времени, включая современность⁴⁹.

Значительное внимание историков привлекает дискуссия по национальному вопросу на VIII съезде РКП(б) и, в частности, о самоопределении наций или трудящихся (или вообще об отрицании этого права), о федеративном объединении государств, устроенных по советскому типу, и др., что обнаружило серьёзные расхождения среди партийных лидеров в центре и на местах во взглядах на теорию и практику национальной политики. В целом же, нельзя не согласиться с Р. Суни, что необходимость удержать власть в условиях гражданской войны и интервенции «сработала против тех, кто готов был на уступки националистам, и укрепила позиции тех, кто требовал силой сохранить единство государства»⁵⁰. Сложившийся военно-политический союз советских республик стимулировал и развитие их экономического сотрудничества. В ходе войны и особенно на заключительном её этапе происходило оживление русских национальных чувств и возрождение русской имперской идеи в новой советской оболочке.

Подчёркивая эту историческую преемственность, Г. З. Иоффе писал: «Прошло всего несколько лет, и большевики, проникись государственным, великодержавным сознанием, восстановили Российскую империю с той самодержавно-бюрократической структурой, против которой они сами когда-то вели ожесточённую борьбу»⁵¹. Эта проблема и её материализация в последующем создании и развитии СССР, дискуссия вокруг возможных форм будущего союза, соотношение национальных и интернациональных задач в русской революции привлекают интерес как отечественных, так и зарубежных историков⁵².

Гражданская война несомненно оказала глубокое и многоплановое воздействие на советскую государственность, привела к принципиальным изменениям в теории, идеологии и практике государственного строительства. «Новое государство строилось в условиях распадавшегося хозяйства и разрушавшейся общественной ткани в катастрофическое время...,... возникало на основе социального развития вспять, — размышлял М. Левин. — Большевики почти не

сознавали в то время эту сторону их триумфа, но плоды пирровой победы, конечно, достались им»⁵³. Печальная предопределённость будущего государственного развития, неспособность перейти от состояния гражданской войны к прочному гражданскому миру была во многом обусловлена традициями террора, сложившимися в годы гражданской войны, колоссальную ролью репрессивных органов в ткани новой государственности и в жизни советского общества.

2. ТЕРРОР И СПЕЦСЛУЖБЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В одну из центральных в современной российской историографии превратилась тема революционного насилия и красного террора. Здесь и попытки рассматривать нараставший в революции, а затем в годы гражданской войны революционный террор как «революционное творчество масс», их ответ на многовековое бесправие, унижения и репрессии со стороны прежней власти и господствовавших классов и как результат государственной политики советской власти — «красный террор», и как ответ на антибольшевистский «белый» террор.

В советской исторической литературе, включая и период «перестройки», при обращении к весьма деликатной и трудной теме революционного террора налицо было ярко выраженное стремление оправдать её революционной целесообразностью, потребностью защиты новой власти, отчаянным сопротивлением свергнутых классов, навязавших террор большевикам. Профессор Высшей школы КГБ А. С. Велидов, например, на «круглом столе» историков в Москве в декабре 1989 года высказал предположение, что гражданскую войну вообще можно было предотвратить, если бы не излишняя мягкость большевиков в первые месяцы советской власти⁵⁴.

Ленинский тезис о том, что революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, стал одним из основополагающих в объяснении правомерности и целесообразности красного террора. Подмена закона и законности революционной целесообразностью также были весьма характерны для

Ленина и его сподвижников, а затем для советских историков. Но любые ли средства допустимы в политической борьбе и во имя защиты революции? Ряд исследователей убеждён в обратном, что именно лишение «свергнутых классов» гражданских прав и недопущение в стране любой легальной политической оппозиции не оставляли шансов для борьбы социальных сил в какой-либо другой форме, кроме вооружённой⁵⁵. Заслуживает внимания и тезис, объясняющий широкое применение в России революционного насилия неподготовленностью страны для многих преобразований радикального социалистического характера.

В конце 80-х годов в СССР развязались острые споры о красном и белом терроре. При этом первоначальное стремление к оправданию первого в противовес второму, вскоре сменилось своеобразным «уравниванием» их, а в дальнейшем нередко и возложением основной ответственности на большевиков. Заметим, при этом, что одним из центральных вопросов полемики оказалась взаимосвязь между террором большевиков периода гражданской войны и последующими репрессиями сталинской эпохи.

С интересным сообщением на «круглом столе», состоявшемся в 1990 году в Архангельске, выступил ленинградский историк В. Г. Бортневский, предпринявший попытку раскрыть сложную диалектику становления и развития красного и белого террора. Отсчёт этих процессов он вёл и исследовал не с известного постановления СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 года, а непосредственно с послеоктябрьского периода. При этом сентябрь-октябрь 1918-го оценивается автором как время наиболее широкого применения массового террора, который, то ослабевая, то усиливаясь, осуществлялся и в последующие годы войны. Подводя итоги своих размышлений, Бортневский заметил: «Споры о красном и белом терроре часто напоминают бесконечный обмен ударами: яркими фактами зверств и истязаний, цифрами казнённых в конкретном месте и в конкретное время и т. п. И этот бой может длиться бесконечно, поскольку «защитники» как красного, так и белого террора всегда в запасе будут иметь новые «аргументы». Он справедливо указал на необходимость комплексного исследования идеологии, политики и практики террора, выявления роли и места

карательного аппарата в политической системе лагеря революции и контрреволюции⁵⁶.

Эта тема традиционно являлась и продолжает оставаться предметом исследовательского интереса западных историков. В частности, О. Файджес в своей объёмистой книге «Народная трагедия» высказал весьма обоснованное суждение о том, что большевистский террор пришёл из глубин и стал частью социальной революции, средством низов взять кровавый реванш у их вчерашних господ и классовых врагов⁵⁷.

Среди многочисленных российских публикаций 90-х годов по теме террора в русской революции и гражданской войне⁵⁸ одним из наиболее обстоятельных исследований стала изданная в 1995 году в Казани монография А. Л. Литвина «Красный и белый террор в России 1918—1922». По мнению Литвина и Зиминой, датировку различных типов террора нужно начинать не с расправы над известными общественными деятелями, не с декретов и приказов, а с появления безвинных жертв конфликтующих сторон. В результате в 1919—1922 годах «красные и белые уже синхронно строили диктаторские милитаризованные государства, где осуществление заданной цели преобладало над ценностью человеческой жизни»⁵⁹.

Одним из актуальных и дискуссионных является вопрос о корнях, природе и характере красного и белого террора. Если ранее большинство советских историков подчёркивали их классовый характер, то сегодня наблюдается существенное расхождение мнений. При этом значительная часть современных исследователей склонна характеризовать красный террор как организованный, ведущийся от лица государства и основывающийся на определённой теоретической базе - непримиримой классовой борьбы со своими противниками. «Родившись в Февральской революции как стихийный самосуд революционной толпы рабочих, солдат и матросов», красный террор, по мнению А. И. Степанова, «трансформировался в строго централизованную, целенаправленную и весьма эффективную систему наблюдения, фильтрации, устрашения, подавления и уничтожения всех

потенциальных, скрытых и явных противников большевистского режима»⁶⁰.

В отличие от красного террора, белый террор носил, по утверждению ряда историков, преимущественно «реваншистско-истероидную», а не классово-целенаправленную форму. Его корни ищут в психологии и особенно психопатологии белого движения; усталость от первой мировой войны и последующих физических и психологических перегрузок, бытовая изнанка боевого героизма, различного рода внутренние коллизии и противоречия антибольшевистского лагеря — всё это накладывалось на политико-идеологические факторы и нередко вырождалось в грабежи под видом реквизиций и уголовщину⁶¹. Имея, по мнению А. И. Степанова, всеобщий-классовый характер, белый террор вместо консолидации белого движения у устрашения его противников вёл к обратному результату — озлоблению населения и разложению белых. А привлечение к нему военно-силовых структур, столь нужных на фронте, при наличии весьма слабых карательно-репрессивных органов, придавало ему неуправляемый характер⁶².

Несмотря на изданные и в том числе монографические исследования, потребность продолжения комплексного изучения темы террора в годы гражданской войны остаётся весьма актуальной. Добавим, что важным представляется исследование и других разновидностей террора этой эпохи — «чёрного» (анархистского), «зелёного», террора интервентов и пр. Только петлюровский террор унёс, по некоторым оценкам, 300 тыс. жизней⁶³. Националистический террор, погромы и резня на конфессионально-этнической почве, своего рода «этнические чистки» также были трагической реальностью рассматриваемой эпохи. Это переплетение различных видов террора порождало всё новые и новые, более жестокие и изощрённые формы и методы насилия в гражданской войне.

Размышляя о нарастании террора в России, следует проследить его взаимосвязь и определённую взаимозависимость с репрессиями против революционных сил за пределами страны. Несомненное влияние на большевиков оказал массовый белый террор,

развёрнутый властями буржуазной Финляндии после победы в гражданской войне. Данная тема активно обсуждалась на страницах советской печати той поры. Впоследствии имели место расправы над спартаковцами в Германии, побеждёнными сторонниками Венгерской советской республики, а также репрессии в отношении революционных сил в других странах Запада и Востока.

Особый интерес и страстную дискуссию вызвало появление в 1997 году монографии В. П. Булдакова «Красная смута», ракурс и направленность содержания которой выражены в подзаголовке «Природа и последствия революционного насилия». Редколлегия журнала «Отечественная история», охарактеризовав эту книгу как «историографическую бомбу», вынесла её на обсуждения «круглого стола», организованного на страницах этого издания⁶⁴.

Рассмотрение и объяснение феномена Российской революции и последовавшей за ней гражданской войны с позиций психоанализа, по психосоциальным параметрам, «снизу» — сквозь призму психопатологии и девиантного поведения людей в революционную эпоху — вот существо авторского концептуального подхода. Книга стала результатом многолетних изысканий, использования разнообразных источников, апробации на научных конференциях и в предшествующих публикациях авторского понимания традиций и специфики российской революционности, социокультурного измерения революционной эпохи, теории российского имперства в контексте общей теории кризиса империи.

Книга В. П. Булдакова дискуссионна, иногда не свободна от односторонности суждений. И, тем не менее, мы получили оригинальное и содержательное исследование, которое стало заметным явлением в осмыслении рассматриваемой эпохи. Подчеркнём, кстати, что корни и традиции террора в России уходят в предреволюционную историю, и с этой точки зрения правомерен растущий интерес историков к этой теме⁶⁵.

Красный террор периода гражданской войны был сложным и многогранным явлением. По справедливому замечанию С. А. Павлюченкова, он одновременно служил и орудием борьбы с противниками, и средством против

коррупции в собственном аппарате, и инструментом социального преобразования общества, и методом комплектования Красной армии⁶⁶. Советская власть широко использовала разнообразные формы социально-политической, военно-силовой, полицейско-репрессивной и идейно-духовной хирургии в период послереволюционных изменений, а в целом массовый террор этой эпохи имел весьма разнообразные последствия, как прямые в виде многочисленных жертв, так и психогенетические, этнокультурные и пр.⁶⁷

История террора в условиях гражданской войны тесно и органично связана с деятельностью спецслужб противоборствующих сторон в эту эпоху. Деятельность спецслужб — традиционно одна из самых загадочных, интересных и увлекательных, а с другой стороны, — сложных и малоисследованных страниц истории и современности. Ломка системы советских спецслужб в начале 90-х годов поставила традиционные для российского менталитета вопросы: «От какого наследства мы отказываемся?» и «Что делать?». Важными и сложными являются и другие вопросы: Правомерно ли говорить о преемственности новых и старых органов? Какими должны быть современные спецслужбы с точки зрения их функций, методов, форм и характера деятельности, взаимоотношений с государственными институтами, обществом, рядовыми гражданами? Иначе говоря, сложный комплекс взаимопереплетённых правовых, политических, социальных, морально-нравственных вопросов оказался в центре обсуждения политиков, представителей законодательной и исполнительной власти, учёных, общественности и, разумеется, профессионалов спецслужб.

Всё это настоятельно потребовало внимательно перечитать страницы истории XX века и прежде всего периода рождения и становления новых, советских спецслужб в эпоху гражданской войны. Тщательного исследования заслуживают дискуссии того времени о необходимости, роли, месте, функциях и, наконец, длительности существования подобных органов в Советской России. Внимательный анализ показывает принципиальные расхождения дореволюционного доктринального видения большевиками будущей

государственности — «государства-коммуны», «полугосударства» — и реалий быстрого крушения этих надежд и иллюзий и создания в короткий период мощной системы советских спецслужб. Главной среди них стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Она превратилась в своего рода государство в государстве. И именно её деятельность в немалой степени предрешила победу большевиков в гражданской войне. Сложившиеся в указанный период нормы, принципы и характер деятельности во многом предопределили последующее функционирование спецслужб в советском обществе.

В 1986 году в историографической статье А. Л. Литвина, опубликованной в журнале «Вопросы истории», были рассмотрены основные итоги исследовательской работы в СССР по истории ВЧК⁶⁸. В ней утверждалось, что «каждый этап развития советской историографии был шагом вперёд в изучении истории ВЧК». Автор высоко оценивал современное состояние историографической разработки темы.

Но развернувшаяся «перестройка», и в том числе в исторической науке, опровергла эти оценки, и сам А. Л. Литвин впоследствии много сделал для создания подлинной истории и источниковедения ВЧК. В 1999 году автором этих строк была опубликована статья историографического характера, своеобразный краткий экскурс в историю изучения проблемы становления советских спецслужб, где были запечатлены основные вехи и тенденции развития отечественной и зарубежной литературы по этой теме⁶⁹. Работая последние годы над исследовательским проектом «Российские спецслужбы в XX веке», вникая в сложные перипетии их деятельности, автор пришел к заключению, что многие, даже кажущиеся бесспорными утверждения, выводы и интерпретации, на деле нуждаются в переосмыслении, а нередко в кардинальной переоценке.

Во второй половине 80-х — начале 90-х годов литература по истории становления и деятельности советских спецслужб и прежде всего ВЧК резко дифференцировалась. С одной стороны, продолжалось издание работ, выполненных в традиционном духе⁷⁰. С

другой стороны, развернулась острая дискуссия вокруг красного террора (во взаимосвязи с белым террором или без таковой), истинной роли и предназначения ВЧК⁷¹. В СССР стали активно издаваться работы эмигрантских и современных зарубежных авторов⁷², публиковаться сборники документы (далеко не всегда бесспорные, а нередко и сомнительного свойства⁷³) призванные дать дополнительное подкрепление всё расширяющейся критике ВЧК. С течением времени стало очевидно, что идеологическое наступление развернулось в целом против системы органов советской госбезопасности и прежде всего против КГБ, главной и последней опоры слабеющей советской государственности.

Распад СССР, ликвидация КГБ и расчленение его на ряд отдельных спецслужб способствовали и разрушению прежних шлюзов закрытости и секретности, расширению доступа в фонды спецхранов и появлению в 90-е годы широкого круга публикаций, книг, сборников документов и материалов, посвящённых истории советских спецслужб и в том числе эпохе их становления.

Отметим в первую очередь монографии А. Л. Литвина и Л. П. Рассказова⁷⁴. Последний защитил и докторскую диссертацию, посвящённую развитию системы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД в 1917—1941 годах. Написанные с широким использованием первоисточников — архивных документов ВЧК книги указанных авторов выгодно отличаются от работ предшественников и по уровню осмысления рассматриваемых проблем. Добавим, что Литвин совместно с сотрудниками Центрального архива Федеральной службы безопасности, издал сборники, посвященные делу Ф. Каплан и такой сложной теме, как левые эсеры и ВЧК⁷⁵. Определённый интерес представляет и книга новгородского историка М. Н. Петрова, исследовавшего историю ВЧК — ОГПУ на материалах северо-западного региона России⁷⁶ и защитившего докторскую диссертацию по этой теме. Создание и деятельность ВЧК и борьба чекистов с иностранными спецслужбами в годы гражданской войны нашли освещение в обобщающем издании об истории отечественной контрразведки «Лубянка 2» и в ряде других исследований⁷⁷. Отметим и несколько сборников документов и материалов о деятельности чекистов на Украине,

изданных в 90-е годы⁷⁸.

Взаимосвязь процессов формирования новой советской государственности и создания органов её защиты, взаимоотношения большевистских государственных руководителей и руководства ВЧК — эти важные проблемы были рассмотрены в уже упоминавшихся ранее монографиях Е. Г. Гимпельсона, С. В. Леонова, С. А. Павлюченкова, а также в работах ряда других авторов⁷⁹. Организационным вопросам развития ВЧК, а затем и её преемников посвятили серию публикаций в журнале «Свободная мысль» А. Кокурин и Н. Петров⁸⁰. Они же стали составителями справочника «Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — КГБ 1917 — 1960», изданного в Москве в 1997 году. По росту своей численности ВЧК занимала одно из первых мест, уступая разве что только Красной армии. По данным, приводимым Леоновым, Центральный аппарат ВЧК увеличился с 10 человек в декабре 1917 года до 1742 в декабре 1920-го; войска ВЧК — с 30 человек — до 68,3 тыс. в ноябре 1920 года. Общее же число сотрудников ВЧК к началу 1921 года превышало 110 тыс. человек⁸¹.

В современных исследованиях анализируются тенденции изменения образовательного, партийного, социального состава чрезвычайных комиссий, в работах А. Л. Литвина и Л. Ю. Кричевского исследуется феномен высокого удельного веса представителей национальных меньшинств и прежде всего латышей и евреев среди чекистов. Кричевский, изучавший участие евреев в аппарате ВЧК, пришёл к выводу, что это не может быть истолковано как национальный феномен. Их широкое представительство стало результатом социальных, политических и культурных процессов, происходивших в среде российского еврейства в предреволюционные и послереволюционные годы. С другой стороны, свою роль сыграли особенности формирования аппарата карательных органов (кадровые сложности, невозможность привлечения старых специалистов, система личных рекомендаций). В 20-е годы представительство национальных меньшинств в аппарате ВЧК—ОГПУ снизилась и, в частности, доля евреев была, как правило, сравнима с их долей в большевистской

партии⁸².

Интересным аспектом рассматриваемой проблемы представляется изучение морально-нравственного облика чекистов и отношения к ним членов большевистской партии и в целом общественного мнения. Впоследствии в советской историографии формировались представления о чекистах как рыцарях революции, её беззаветных и бесстрашных защитниках, а сам термин причисляли к наиболее почётным в советской политической лексике. Но в действительности в рассматриваемый период всё было далеко не так однозначно. В чекистской среде сложно переплетались готовность к самопожертвованию, честолюбие и вседозволенность, самодовольство и самоуничижение, суждение о себе как о передовой части партии и как о «чернорабочих революции» и т. п. В свою очередь, отношение к чекистам в обществе в рассматриваемую эпоху было сложным и чаще всего негативным. Чувство неприязни к сотрудникам ВЧК было распространено и среди значительной части коммунистов, особенно с дореволюционным стажем. В целом же, эта проблема несомненно требует дальнейшего исследования.

Изучение истории спецслужб в последние годы приобрело многоплановый характер. Оформилось как самостоятельное направление исследование политического сыска в России. Интересная конференция по этой теме состоялась в 1996 году в Санкт-Петербурге с последующей публикацией её материалов⁸³. Формирование разветвлённой системы политического контроля в стране, важное место в которой занимала ВЧК, стало темой монографии и докторской диссертации В. С. Измозика⁸⁴. Уникальным изданием подобных материалов стал опубликованный в 1998 году в Москве первый том российско-французского научно-издательского проекта «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД», охвативший период гражданской войны.

Нельзя не отметить целый ряд содержательных публикаций, выполненных на материалах Президентского архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности и некоторых других спецархивов и посвящённых борьбе чекистов с оппозицией,

антибольшевистскими группировками, движениями и выступлениями⁸⁵. Одним из наиболее основательных исследований по этой теме стала изданная в 1999 году в Москве монография Д. Б. Павлова «Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1930-х годов», в которой подробно изучена и эволюция тактики, форм и методов деятельности советских спецслужб. Значительный интерес вызывает тема взаимоотношений церкви и советского государства и тех функций, которые возлагались партией большевиков на чекистов⁸⁶. Сложному процессу становления советской военной контрразведки, оформившейся в конце концов в виде особых отделов ВЧК, посвятил в последние годы несколько интересных статей начальник центра общественных связей ФСБ А. А. Зданович⁸⁷.

В советской историографии сложилась героико-идеализированная традиция летописания персоналий чекистов. В последние годы характер подобных публикаций также изменился, и наряду с уходом в иную, резко критическую и обличительную плоскость, появились работы, раскрывающие всю противоречивость и драматизм судеб чекистов на фоне той сложнейшей эпохи⁸⁸. Уникальным стало издание О. Царёва и Дж. Костелло, посвящённое личности А. М. Орлова (Л. Л. Фельдбина), видного сотрудника советских спецслужб, пришедшего в ВЧК в 1920 году, резидента НКВД в Испании в 1938 году, ставшего невозвращенцем. Книга была подготовлена на основе документальных материалов КГБ, ЦРУ и ФБР⁸⁹.

В 90-е годы самостоятельным предметом изучения становится создание и деятельность советских разведывательных служб — Иностранного отдела ВЧК, военной разведки и аналогичных подразделений (в частности Отдела международной связи) в составе Коминтерна⁹⁰. Интересный замысел 6-томного издания истории российской внешней разведки, к сожалению, много потерял в очерковом исполнении. И хотя во втором томе, освещающем и период гражданской войны, можно найти некоторые интересные материалы, но всё-таки не хватает глубины осмысления, широты

исторического взгляда на комплекс рассматриваемых проблем.

Новым явлением в российской исторической литературе последних лет стали публикации, посвящённые деятельности спецслужб белых армий в гражданской войне⁹¹. Но это пока лишь первые попытки изучения этой большой и важной проблемы.

Позитивным явлением, стимулирующим исследовательский процесс, стала публикация в 90-е годы ряда журнальных и газетных изданий, специально посвящённых проблемам спецслужб: «Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки», «Новости разведки и контрразведки», «Совершенно секретно» и др., на страницах которых можно найти немало интересных статей и документов. Добавим, что рассматриваемой тематике уделяют значительное внимание основные исторические и целый ряд общественно-политических журналов.

История советских спецслужб и, в частности, её начальный этап, проблемы противоборства периода гражданской войны продолжают оставаться предметом изучения и за рубежом. «Создание большевиками ЧК и готовность использовать красный террор для противодействия белому террору во многом способствовало победе», — убеждён известный историк Дж. Эдельман⁹². Публикуемые работы различны по широте проблематики, глубине осмысления, особенностям авторского подхода и концепции⁹³. Наиболее основательно в иностранной историографии изучается деятельность зарубежных спецслужб (прежде всего стран Антанты) в России в годы гражданской войны и отдельных знаменитых мастеров шпионажа (П. Дьюкс, С. Рейли)⁹⁴. Своеобразной сенсацией стало появление в 1990 году посмертного издания книги, автором которой был британский разведчик Р. Тиг-Джонс⁹⁵. В годы гражданской войны он в звании капитана принимал активное участие в спецоперациях в Прикаспии и в расстреле 26 бакинских комиссаров. После войны он сменил имя, чтобы избежать мести большевиков и иметь возможность служить в разведке. Умер он в 1988 году в доме для престарелых. Ряд интересных статей по

интересующей нас проблематике опубликован в ведущем международном специализированном журнале «Intelligence and National Security», издаваемом в Лондоне. Некоторые работы зарубежных авторов публикуются в России.

Обзор историографии убеждает в том, что историки еще весьма далеки от завершения изучения рассматриваемой темы. Многие вопросы лишь обозначены или являются предметом дискуссии, это касается даже такой ещё недавно казалось бы очевидной проблемы, как причины создания ВЧК. По мнению С. В. Леонова, это объяснялось не столько обострением обстановки, сколько стремлением большевиков избавиться от влияния левых эсеров в принципиально важной сфере «борьбы с контрреволюцией», с тем, чтобы обеспечить более оперативное и жёсткое подавление всех политических оппонентов и установить надёжный контроль над страной. Создание ВЧК, утверждает Леонов, стало одним из важных проявлений развёртывавшейся «красногвардейской атаки на капитал». И хотя первоначальный замысел большевиков претерпел определённую трансформацию, и они вынуждены были включить в ВЧК представителей левых эсеров, но после июльских событий 1918 года последние были исключены из неё. В результате эта усиливающаяся структура стала важнейшим органом большевистской партии, средством реализации её идеологической доктрины⁹⁶.

Дальнейшего изучения заслуживают острые дискуссии в Советах и партии большевиков о месте и роли ВЧК в системе советской государственности осенью — зимой 1918—1919 годов, а также такие проблемы, как эволюция форм и методов работы советских спецслужб и прежде всего чрезвычайных комиссий, соотношение новаций и преемственности с их дореволюционными предшественниками, место террора и силовых методов подавления в арсенале чекистов, наконец, причины, замыслы и результаты реформирования чекистских органов в 1922 году и создания ГПУ и др. Процесс становления советских спецслужб требует рассмотрения в органичном единстве и противоборстве с деятельностью антибольшевистских и зарубежных

спецслужб, а реальное состояние и возможности последних в нашей литературе почти не изучены. Подлинная история невидимой войны данной поры — это сложнейшее противоборство большевистских, антибольшевистских и зарубежных спецслужб, а раскрыть его можно, лишь привлекая и сопоставляя источники разных сторон и стран, что, в свою очередь, предполагает активный диалог по этим проблемам российских и зарубежных исследователей. Закрытость основной части архивных документов по этой деликатной теме несомненно затрудняет продвижение к истине.

Трудно не согласиться с авторитетным исследователем истории британских спецслужб Р. Диконом, заметившим, что вряд ли может случиться такое, как создание полной и завершённой истории какой-либо секретной службы. И, тем не менее, необходимо стремиться к новому знанию, более глубокому пониманию этой сложной и важной темы в истории любого общества и государства.

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Время «перестройки» выдвинуло на авансцену дискуссий ещё одну тему, всегда вызывавшую большой интерес и определённое расхождение трактовок, — «военный коммунизм». Именно эта тема и будет центральной в данном разделе исследования. Комплекс вопросов, поставленных на повестку дня в дискуссиях во второй половине 80-х — начале 90-х годов, был в общем-то не новым: Вытекала ли (или по крайней мере допускалась ли) такая политика из теории и идеологии марксизма и большевистской партии или же была полностью обусловлена чрезвычайными условиями войны? Какую роль играли в процессе осуществления политики «военного коммунизма» формировавшиеся идеи и надежды ускоренного строительства социализма с широким использованием штурмовых и принудительных методов и суровые реалии военного времени, и ухудшающейся социально-экономической обстановки? Как соотносились в «военном коммунизме» экономика и политика? Когда началось складывание этой

политики, и какие причины обусловили отказ от неё? Каково реальное содержание «военного коммунизма» и его последствия? Не менее важны и сложны вопросы, поставленные во главу угла в последующие годы: Что первично — «военный коммунизм» или гражданская война? Являлся ли он её неизбежным следствием или же она сама была результатом форсированных, напористых и беспринципных шагов советской власти, направленных на осуществление военно-коммунистической политики?

Главным ракурсом осмысления на рубеже 80-х и 90-х годов⁹⁷ становятся роль, место, исторические уроки этой политики и доктринального видения нового общества в общем контексте понимания социализма, а также усиливавшейся критики теории и практики строительства «реального социализма» в СССР и поиска корней административно-командной системы.

В 90-е годы полемика по проблемам «военного коммунизма» продолжалась. Разные толкования вызывала проблема истоков и начала военно-коммунистической политики. В книге В. Мау «Реформы и догмы. 1914—1929» прослеживаются определённые общие черты политики царского и Временного правительств с последующей политикой большевиков. Не случайно раздел, характеризующий экономические процессы в стране от февраля к октябрю 1917 года, назван автором «На полпути к военному коммунизму»⁹⁸. «Военный коммунизм» (как и сама революция) вышел из мировой войны и приобрёл новое качество в период гражданской войны — это признаёт сегодня большинство историков. Налицо их стремление переосмыслить и существенно обновить традиционную схему становления экономической политики советской власти: «красногвардейская атака на капитал» послеоктябрьского периода, её пересмотр весной 1918 года, зафиксированный в ленинских «Очередных задачах Советской власти» и, наконец, формирование вынужденной чрезвычайными обстоятельствами полномасштабной гражданской войны политики «военного коммунизма». По мнению В. П. Дмитренко, само использование термина «экономическая политика» вряд ли правомерно в отношении действий советской власти после её формального провозглашения.

Первоначально большую роль играли действия снизу, самодеятельность масс, их почины, эксперименты, а нередко и самоуправства. Разделяя эти соображения, В. В. Дамье утверждал, что после Октября в стране установилось «фактическое двоевластие». С одной стороны, трудящиеся сами, снизу захватывали земли, устанавливали рабочий контроль, экспроприировали фабрики и заводы, заставляя власти одобрять или санкционировать эти действия. С другой, существовало новое советское правительство, возглавляемое большевиками, которое стремилось восстановить централизованный государственный контроль.

Поэтому имел место достаточно длительный (по меркам революционного времени) период формирования контуров и основных характеристик экономического курса, а также органов управления, пропаганды, принуждения, призванных претворить его в жизнь. По утверждению Дмитренко, лишь с конца 1918 года (после национализации ряда ведущих отраслей хозяйства, введения всеобщей трудовой повинности, карточной системы снабжения, огосударствления кооперации, провозглашения развёрстки и пр.) советская общегосударственная экономическая политика стала фактором, существенно влиявшим на развитие экономики, позицию основных групп населения, экономические связи между отраслями и регионами⁹⁹.

Среди новейших исследований по рассматриваемой проблематике привлекают внимание обстоятельные, хотя и не во всём бесспорные, работы С. А. Павлюченкова¹⁰⁰. Он, как и ряд других современных авторов, употребляет сам термин «военный коммунизм» без кавычек, тем самым отрицая привычное для советской историографии толкование об условности и переносном смысле термина «коммунизм» в данном соседстве. По их мнению, речь шла о самой настоящей коммунистической политике, начавшейся после прихода большевиков к власти, которая в конечном счёте привела к разрушению производительных сил, разрыву отношений с крестьянством.

Парадокс военного коммунизма, полагает В. Л. Телицын, заключался в том, что это была экономическая политика государства, подрывавшая основы собственного

существования¹⁰¹. Отказ от неё произошёл лишь под угрозой утраты власти, в результате массовых крестьянских восстаний и широкого недовольства населения, хотя и, как показало время, оказался достаточно кратковременным, возродившись в новом качестве в конце 20-х годов. Ростовский историк Н. С. Присяжный, подчёркивая своё негативное отношение к осуществлявшейся политике, избрал для своей книги на эту тему название «Экономическая чума»¹⁰².

Другие авторы, использующие термин «военный коммунизм» в более или менее привычном толковании, считают правомерным писать о складывании этой политики весной-летом или даже к концу 1918 года (а советские историки нередко связывали её с началом 1919-го или даже 1920 года). В конечном счёте, различия в толкованиях означают и достаточно принципиальные расхождения в понимании этого феномена, его роли в истории рассматриваемого периода, результатов и последствий. Вместе с тем, абсолютное большинство современных историков считает, что в основе социально-экономической политики большевиков в годы войны лежали как военно-экономические причины, порождённые разрухой и чрезвычайностью военной ситуации, так и доктринально-идеологические факторы.

Московский историк В. В. Кабанов предложил более широкий спектр вариантов для возможной оценки «военного коммунизма». По его мнению, он может быть рассмотрен как опыт хозяйствования в экстремальных условиях — в годы первой мировой войны все воюющие государства прибегали к сходным методам хозяйственной политики, а также и как опыт и закономерность выживания любой революции (налицо, например, много аналогий с практикой хозяйствования в эпоху Великой французской революции). Эта политика может быть оценена и как своеобразный отчаянный порыв страны «догоняющего» типа развития, а также как типичный для XX века опыт соединения технократической логики Запада с эгалитаристскими установками вынужденно разрушающегося традиционного хозяйства¹⁰³.

Политика «военного коммунизма» имеет давние традиции изучения и в зарубежной исторической

литературе. Новые исследования продолжали появляться и в исследуемый период. Отметим прежде всего обстоятельную монографию С. Малли «Экономическая организация военного коммунизма, 1918—1921» и ряд других книг и статей¹⁰⁴. В западной историографии, также как и в российской, существуют как сторонники объяснения «военного коммунизма» чрезвычайными условиями гражданской войны, утверждающими, что она не была органичной составной частью большевистской теории и практики (М. Добб), так и исследователи, придерживающиеся прямо противоположных суждений о сознательной и намеренной политике, преследующей цель установления широкой и всеобъемлющей социалистической организации в экономике и обществе.

Вместе с тем, в современной западной литературе нередко указывается на неперспективность этих крайних толкований, необходимость их синтеза и использования комплексного подхода, учитывающего всё многообразие факторов применительно к конкретным проявлениям формирующейся политики «военного коммунизма». Подчёркивается и необходимость анализа принимаемых решений в контексте времени, а также исследования реальностей их воплощения в жизнь¹⁰⁵. В целом же, нельзя не согласиться с мнением С. Малли, что «понимание истоков и происхождения военного коммунизма поможет и в понимании его наследия — развития и краха советской системы»¹⁰⁶.

Много вопросов вызывает периодизация, основные вехи становления и развития военно-коммунистических отношений в стране. По мнению Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова¹⁰⁷, насаждение «чрезвычайщины» в обществе как одного из основополагающих элементов формировавшейся системы государственности, экономических и социальных отношений шло от первых неупорядоченных попыток к государственной диктатуре и, наконец, к «военному» тоталитаризму. И хотя к концу 1920 года методы бюрократического централизма и попытки удушения рынка зашли в тупик, но государственная машина именно в это время, двигаясь как бы по инерции, стремилась выработать до конца ходовой ресурс «чрезвычайных коммунистических мер».

Лишь всеобъемлющий кризис военно-коммунистической системы и мощные протесты населения заставили власть изменить политику.

Такой последовательный критик военного коммунизма, как С. А. Павлюченков, признавал, вместе с тем, что изначально эта политика, несмотря на её издержки, была продиктована необходимостью. Но, цитируя Гёте, добавил, что рано или поздно любое благо превращается во зло, и одна из наиболее сложных проблем для истории (и историков) — определение момента подобного превращения¹⁰⁸. Для 1918 года, по его мнению, ещё рано говорить о системе военного коммунизма, пока это была только политика военного коммунизма, сумма государственных заявок на всеобъемлющую монополию, не подкреплённых реальным механизмом производства и распределения продуктов. Разнородные тенденции характеризовали советскую политику начала 1919 года, когда в небольшевистской печати появился термин «новый период экономической политики» (НПЭП) и зазвучали мысли о крахе всей политики насаждения коммунизма. Указанный автор утверждает, что «большевики встречали весну 1919-го с установками, полными противоречий, оставалось только угадывать, в какую сторону начнёт распутываться этот клубок, в котором террор и война, продовольственные отряды и клятвы в верности государственной монополии тесно переплелись со стремлением к миру, союзу с трудовым крестьянством, кооперативным рынком и концессиями»¹⁰⁹.

«Решающие победы», достигнутые Красной армией над белыми в 1919 году, и завоевание мирной передышки вызвали новый раунд дискуссий в Советской России о социально-экономической политике. В итоге, по мнению Павлюченкова, с которым можно согласиться, IX съезд РКП(б) стал вехой очередного крупного этапа в совершенствовании военно-коммунистической системы. Новое ускорение система военного коммунизма получила в конце 1920-го — начале 1921 года. Но в итоге страна оказалась в глубоком кризисе, что и обусловило потребность глубоких перемен.

По утверждению С. Г. Новикова, уже к середине 1918

года большевики однозначно высказались в пользу «государственного социализма», что стало важной вехой в истории формирующегося советского общества. Он в целом охарактеризовал 1918 год как «начало советской этакратии»¹¹⁰. Отождествление государственной собственности с социалистической воплотилось в военно-коммунистическую политику гражданской войны и в последующее административное устранение многоукладности в советской экономике, привело к гигантскому экономическому монополизму, а в конце концов и к отчуждению непосредственных производителей от собственности и власти, формализации институтов демократии.

Военно-коммунистическая политика большевиков и советской власти развивалась постепенно, охватывая различные стороны и проблемы социально-экономических отношений. Крестьянское хозяйство и советская государственная политика по отношению к нему, продовольственная диктатура и продразвёрстка, насаждение коллективных хозяйств в деревне, огосударствление кооперации, ускоренная национализация средней и мелкой промышленности, милитаризация хозяйства и жесткая централизация управления, всеобщая трудовая повинность, свёртывание товарно-денежных отношений и их натурализация — эти и другие вопросы продолжают исследоваться в современной отечественной и зарубежной исторической литературе¹¹¹.

Значительный интерес исследователей привлекает проблема изменения отношений собственности в эпоху гражданской войны, органично переплетающаяся с резким возрастанием роли государства во всех сферах жизни общества. Как справедливо подметил С. А. Павлюченков¹¹², в период военного коммунизма произошла незаметная подмена политики ликвидации частной собственности как источника эксплуатации централистическими интересами государства как такового, как особенной общественной структуры. И далее уже трудно провести грань, где кончается идея освобождения от частнособственнической эксплуатации и начинается эксплуатация государственная. Всё это

закладывало основу глубоких противоречий между государством и правящей партией большевиков, с одной стороны, крестьянством и рабочим классом, с другой.

В последние годы проблемы «военного коммунизма» рассматриваются и на личностном уровне. Часто называется имя А. А. Богданова — человека, первым поставившего происходившему диагнозом — «военный коммунизм», идентифицировавшего его с государственным капитализмом военного образца. «Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паёк солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему нормирование сбыта, производства, — писал он. — Вся система государственного капитализма есть ничто иное, как уклон капитализма и потребительского военного коммунизма»¹¹³. Он был внимательным наблюдателем и критиком этой вызревающей политики, предсказал её опасные последствия. Постоянный оппонент В. И. Ленина, человек с драматичной судьбой А. А. Богданов вызывает сегодня значительный интерес исследователей, анализирующих его идейное наследие¹¹⁴. С другой стороны, вспоминаются и анализируются основополагающие работы той поры своеобразных певцов этой политики Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского, взгляды которых претерпели в дальнейшем глубокую эволюцию.

В узком смысле слова под «военным коммунизмом» подразумевается, как правило, совокупность принципов и механизмов политики и довольно подробно описанных мер, осуществлявшихся в социальной сфере и в экономике. В более широком смысле «военный коммунизм» трактуется не только как социальный и политико-экономический, но и как особый социокультурный, психологический, правовой, моральный и идеологический феномен.

По мнению Р. Саква: «Военный коммунизм сфокусировался на пяти ключевых аспектах: взаимоотношения советской власти и крестьянства; огосударствление и централизация экономической организации и управления; укрепление партийной

организации; субординация Советов и отказ от местной и институциональной автономии (это означало конец надеждам на «коммунные» формы политической организации); милитаризация политической жизни через воссоздание армии обычного типа и неограниченная власть тайной полиции»¹¹⁵.

Философ Л. А. Коган охарактеризовал военный коммунизм как причудливый и противоречивый конгломерат, в котором «существовали, переплетаясь, самые разные компоненты: стремление к всеобщей натурализации хозяйства и мелкотоварные товарно-денежные отношения; экономическая уравнивательность и социально-экономическая избирательность, иерархичность; долготерпение масс, их готовность к самопожертвованию и революционный утопизм официальной идеологии (с упованием на всемирную пролетарскую революцию); государственный терроризм и государственный популизм»¹¹⁶.

В современной литературе существуют прямо противоположные мнения в отношении неизбежности осуществления военно-коммунистической политики в Советской России в годы войны. Тот же Л. А. Коган, например, полагающий, что подобная политика не была неизбежной, утверждает, что военный коммунизм обладал большим потенциалом приспособляемости: «Он послужил как бы первообразом, архетипом нового общества и присущий ему характер стал атрибутом советской истории во всех её ипостасях от «социализма в одной стране» до «победившего», «реального» и «зрелого» социализма»¹¹⁷. Историк В. Л. Телицын характеризует военный коммунизм как естественно порождаемый процесс, одну из моделей общественного развития, покоящуюся на «доктрине идеократической государственности» и «охлократических импульсах снизу», и представляющих собой «энтропийный вариант эволюции»¹¹⁸.

При обширной историографии «военного коммунизма» в целом и значительном количестве работ, посвящённых отдельным аспектам и проблемам этой темы, в её изучении рано ставить точку. Дискуссии продолжаются как по общим, так и по частным вопросам.

Историкам предстоит продолжить многогранную работу, воссоздавая социально-экономические, социально-политические и иные процессы, происходившие в Советской России и раскрывая их региональную составляющую. Так или иначе, остаётся вопросом, возможно ли было большевикам одержать победу в гражданской войне, проводя иную социально-экономическую политику, и как могли бы стыковаться между собой различные её элементы?

Добавим, что представления, характерные для многих сторонников советской власти, участников гражданской войны об эффективности сложившейся социально-экономической модели и методов социалистического переустройства, обусловили довольно широкую оппозицию НЭПу с их стороны. А это в немалой степени предопределило сложности, а затем и крах этой политики. Впрочем, это уже комплекс вопросов другой, не менее сложной эпохи советской истории.

4. КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В середине - начале второй половины 80-х годов в СССР был опубликован ряд обобщающих изданий, посвящённых культурной революции, в которых характеризовался и начальный, послеоктябрьский этап культурных преобразований в Советской России. Отметим среди них коллективную монографию «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры» и юбилейный сборник статей «Советская культура: 70 лет развития», приуроченный к 80-летию одного из её ведущих историографов, академика М.П. Кима, и некоторые другие работы¹¹⁹.

Сущность и содержание культурно-революционного процесса и, в частности, его начального этапа характеризовались существенным различием трактовок и точек зрения. Для ряда авторов сущность культурной революции сводилась прежде всего к решению общедемократических задач: ликвидация безграмотности населения, школьная реформа, установление равноправия женщин в области образования и др. По

мнению критиков этой точки зрения, таким образом явно недооценивался комплекс задач, связанных с созданием нового, социалистического типа культуры. Согласно другой точке зрения, решение главным образом общедемократических задач в сфере культуры в послеоктябрьский период и в годы гражданской войны не позволяло характеризовать это время как начальный период культурной революции. Более того, сторонники указанной трактовки полагали, что весь переходный период от капитализма к социализму является временем создания предпосылок для культурной революции. Но господствующим являлось мнение о культурной революции как неразрывно связанной с Октябрьской революцией, являющейся её закономерностью и ведущей от неё свой отсчёт¹²⁰.

Завершающие годы советской эпохи и постсоветской период охарактеризовались глубоким переосмыслением культурных процессов в революционной России, постановкой и попытками нового решения комплекса принципиальных вопросов. На повестку обсуждения были вынесены соотношение понятий «революция» и «культура», политическое переустройство и «культурная революция», а также содержание и правомерность самого употребления данного понятия, влияние революции и последующей гражданской войны на культурные процессы в обществе, отношение к культурному наследию предшествующей эпохи, нравственность и гуманизм, большевики и интеллигенция, отношение советской власти к религии и церкви и др. Диалектика понятий «политическая культура революции» и «революционная культура» и их воплощение в жизнь стало, например, предметом заинтересованного обсуждения на международном colloquium в Санкт-Петербурге в 1993 году. В центре диалога оказались новая революционная символика и ритуалы, обряды, мифы, ценности, изменения в стиле и укладе жизни, особенности русской культурной революции и её место в истории культурных революций, влияние европейских революций (и прежде всего Великой Французской) на русскую культуру революционной эпохи¹²¹.

Часть исследователей поставила под сомнение правомерность использования самого понятия - «культурная революция», исходя из внутренней

несовместимости этих двух составляющих, предпочитая говорить о культурном строительстве или переустройстве, а нередко и характеризуя происходившее в годы революции и гражданской войны как культурный развал, анархию и регресс¹²². По мнению авторов книги «Культура и революция»: «Культурная революция являлась наглядным следствием большевистского нетерпения и очень слабого понимания природы и сути социокультурных процессов». А само понятие «культурная революция» сыграло роковую роль, ибо воспринималось как решительные и быстрые действия, штурм, атака. Но культура отторгала лихие «кавалерийские атаки». В итоге скромные достижения культурной революции сочетались с очень серьёзными доктринальными и организационными просчётами¹²³.

Предметом обсуждения становится и вопрос об авторстве теории культурной революции. По мнению Н. Ю. Андриановой, например, представляется спорным считать В. И. Ленина единственным или основным её автором. Она полагает, что одним из основных авторов теории культурной революции был А. А. Богданов, чьи работы по этой теме увидели свет ещё в конце XIX века. Анализируя общее и различия в подходах и понимании Ленина и Богданова, Андрианова приходит к выводу, что идеи последнего нашли своё претворение в программе культурной революции и воплотились на практике, в том числе при его непосредственном участии¹²⁴. Тема взаимоотношений этих политиков и их взгляды на рассматриваемую проблему стали предметом изданной в Москве в 1998 году монографии Ю. П. Шарапова «Ленин и Богданов. От сотрудничества к противоборству».

«Как быть с «культурной революцией», которая так самоубийственно отрицается сегодня и в публицистике и в искусствоведении?» — задалась вопросом историк Т. П. Коржихина. По её мнению, это произошло из-за того, что сам термин в зависимости от времени был наполнен различным содержанием. Если в первые годы революции под культурной революцией понимались ликвидация неграмотности и общий подъём уровня знаний народа, то в конце 20-х — начале 30-х годов это понятие означало

«воинственное преодоление остатков «буржуазности» (старой, подлинной культуры, традиций и т. п.) с активной заменой всего этого материалистической революционной идеологией со строго выраженным коммунистическим содержанием»¹²⁵.

Изучение культурных процессов революционной эпохи вызывает большой интерес западных историков¹²⁶ и прежде всего «ревизионистского» направления, которые активно исследуют как большевистское видение «культурной революции» и культурную политику советской власти — её замыслы и реальности, так и надежды, мечты, утопии и художественное творчество масс, что является важной частью осмысления революции «снизу». Размышляя на опыте революций различных эпох над соотношением понятий «культура» и «революция», П. Дьюкс в предисловии к одноимённому сборнику заметил, что эти понятия противоречат друг другу, ибо термин «культура» предполагает медленное движение, а «революция» — быстрое и внезапное. Возможно, предположил он, что их можно примирить, если мы примем концепт «длинной революции», но это предполагает всё-таки отображение этого процесса как более родственного эволюции¹²⁷.

Ю. Шеррер в ходе одной из дискуссий поставила вопрос о существовании представлений российских политических руководителей о культуре будущего. Имели ли они таковые или же, полагая, что революция — короткая эпоха, не считали нужным развивать концепцию новой культуры, считая, что она разовьётся почти автоматически после революции? По её мнению, Л. Д. Троцкий, например, полагал, что период истории социализма будет коротким и теорию не стоит развивать¹²⁸.

К. Рид, издавший ряд работ, в которых исследовалось отношение большевиков к культуре и их политика в этой сфере, пришёл к выводу, что они активно занимались этими вопросами на протяжении десятилетия, предшествовавшего революции. Большевики понимали, что борьба с царизмом носит не только политический, но и духовный характер, иначе говоря, она имеет культурное измерение. И хотя после прихода к власти

другие проблемы отнимали у большевиков много времени и мысли о культуре находились на втором плане, но вместе с тем были вопросы, которым они уделяли большое внимание — это прежде всего реформирование системы образования. Автор утверждает, что среди советского руководства велись острые дебаты в отношении подходов к культуре, и именуется часть из них «прагматиками», а других — «утопистами». Первые призывали к радикальным реформам в соответствии с различными революционными проектами. «Прагматики» же понимали, что в настоящее время в связи с дефицитом человеческих и материальных ресурсов и, учитывая, что большинство преподавательского персонала не питает симпатии к большевикам, на повестке дня может стоять только частичная реформа образования. Не было и прецедента создания национальной образовательной системы, основывавшейся на социалистических принципах.

В целом же, школьная и университетская политика Наркомпроса, поиски и эксперименты, утопии, иллюзии и конструктивная работа на этом стратегически важном направлении культурных преобразований вызывала большой интерес не только у К. Рида, но и у других как западных, так и отечественных историков¹²⁹. Это в полной мере относится и к таким острым и актуальным проблемам, как ликвидация массовой неграмотности, а также стремительно растущей детской беспризорности, решением которых новая власть активно занималась уже в годы войны¹³⁰.

Большое внимание исследователи традиционно уделяют проблемам идеологии и пропаганды, созданию системы политического просвещения масс и формированию нового революционного классового сознания как ключевым концептам «культурной революции»¹³¹. Тема мечты и утопии как неотъемлемого компонента любой революции стала предметом изучения в содержательной книге американского историка Р. Стайтса. Основываясь на осмыслении культурной и интеллектуальной истории России, а также исторических традиций, мечтаний и фантазий в преддверии революции (классифицируя их в соответствующих параграфах первой

главы как утопические ментальности, народная, административная утопия, популизм, марксизм), автор приходит к выводу, что русская революция впитала в свои главные духовные и умственные формы коллизии основных утопических традиций отечественной истории — народа, государства, радикальной интеллигенции.

Революция, утверждает Стайтс, открывает новое пространство, призывает к возрождению и очищению. Она — откровение, эсхологический момент в человеческом опыте, который объявляет Новый Порядок, Новый Мир, Новую Жизнь. После революции революционные мечтатели и борцы стали властителями, вооружёнными большевистской мечтой о городском индустриальном порядке модернизма и новой производительности труда, что сочеталось с их пониманием справедливости и было направлено против мечтаний «народа» и старой интеллигенции¹³². Новые праздники и народные фестивали, традиции и символы, а также такие явления, как вандализм, нигилизм, махаевщина и воинствующий атеизм (безбожная религия) нашли подробное освещение в данной книге.

В годы гражданской войны в Советской России удивительно и противоречиво переплетались красный террор, голод и страдания, «военный коммунизм» с его «завинчиванием гаек» в социально-экономической жизни страны, централизация и бюрократизация с процессами культурного творчества масс и реального созидания новых социально-экономических отношений, выстраиванием новых культурных коммуникаций в обществе. Отметим в связи с этим изданную в 1993 году интересную монографию Дж. фон Гелдерна «Большевистские фестивали 1917—1920»¹³³. По мнению автора, они являлись отражением общереволюционных традиций, ведущих свою историю с Великой Французской революции, и в то же время были частью новой большевистской политической культуры, формой особых взаимоотношений с народом, проявлением отрицания религиозных и иных праздников старой эпохи, средством формирования новых культурных коммуникаций в обществе.

Большой интерес российских и зарубежных

исследователей в последние годы привлекает тема Пролеткульта (Союза пролетарских культурно-просветительных организаций) — сложного и противоречивого феномена рассматриваемой эпохи¹³⁴. «Будущий историк нашего времени, — пророчески писал известный публицист и критик В. П. Полонский, — именно с главы о Пролеткульте начнёт ту часть своего изложения, которая будет трактовать о начале нового культурного движения»¹³⁵. История Пролеткульта органично и неотъемлемо связана с такими дискуссионными проблемами и понятиями, как «пролетарская культура» и отношение к культурному наследию прошлого, традиционные и новые духовные ценности. Пролеткульт считал себя «культурно-творческой классовой организацией пролетариата», своего рода «третьей силой», наиболее полно в отличие от партий и профсоюзов выражавшей и претворявшей в жизнь интересы рабочего класса в сфере культурного созидания. Кружки, студии и группы Пролеткульта рассматривались как своеобразные лаборатории культуры будущего. В 1920 году существовало более 300 губернских и уездных подразделений Пролеткульта. Его студии и кружки объединяли около полумиллиона рабочих, тысячи специалистов-преподавателей, издавалось более 30 собственных журналов¹³⁶. Таким образом, рабочий класс выступал не только как объект воздействия, но и как активный субъект культурного творчества.

Устоявшимся стереотипом в советской исторической литературе на протяжении десятилетий являлось представление о сугубо отрицательном отношении Пролеткульта к культурному наследию. Но уже Л. А. Пинегина в изданной в 1984 году монографии и защищённой на следующий год докторской диссертации попыталась доказать, что отношение пролетарских культурно-просветительных организаций к культуре прошлого не было однозначно отрицательным. По её мнению, существовали по крайней мере три точки зрения: 1) той части деятелей пролетарской культуры, которая в целом правильно понимала проблему наследия, преемственность и непрерывность культурного процесса и дифференцированно подходила к оценке

культурных ценностей прошлого; 2) не вполне политически зрелых деятелей пролетарской культуры, признававших необходимость изучения культуры прошлого, но односторонне истолковывавших её роль; 3) убеждённых и непоколебимых противников культуры прошлого¹³⁷.

Именно субъективный момент, связанный с персоналиями руководителей и видных деятелей Пролеткульта и прежде всего с А. А. Богдановым, ещё в 1913 году создавшим группу «Пролетарская культура» — своеобразный прообраз и инициативное ядро будущего Союза пролетарских культурно-просветительных организаций, стал мощным фактором и раздражителем во взаимоотношениях с большевистскими партийными и советскими органами. А. А. Богданов полагал, что большевики преждевременно захватили власть, не дожидаясь, пока рабочие овладеют культурой, указывал на иллюзорность надежд на мировую революцию и предостерегал об опасности гражданской войны. В свою очередь, большевистская печать, а впоследствии советская историография, обвиняла его в вульгаризаторских, субъективистско-идеалистических и антимарксистских взглядах на культуру, а Пролеткульт — в замкнутости, сектантстве, стремлении к независимости от Наркомпроса¹³⁸. Тема сложных взаимоотношений Наркомпроса с Пролеткультом, претензии руководителей последнего на формирование совершенно новой пролетарской культуры, которую могут создать лишь сами рабочие, продолжают исследоваться и в современной литературе¹³⁹. Их растущие разногласия и конфликты, а, с другой стороны, складывание к концу гражданской войны тенденции к усилению административного руководства культурой привели к неоднократному рассмотрению ЦК партии большевиков в 1920 году вопроса о Пролеткульте и к фактической ликвидации в том же году его автономии.

Первые послереволюционные годы — чрезвычайно интересный период в сфере литературы и искусства, когда экстремальная ситуация и коллизии ломки традиционного уклада жизни удивительно благотворно воздействовали на процесс творчества. «В самые тяжкие дни России она стала

похожа на соловьиный сад, — заметил поэт А. Белый, — поэтов народилось как никогда раньше: жить сил не хватает, а все запели». Несомненно, в этом проявлялось и влияние эпохи Серебряного века, но объяснение этого феномена кроется и в ином. «Рухнули стилевые идолы, которым недавно молились, пробудилась смелая, порой граничившая с озорством, творческая инициатива, пришла пора многоцветной волны художественных выставок, музыкальных концертов, литературных вечеров, — писала, размышляя об этом времени уже в 90-е годы, Т. П. Коржихина. — Каждый вид искусства предлагал свои документы, и для всех открывались возможности демократизации художественной культуры и художественной жизни. Им нечего было делить, разве что деньги и благосклонность властей»¹⁴⁰. Это действительно был период пробуждения творческих сил, раскрепощения мысли, смелых новаторских поисков, возникновения большого количества новых творческих союзов, ассоциаций и групп. В трудное и голодное время шли бурные дискуссии о предназначении культуры в новом обществе, об отношении к духовным ценностям прошлого, о роли и месте деятелей культуры и искусства в революционном мире.

Большой интерес представляет деятельность творческих общественных организаций рассматриваемого периода, таких как Всероссийский союз поэтов, Всероссийский союз писателей, Вольная философская ассоциация и многих других объединений, решавших разные задачи. По-разному складывались и их отношения с властью, ибо большевистские партийные органы часто недоверчиво и неприязненно относились к самостоятельным творческим объединениям интеллигенции.

Становлению и деятельности общественных организаций творческой интеллигенции и их взаимоотношениям с советской властью посвящена содержательная монография Т. П. Коржихиной с красноречивым названием «Извольте быть благонадёжны!». По её мнению, возникновение большого количества творческих союзов, ассоциаций и групп было закономерным явлением и объяснялось своеобразием

политических, социальных, культурно-бытовых условий того времени и процессов, происходивших в стране после Октября. Это был период пробуждения новых сил, раскрепощения мысли, творческих исканий и новаторства. В процессе развития общественных организаций интеллигенции в послереволюционный период боролись две тенденции: 1) их стремительного роста, укрепления, самоуправления и автономии в политической системе общества, преумножения традиций плюрализма в творческой деятельности и 2) постепенного, всё более жёсткого их огосударствления, подчинения партийным, государственным органам и утверждавшейся классовой идеологии, сведения на нет инакомыслия и инакодействия. Традиции, рождённые революцией, сохранялись несколько лет, пока не был провозглашён и не восторжествовал на практике тезис о необходимости административного управления культурой¹⁴¹.

Внимание исследователей привлекает создание в 1919 году и последующая деятельность единого профсоюза работников искусств (Рабис). В 1920 году существовало около 100, а к октябрю 1921 — 665 его отделов на местах, и в 1922 году в Рабисе были зарегистрированы работники 600 профессий¹⁴². Сложными были взаимоотношения Наркомпроса и Рабиса, ибо представители последнего добивались активного участия в управлении искусством, а также высказывали идею создания самостоятельного наркомата искусств, которая, впрочем, не была поддержана властью.

К началу 20-х годов в руководящих партийных и советских кругах утвердилась мысль о необходимости целенаправленного и планомерного руководства культурой и усиления её идеологической однородности. Нарком А. В. Луначарский, выступая на X съезде РКП(б), подчеркнул, что в социалистическом государстве всё просвещение «может быть только коммунистическим и никаким другим; все науки, все искусства должны быть пропитаны коммунистическим духом»¹⁴³. Создание в 1920 году в структуре ЦК РКП(б) отдела агитационно-пропагандистской работы во главе с одним из секретарей ЦК и аналогичных подразделений на местах было

важным шагом в деле формирования общепартийной системы руководства идеологией и культурой. АПО ЦК объединял и направлял работу государственных ведомств — Наркомпроса, Госиздата, Центропечати и Политуправления Красной Армии. Так складывалась единая и целостная система партийно-государственного руководства культурой. Она преследовала цель укрепления влияния коммунистических идей в стране и в том числе во всех сферах культуры и искусства, а также постепенного свёртывания инакомыслия, в чём немаловажную роль играла и усиливавшаяся цензура¹⁴⁴.

Революция и интеллигенция, отношение советской власти к ней и её вклад в культурные преобразования в Советской России в годы гражданской войны — это следующий большой и сложный круг вопросов, изучение которых имеет давнюю традицию. В середине — начале второй половины 80-х годов вышел в свет ряд обобщающих изданий, среди которых следует прежде всего выделить сборник статей «Интеллигенция и революция. XX век»¹⁴⁵. В опубликованной здесь статье С. А. Федюкина, в частности, была предпринята попытка выделить основные мотивы и факторы, влиявшие на взаимоотношения советской власти и интеллигенции. Признавая определённое значение принуждения и насилия в этом процессе, автор считал всё-таки главными иные мотивы как материального (забота новой власти о материальном благополучии интеллигенции), так и морального порядка (демократические традиции интеллигенции, патриотизм новой власти и осознание интеллигентами необходимости своего труда для общенародного дела), а также политику большевиков в области культуры, стремление сохранить культурное наследие и использовать его на благо народа.

Конструктивными являлись размышления В. С. Волкова и С. А. Федюкина о факторах субъективного, социально-психологического порядка, которые также играли свою роль в переходе интеллигенции к сотрудничеству с советской властью¹⁴⁶. Проблема взаимоотношений интеллигенции с советской властью в годы гражданской войны, анализ путей и методов привлечения её к сотрудничеству, трудностей этого

процесса, колебаний и сомнений старых специалистов стали предметом целого ряда статей в сборнике «Интеллигенция и революция». «Даже переход значительной части интеллигенции на сторону Советской власти осенью 1918 — весной 1919 г. не означал, что с колебаниями покончено, — обоснованно заметил А. Л. Литвин, — у многих интеллигентов этот процесс «переоценки ценностей» продолжался и после окончания гражданской войны»¹⁴⁷.

В последующие годы наметились тенденции определённого переосмысления истории взаимоотношений интеллигенции и советской власти в послеоктябрьский период и в годы гражданской войны и постановки новых вопросов¹⁴⁸. А. П. Купайгородская, например, обозначила как одну из важных тему профессиональной деятельности интеллигенции, причём не только философов, поэтов, писателей, но и массовых отрядов интеллигенции (служащих), а также привлекла внимание к взаимосвязи политических воззрений, профессиональной деятельности и нравственных качеств интеллигенции. Ш. Фитцпатрик тесно связывала отношение советской власти к интеллигенции и дискуссии об использовании старых специалистов с проблемой отношения к культурному наследию и терпимости к культурному разнообразию. Неприятие большевистских партийных структур к самостоятельным объединениям интеллигенции приводило к роспуску целого ряда из них в годы гражданской войны (общество «Культура и свобода», Вольная академия духовной культуры и др.)¹⁴⁹.

Е. М. Чиркова, поставив во главу угла своей статьи о взаимоотношениях интеллигенции и советской власти в годы гражданской войны вопрос о том, что возобладало в них — сотрудничество или противостояние, пришла к выводу, что характер этих отношений определялся прежде всего глубоким идейным противостоянием, борьбой свободомыслящей интеллигенции за иной, демократический путь развития России, сопротивлением административному и идеологическому насилию. Последнее воплощалось в огосударствлении культуры, ограничении свободы творчества усиливающейся цензурой, трудовой повинностью и мобилизациями специалистов. Вместе с тем, автор признаёт постоянное

стремление к взаимопониманию с интеллигенцией, характерное для наркома по просвещению А. В. Луначарского¹⁵⁰. Исследуя положение интеллигенции в Советской России и проводимую режимом политику привлечения старых специалистов на свою сторону, М. Левин справедливо указал, что это способствовало усилению антибуржуазных и антиинтеллигентских чувств среди народных масс, поддерживавших революцию. Такое явление, как «спецеество», было широко распространено не только среди рядовых членов партии, но и среди активистов среднего и высшего звена партии и государства¹⁵¹. Эта проблема, добавим, была характерна и для послевоенного периода.

А. И. Степанов привлёк внимание исследователей к необходимости рассмотрения неизученных вопросов социальной мобильности творческой интеллигенции в годы революционных перемен, многообразия факторов, обуславливавших её политический, нравственный и художественный выбор, и исследовал роль и значение в этом процессе «классового пайка». По его мнению, система кнута («красного террора») и пряника («классового пайка»), доведённая до определённого совершенства в последующие эпохи, через механизмы социальной мобилизации позволила создать из дворянско-буржуазной творческой интеллигенции её антипод — номенклатурно-бюрократическую интеллигенцию¹⁵².

Проблема отношения отдельных большевистских лидеров (Ленина, Троцкого, Сталина, Бухарина, Дзержинского, Луначарского и др.) к старой интеллигенции, существенно различавшееся понимание её роли в гражданской войне и строительстве нового общества, путей и методов борьбы с ней или за неё по-прежнему вызывает большой интерес исследователей¹⁵³. Так или иначе, но это только ряд вопросов из широкого их круга, требующих постановки, дальнейшего исследования и переосмысления в рамках общей и исключительно значимой темы — «Советская власть и интеллигенция в годы гражданской войны», что в итоге должно вылиться в обобщающие монографии.

В современной исторической литературе

значительной популярностью пользуется тема взаимоотношений советского государства и церкви, видения роли церкви и религии (точнее говоря отрицания таковой роли) в новом обществе. На смену апологетической советской историографии нередко приходила литература прямо противоположной направленности, обличающая атеистическую политику большевиков и советского государства, гонения и репрессии против религиозных конфессий и прежде всего против православной российской церкви¹⁵⁴ и квалифицирующая происходившее как «жидомасонский» и сионистский заговоры. Наряду с этим постепенно появлялись и исследования, авторы которых пытались воссоздать и проанализировать сложные и противоречивые государственно-церковные отношения в годы гражданской войны.

Статус православной церкви и её взаимоотношения с новым государством стали одним из наиболее дискуссионных вопросов в послеоктябрьский период. 2 декабря 1917 года на заседании Поместного собора был принят специальный документ «О правовом положении Российской православной церкви». Приступая к его обсуждению, предполагалось, что советская власть не продержится более одного — двух месяцев. В названном акте предлагалось сохранить «первенствующее положение» православной церкви среди других религиозных объединений, её государственное субсидирование и в целом союзнические отношения православной церкви с государством¹⁵⁵.

Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви¹⁵⁶ способствовал переходу от неприязненных к конфронтационным отношениям между советской властью и церковными иерархами. В постановлении Собора декрет был расценен как «злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против неё гонения», а отделение школы от церкви — как «посягательство на народные святыни». Этот документ, получающий, как правило, полярные трактовки и интерпретации в литературе, не поддаётся всё-таки однозначным оценкам. С одной стороны, он несёт в себе общедемократический

компонент, отменял всякую дискриминацию граждан в связи с их отношением к церкви, устанавливал равноправное положение различных религиозных организаций между собой, превращая их в «частные общества», образуемые на добровольных началах и содержащиеся за счёт верующих, и провозглашал свободу совести. С другой стороны, он носил по существу антицерковный характер, ибо лишал церковь прав юридического лица, владения движимым или недвижимым имуществом, права иметь счета в банке и резко ограничивал её влияние на воспитание и образование граждан и в целом на общественную жизнь. Вероятно, предполагалось, что лишение церкви материальной основы приведёт к её естественному отмиранию. Таким образом, развернувшееся наступление на церковь, считавшейся важным элементом свергнутой политической системы, стало частью общей политики «красногвардейской атаки на капитал».

Но быстро и безболезненно провести названный декрет в жизнь не удалось, причиной чему стало не только активное противодействие церковной иерархии и духовенства, но и широких слоёв верующих. В ответ на призыв патриарха Тихона началось создание союзов и братств верующих. Только в Москве и Петрограде в них записалось от 60 до 70 тыс. человек. Последствием возвания патриарха явилось (по данным, приводимым М. Бернштамом) 1414 восстаний и выступлений верующих, в основном крестьян. Формы, методы и масштабы этого сопротивления и поддержки церкви в городах и сельской местности (крестьянство выступало и за сохранение традиционного уклада «жизни по вере») в последние годы становятся предметом исследования, также как и масштабы красного террора и потерь духовенства и верующих в конфликтах с советской властью. По некоторым данным, с января 1918 по январь 1919 года погибли: митрополит киевский Владимир, 18 архиепископов и епископов, 102 приходских священника, 154 дьякона и 94 монашествующих обоего пола; 211 священников и 4 архиерея находились в заключении. К 1921 году, по приблизительным подсчётам, погибло не меньше 12 тыс. мирян, несколько

тысяч человек приходского духовенства и монашествующих и 28 архиереев¹⁵⁷. Добавим, что в годы гражданской войны развёртывается компания по вскрытию святых мощей, закрытию монастырей и национализации их помещений. К 1921 году 722 монастыря — более половины существовавших в России, были ликвидированы¹⁵⁸.

В современной литературе внимательно исследуются как политика большевиков в отношении религии и церкви, так и действия патриарха Тихона и духовенства в отношении новой власти¹⁵⁹. Особое внимание привлекают послание патриарха от 18 марта 1918 года с осуждением Брестского мира, а также его послание Совнаркому к первой годовщине прихода большевиков к власти, где он решительно высказался против гонений, террора, издевательств над верой и верующими, публичного богохульства власти, указал на разрыв её обещаний и реальных дел. Вместе с тем, историки обращают внимание и на послание патриарха Тихона от 8 октября 1919 года, запрещавшее духовенству становиться на сторону белых и публично их поддерживать. Впрочем, поддержавшее белое движение духовенство (а по некоторым данным, только в армиях Колчака и Деникина служило примерно 3 тысячи священников¹⁶⁰) не понимало и не разделяло подобных призывов патриарха. Тем не менее, ряд современных исследователей определяет действия патриарха в течение 1919 и 1920 годов, когда решался исход гражданской войны, как лояльные советской власти (или даже её признание) и преследующие цель добиться независимости православной церкви, стремясь извлечь пользу и из её декрета об отделении церкви от государства. Вместе с тем, в годы гражданской войны происходил раскол церкви по различным линиям: здесь и поддерживаемое советской властью обновленчество и призывы к революции в церкви, и действия, происходившие по другую линию фронта и завершившиеся в эмиграции Карловацким расколом.

Несмотря на вышеприведённые цифры и масштабы жертв, в условиях разгоравшейся гражданской войны «религиозный вопрос», всё-таки отошёл на второй план

в советской политике. Но с окончанием широкомасштабных военных сражений прерванный процесс борьбы с религией и церковью вновь набирает силу¹⁶¹. При этом используются различные формы и методы, и воинствующий атеизм становится неотъемлемым компонентом ускоряющейся культурной революции.

Важным аспектом культурной и социальной политики большевиков являлась попытка устранения неравноправного и унижительного положения женщины в обществе. «Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины, — писал В. И. Ленин. — В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень»¹⁶². Уже в принятых в декабре 1917 года декретах ВЦИК и СНК «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» были предприняты попытки обеспечить женщине полное равенство по закону. Стремление подкрепить и обосновать кардинальные перемены к лучшему, происходившие в этом вопросе в послеоктябрьский период, были в полной мере характерны для советской исторической литературы.

Женская тема в эпоху революции и гражданской войны, огромные перемены, происходившие в положении женщин в революционной России, рождаемые новой эпохой и культивируемые властью взаимоотношения мужчин и женщин, попытки создать «новую женщину» и «нового мужчину», отношение к семье — все эти вопросы находят широкое освещение в исследованиях западных и прежде всего американских авторов, интенсивно разрабатывающих гендерную тематику¹⁶³. Она является новой и делает лишь первые шаги в современной России¹⁶⁴. Но эта проблематика является весьма перспективной и в том числе для осмысления культурной, социальной и политической истории гражданской войны. Сразу же заметим, что западные авторы не столь категоричны, как в прошлом советские историки, в выводах о кардинальных изменениях к лучшему в положении женщины в революционной России, а в ряде случаев

придерживаются и противоположных оценок. Более того, представители современной консервативной западной историографии ставят во главу угла необходимость развенчания большевистских мифов об освобождении женщин Октябрьской революцией на основе тщательного изучения советской политики и опыта различных социальных групп женщин¹⁶⁵.

Современную западную литературу, как в своё время и советскую, характеризует устойчивый интерес к личностям женщин — видных деятелей большевистской партии, придерживавшихся наиболее радикальных взглядов на рассматриваемый круг проблем. Речь идёт прежде всего о А. И. Коллонтай и И. Арманд. По утверждению П. Кенеза, книг о Коллонтай написано больше, чем о Г. Е. Зиновьеве, Л. Б. Каменеве, Я. М. Свердлове и А. И. Рыкове вместе взятых, и литература о ней уступает лишь написанному о В. И. Ленине, Л. Д. Троцком и И. В. Сталине¹⁶⁶. История женщин — членов большевистской партии, деятельность в годы гражданской войны комиссии по агитации и пропаганде среди работниц, созданной после I Всероссийского съезда работниц и крестьянок (1918 г.), а впоследствии женотделов при комитетах РКП(б), выработка программных положений партии по женскому вопросу является предметом пристального изучения рядом современных зарубежных историков и, в частности, Барбары Клеменц¹⁶⁷.

Анализируя взгляды большевиков и понимание ими путей борьбы за освобождение и равноправие женщин, исследователи связывают это с теми экономическими и политическими переменами, которые должны были произойти в обществе после революции, в условиях строительства социализма. Оценивая женщин как пролетариев в семье, большевики считали необходимой коренную трансформацию семейных отношений и высвобождение женщин из-под власти и воли мужчин. Но в отличие от феминисток, считавших необходимым перераспределить обязанности в семье, усилить участие и ответственность мужчин за семейные и домашние дела, большевики видели выход в освобождении женщины (и мужчины) от мелочных забот по дому и в социализации,

с тем, чтобы домашний труд (приготовление пищи, стирка белья, воспитание детей и пр.) стал бы задачей общества посредством развития соответствующей общественной инфраструктуры быта, питания, образования и воспитания детей. Это, в свою очередь, должно было освободить женщин для равноправной с мужчинами трудовой, образовательной и общественно-политической деятельности. Освобождение от домашнего труда и получение собственной зарплаты обеспечивало экономическую и психологическую независимость женщин и их участие в общественной жизни.

Большой интерес исследователей вызывают взгляды большевиков на семью и происходившие в их среде дискуссии в отношении её меняющихся функций, предназначения и судьбы в обществе будущего. Тема брака и развода, секса, абортов, новой морали — весь этот широкий круг вопросов находил существенно разное понимание как в обществе, так и среди его руководителей, партийных и советских активистов и является сегодня предметом исследования. Добавим, что всё это весьма актуально для современного меняющегося российского общества, кардинально пересматривающего свои взгляды, оценки и суждения по вышеназванным проблемам.

«Женский вопрос» и большевистские рецепты его разрешения находили существенно разное восприятие в городской и сельской среде. Женская часть деревни была настроена более консервативно и настороженно или даже негативно встречала новшества. Они воспринимались как часть происходящей ломки традиционного уклада жизни, в которой ценности брака, освящаемого церковью, патриархальной семьи с особой ролью мужа и представителей старшего поколения играли особую роль. Экстремальная ситуация гражданской войны и чрезвычайная политика советской власти в отношении деревни, использование женщин как заложниц, депортации жён крестьянских мятежников и казачек также формировали подозрительное отношение к большевистским нововведениям и их пропагандистам. Впрочем, мы имеем сегодня и первые исследовательские попытки дифференцировать эти настроения и действия

применительно к различным территориям, имущественному положению, возрасту женщин, а также раскрыть особую ситуацию с вдовами, показать ростки новых социокультурных отношений в деревне, культивируемых советской властью¹⁶⁸.

Более восприимчивы к новациям были женщины, проживавшие в городах, хотя серьёзное изучение этой категория также требует дифференцированного подхода. Историки традиционно уделяли основное внимание женщинам-работницам, характеризуя их как носительниц новых революционных традиций и в том числе в сфере социально-бытовых и культурных отношений. При этом особый интерес вызывала рабочая женская молодёжь, а также «солдатки» — женщины, мужья которых воевали или погибли в кровавых столкновениях первой мировой и гражданской войны, и которые часто были настроены и действовали весьма радикально, и прежде всего, в возникавших конфликтных ситуациях. Носителями новых культивируемых традиций и поборниками радикальной эмансипации женщин выступали часто молодые большевички, активные участницы бурных событий гражданской войны. И, тем не менее, многие из них в личной жизни были сторонниками романтической любви, моногамного брака и желали иметь детей¹⁶⁹. Немало сторонников женской свободы и новых «либеральных» отношений с мужчинами было в среде женской интеллигенции.

Наименее изученной многие годы была категория женщин-представителей дореволюционного среднего класса и аристократической части населения, которая лишь в последние годы становится предметом изучения и прежде всего в зарубежной историографии. Судьбы их в Советской России, как правило, складывались наиболее трудно. Они были лишены каких-либо прав. Многие из них становились заложниками в эпоху красного террора, в условиях всеобщей обязательной трудовой повинности выполняли самые тяжёлые и грязные работы, подвергались сексуальным домогательствам и изнасилованиям¹⁷⁰. Впрочем, часть из них привлекалась для квалифицированной работы в советском аппарате и даже выходила замуж за

представителей новой советской номенклатуры, что, в свою очередь, нередко квалифицировалось современниками как разложение (обуржуазивание) последней.

Несмотря на менявшееся отношение к институту брака, расхожие мнения о его неизбежном предстоящем исчезновении, замене «свободным союзом» и «свободной любовью» (теория «стакана воды»), упрощении взаимоотношений между мужчинами и женщинами и т. п., исследователи фиксируют рост браков, например в Москве и Петрограде, в годы гражданской войны, что объясняется различными причинами. В их числе и то, что семья гарантировала большую безопасность, в ней было легче выжить в экстремальных условиях, объединяя ресурсы и получая определённые льготы, и лёгкость разводов, что уже не вызывало прежних раздумий и сомнений при вступлении в брак, и ряд других факторов и обстоятельств¹⁷¹.

В целом же противоречивый процесс исканий и экспериментов послеоктябрьского периода в столь сложной и деликатной сфере как отношения между мужчинами и женщинами, проблемы брака, семьи, материнства и детства, попытки внести в них новые правовые и духовные начала, изменить отношение и компетенцию общества и государства представляется актуальной темой дальнейших научных изысканий и обобщающих трудов, которые позволят глубже понять историю Советской России в годы гражданской войны.

Таким образом, культурная жизнь молодого советского общества в годы гражданской войны была чрезвычайно многолика, сложна, противоречива и многообразна. Начатые культурные преобразования охватывали широкий круг вопросов, принесли немало принципиально нового в духовную жизнь общества, открыли большие возможности для просвещения народа. Они тесно переплетались с политическими и социальными процессами и переменами. Но годы гражданской войны стали и временем великих потерь, разрушений, репрессий в отношении интеллигенции, часто неоправданных экспериментов и левацких увлечений. Распространённый метод «кавалерийской

атаки» не мог иметь успеха в столь сложной, тонкой и деликатной сфере, каковой являлась культура. Окончание гражданской войны открывало новые возможности и требовало внесения принципиальных изменений в культурную политику советской власти и в общий процесс строительства нового общества, но традиции и привычки военной эпохи накладывали свой неизгладимый отпечаток на все стороны его дальнейшего развития.

ГЛАВА 8

ИТОГИ, УРОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Эпоха революции и гражданской войны сыграла огромную роль в российской истории и во многом определила её последующее развитие в XX веке. И задача историков заключается в том, чтобы раскрыть значение, итоги, уроки и последствия происшедшего во всей их глубине и многообразии.

Причины победы большевиков в гражданской войне — один из основополагающих вопросов, требующих ответа. Налицо разнообразие объяснений и интерпретаций и в том числе существующая сегодня тенденция говорить не о победе большевиков, а о поражении их противников, обусловленном ошибками, противоречиями, отсутствием должного единства действий. Американец М. Левин, например, заметил, что есть простой ответ, в котором есть зерно истины: «Своим успехом они (большевики — В. Г.) обязаны в основном беспомощности их противников» — и процитировал В. Шкловского, утверждавшего в своё время: «Дело не в том, кто сильнее, а скорее в том, кто был не так слаб»¹. Но большинство авторов, исследующих сегодня эту проблему, стремятся к комплексному анализу всей совокупности причин и факторов, обусловивших состоявшийся исход войны, к характеристике сильных и слабых сторон противников. И так как ранее уже анализировались причины поражения антибольшевистского движения, то обратимся к преимуществам, которые продемонстрировал советский лагерь.

Большевики постоянно контролировали центральную часть страны с её крупным промышленным потенциалом, транспортными узлами и коммуникациями, и это давало им несомненные геополитические, военно-стратегические и экономические преимущества над противниками, действовавшими

разрозненно, позволяло эффективно концентрировать силы для противодействия врагу. В отличие от своих противников, которые не смогли выработать и осуществить общегосударственную политическую и социально-экономическую программу, большевики сумели это сделать, обеспечили перестройку и подчинение всей жизни общества интересам вооружённой борьбы, проводили жёсткую и целенаправленную политику в различных сферах.

Они смогли выявить и умело использовать в своих интересах ошибки и противоречия врага, сыграть на сложных взаимоотношениях белогвардейцев и интервентов. Мощный аргумент, которым большевики умело воспользовались, была многовековая ненависть «низов» к «верхам» и ассоциация белых в народном сознании с прежними правителями. Это во многом и предопределило конечный исход борьбы. В отличие от своих противников большевики были способны говорить с основными слоями населения — рабочими и крестьянами не только на языке насилия, но используя аргументы убеждения и ссылаясь на то, что уже сделано после революции новой властью. Несравненно более активно и умело, чем противники, большевики взаимодействовали с представителями различных национальностей.

Уже в эмигрантской литературе часто констатировалось, что руководители советской власти воспринимались массами как люди, делавшие ошибки, проводившие чрезвычайную, а нередко и жестокую политику, но в то же время как «свои», выходцы из «народной толщи», движимые в своих действиях суровыми реалиями войны. При этом значительная часть населения высказывала надежду, что после её окончания политика большевиков изменится в лучшую сторону.

Особую роль в победе сыграла партия большевиков, которая в годы войны стала главной цементирующей силой и основным организующим фактором государства, вооружённых сил, представителей различных национальностей бывшей Российской империи. Её руководство прорабатывало и контролировало все вопросы от идеологии и политики до военного дела и экономики, социальных отношений, культурного

строительства, организации подполья и партизанского движения в тылу врага и через жёсткую и дисциплинированную структуру своей организации проводило намеченное в жизнь. Впрочем, этот фактор государственной и милитаризованной партии особым образом скажется в послевоенное время.

Идейно-политическая и организационная сплочённость советского лагеря, руководимого коммунистической партией, с целеустремлённостью, верой в будущее и революционным фанатизмом, присущим абсолютному большинству её членов, также была очень значимым фактором победы. Нельзя не сказать и о личности её вождя — Ленина, харизматического лидера, равного которому не имели противники. И в целом, большевики оказались лучшими строителями новой государственности, чем их противники. Несмотря на совершаемые ошибки, большевики и советская власть более умело и своевременно, чем её оппоненты, перестраивали свою стратегию и тактику в меняющихся условиях гражданской войны, постоянно имели в своём распоряжении достаточно значительные материальные и социальные ресурсы, предопределявшие поворот в их пользу в критические моменты войны.

Исключительно важным и во многом определяющим фактором победы являлась Красная армия, организованная и сплачиваемая на основе новых принципов, и, несмотря на многочисленные трудности, научившаяся побеждать. Система ВЧК и чрезвычайных комиссий также внесла свой важный вклад в борьбу с политическими противниками и контрреволюционными организациями, обеспечивая безопасность тыла.

Эффективно использовалось большевиками для борьбы и разложения своих противников как внутренних, так и внешних, идейно-пропагандистское оружие². В условиях интервенции советские лидеры воспринимались достаточно широкими слоями населения как государственники, спасающие отечество от иностранного порабощения. Они умело использовали в своих интересах и нараставшее за рубежом недовольство интервенцией, развернувшееся движение под лозунгом «Руки прочь от России!». Добавим и важную роль,

которую сыграли несколько сот тысяч интернационалистов³, главным образом бывших военнопленных, воевавших в составе Красной армии, а также работавших в партийных и государственных структурах, в составе чрезвычайных комиссий, действовавших в подполье и в партизанских отрядах на контролируемых противником территориях.

Чрезвычайная социально-экономическая политика военного времени, несмотря на все её недостатки и негативные последствия, позволила советской власти выжить, выстоять в тяжелейшее военное время, дать фронту и тылу необходимое количество оружия, промышленных товаров, снаряжения, амуниции, продовольствия и т. п.

Так или иначе, многие современные авторы признают, что на стороне большевиков было много преимуществ, и в конечном счёте они обладали значительно большей поддержкой населения и прежде всего его низов, чем их противники, что и предопределило их победу в гражданской войне. Вместе с тем, существуют и другие точки зрения по поводу того, кто победил и кто побеждён. Например, что большевики вынуждены были отступить к НЭПу, и это отступление явилось победой крестьян⁴.

Весьма распространённым является взгляд на гражданскую войну как на национальную трагедию, но при этом авторы расходятся во взглядах на её сущность, смысл и виновников. Обратим внимание на достаточно распространённый сегодня взгляд об ответственности за происшедшее не только тех или иных партий, политических сил и конкретных политиков, но и о том, что сам народ во многом был участником и творцом этой трагедии⁵.

Тема последствий и наследия гражданской войны являлась и продолжает быть предметом полемики и различных суждений в исторической литературе. Достаточно подробно исследованы её непосредственные итоги и ближние последствия, состояние страны после окончания войны: сложная политическая ситуация и кризис в партии большевиков, разрыв экономических связей и хозяйственная разруха, глубокие изменения в

социально-классовой структуре, исчезновение целых классов и слоёв населения, деурбанизация и др.

Впрочем, некоторые проблемы, как, например потери населения, до сих пор остаются в центре острых дебатов, и разброс цифр колеблется от 8—10 до 20 млн. человек. При этом нередко смешиваются прямые и косвенные потери. Австралиец Г. Гилл, указывая на спорность цифр об убитых и раненых в гражданской войне, вместе с тем тут же заявляет, что «всеми признана» цифра в 8 млн. человек⁶. Немецкий историк М. Хильдермайер полагает, что революция и гражданская война унесли жизни 9—10 млн. человек⁷. Американец М. Бернштам оценил потери с ноября 1917 по 28 августа 1920 года в 8,3% исходного населения России, иначе говоря — более чем 10 млн. человек⁸. Дж. Эдельман утверждал, что гражданская война сопровождалась гибелью 11 млн. человек⁹.

Многие годы занимающийся изучением этой проблемы Ю. А. Поляков утверждает, что население страны (в сопоставимых границах) уменьшилось с осени 1917 года по 1922 год почти на 13 млн. человек. Это означает, добавляет он, что страна лишилась одного из каждых десяти-одиннадцати своих граждан, а косвенные потери народонаселения составили 12 млн. человек¹⁰. Цифра 13000000 была вынесена и перечёркнута в названии дискуссионной статьи М. Денисенко, посвящённой потерям народонаселения в мировой и гражданской войнах. Она была помещена с комментарием В. Данилова в специальном выпуске журнала «Родина», посвящённом гражданской войне.¹¹

По мнению А. И. Степанова и В. П. Булдакова, в годы гражданской войны погибло 16—18 млн. человек, из них 5—6 млн. — от голода, 3 млн. — от болезней, около 3 млн. составили убитые с той и другой стороны. «Точных цифр погибших во время боевых действий, погромов, карательных операций, — пишет Булдаков, — не назовёт уже никто, хотя желающих приписать их как «красному», так и «белому» террору больше, чем достаточно»¹². В противовес этим цифрам, выстроенным нами в нарастающей динамике, историк А. А. Здравов в публикации на эту тему, помещённой в № 10 журнале «Свободная мысль» за 1999 год, утверждает, что прямые потери населения страны от гражданской войны и интервенции составили 4,4 млн. человек или 3,1% населения страны к началу 1918 года¹³.

Отличие гражданской войны от других видов войн заключается, в частности, в том, что в ней гибнет главным образом мирное население, причём, не только, а зачастую не столько от пуль и снарядов. Это было в полной мере характерно и для гражданской войны в России. По последним данным, общие безвозвратные потери РККА составили 939735 человек, и примерно такими же были потери антисоветских вооружённых формирований. Таким образом, общие потери армий воюющих сторон составили менее 2 млн. человек, или 1,4% от всего населения страны к началу 1918 года¹⁴. Добавим, к тому же, что основная часть из них погибла в результате болезней и прежде всего инфекционных. И в целом, причиной основных потерь населения России в годы войны были голод и болезни. По данным В. П. Данилова, смертность в стране только от испанки составила 3—4 млн. человек, а от тифа, дизентерии и оспы умерло 2,1 млн.¹⁵

Всё вышеизложенное убеждает в том, что поднятая здесь, кровоточащая, несмотря на минувшие годы, проблема по-прежнему требует к себе пристального внимания исследователей и создания специально ей посвящённых научных работ.

Но потери гражданской войны — это не только погибшие, умершие и ушедшие из жизни раньше времени в результате полученных ран. Одним из

последствий её явилась эмиграция из России. Наиболее распространённая оценка численности эмигрантов — 2 млн. человек соответствует количеству паспортов, выданных бывшим гражданам страны от имени верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансена. Но поскольку эти паспорта получали не все эмигранты, то общая их численность доводится, по некоторым оценкам, до 3,5 млн. человек¹⁶. А это в первую очередь интеллигенция, и таким образом трудно оценить интеллектуальные потери, понесенные страной.

Если в результате военных действий погибла наиболее дееспособная и социально активная часть населения, то следствием массового террора военного времени стало уничтожение самой политически активной части граждан или по крайней мере её подавление, устрашение и изоляция, что соответствующим образом влияло на колеблющихся и недовольных. Всё это не могло не сказаться на развитии послевоенных процессов.

Размышляя о долгосрочных социальных последствиях российского катаклизма, М. Хильдермайер писал: «Победа большевиков вытеснила из страны не только монархистов, но и приверженцев февральского режима. С ними распался и весь тот социальный слой, который проводил в поздней царской империи процесс модернизации во всех её многообразных аспектах. Главные действующие лица индустриализации, парламентаризма и демократии, публицистической общественности, просветительства, бурного подъёма художественных и культурных творческих сил погибли, эмигрировали или ушли в неизвестность». В результате процесс обновления «по западному образцу» был прерван. «Революция и гражданская война в России, — добавляет этот же историк, — оказались более радикальны, чем их предшественники, и в том, что выкинули значительную часть производительных сил страны на пресловутую «свалку истории»¹⁷. Произошли «усреднение» социально-культурного уровня населения, архаизация, окрестьянивание социума, ослабление и подавление городской цивилизации. По утверждению В. М. Бухараева и Д. И. Люкшина, именно ползучее влияние «общинной революции», подавившей острова

городской культуры, и сельские мигранты создали «барачную» субкультуру, где смещённые пласты и обломки сельских традиций переплетались с наспех усвоенными ценностями квазигородской «цивилизации». Режим делал всё для искусственно-принудительного усиления процессов маргинализации¹⁸.

По мнению Ш. Фитцпатрик, с которым в принципе можно согласиться, к наследию гражданской войны относится сам героический миф о ней, способствовавший легитимизации нового режима, единству и идентичности его сторонников¹⁹. Переплетение в Советской России в годы войны процессов архаизации, милитаризации и огосударствления, отождествляемого с социализмом, вели к ослаблению демократических и усилению авторитарных компонентов революционного процесса, способствовали «упрощению» всей общественной жизни.

Далекоидущими последствиями войны стали централизация и бюрократизация власти, традиции принуждения и репрессий, жёсткая социальная поляризация. Особую роль в послевоенном развитии сыграли укоренившиеся традиции классового подхода и классовой борьбы, доведённые до абсолюта, а нередко и абсурда, в годы гражданской войны. Фактором длительного действия стала уравнительность и её конкретные проявления — уравнительная справедливость, уравнительная психология и аскетизм. Произраставшие из революции и развивавшиеся в условиях гражданской войны на фоне разорения они рождали привычку к общему, но более или менее равному низкому уровню жизни. Уравнительность в бедности оказалась устойчивой традицией советского времени. Но она не создавала должного стимула в экономической деятельности, качестве труда, не обеспечивала роста его производительности и объективно способствовала нарастанию сложных и негативных явлений, тормозила общее развитие страны. В целом же, советское общество вышло, выросло из гражданской войны, и сложившиеся привычки, психология, менталитет, поведение как руководителей, так и представителей широкой народной массы во многом предопределили путь и направленность

грядущего развития.

Колоссальные изменения произошли в коммунистической партии и советском государстве. Именно «в гражданской войне новый режим прошёл крещение огнём, и большевики приобрели в ней формирующий опыт»²⁰. Сам характер борьбы — не на жизнь, а на смерть — выработывал в партийных и советских кадрах соответствующие качества: решительность, твёрдость, жесткость, перераставшую в жестокость, непримиримость, двухцветное — красно-белое видение мира и др. Политическая культура «воюющей партии» и её членов, вернувшихся в основной своей массе в гражданское общество, как и в целом нескольких миллионов человек, прошедших в Красной армии школу войны, и у которых сформировался «военный менталитет», выступали гарантами незыблемости политических завоеваний революции и противниками «перерождения» общества и власти в эпоху НЭПа. Но, с другой стороны, это крайне затрудняло экономическую перестройку на основе принципов рыночной экономики и гражданского мира.

В годы гражданской войны происходило формирование советской государственной идеологии, прораставшей из марксистской доктрины, которая, в свою очередь, претерпела кардинальные перемены. На смену господствовавшему в эпоху революции политическому и идеологическому плюрализму приходит и утверждается идеология одной партии. «Пролетарский интернационализм», постепенно ослабевая, уступает место идеям советской имперской державности. В новой государственной идеологии находят себе место авторитаризм, патернализм и новая коллективность, базирующаяся на традициях общинности. Патриотизм, соборность — эти и другие элементы национальной культуры и русского исторического характера используются новой властью и в дальнейшем.

Гражданская война и утверждающаяся советская государственная идеология привнесли в политическую культуру нового общества традиции конфронтационности, разделения на своих и чужих, упрощения сложных социальных явлений, поддерживали

и подпитывали мифологизированное сознание. Следствием эпохи войн становятся глубокие социально-нравственные перемены в обществе, дегуманизация, своеобразное «оголение» человека, освобождающегося от моральных ограничителей, привычка к аргументам подавления и насилия. Всё это в немалой степени предопределило возрождение психологии, атмосферы, методов и политической риторики гражданской войны в обществе в конце 20-х годов и стало живительным источником сталинизма.

Вопрос о взаимосвязи между гражданской войной и так называемой «революцией сверху» в конце 20-х годов, складывающейся системой сталинизма давно стал одним из центральных и дискуссионных в зарубежной историографии. По убеждению Р. Даниэлса, «именно наследие гражданской войны обеспечило Иосифа Сталина организационной и психологической базой, на которой он построил механизм своей личной власти». Ш. Фитцпатрик высказала предположение, что существует взаимосвязь (хотя и не обязательно причинная связь) между гражданской войной и сталинизмом в 20-е годы. Эта сложная, но в основе своей беспричинная связь между гражданской войной и «революцией сверху» привела, по её мнению, к инаугурации эры сталинизма. Она же специально исследовала роль ветеранов гражданской войны в советской политической системе 20-х—30-х годов. «Кажется невероятным, — резюмировала Фитцпатрик, — что без этих кадров — ветеранов гражданской войны (без их воинственного духа, опыта и уз солидарности между ними) сталинский «великий прорыв», особенно коллективизация, могли бы осуществиться»²¹.

По мнению М. Хильдермайера, отсутствует «телеологическая» связь между военным коммунизмом и сталинизмом. Утверждение об их родственности по существу упускает из виду тот факт, что насилие бывает различным и что исторические явления не должны разъясняться только на основе их контекста. Однако, считает он, «многое говорит за то, чтобы рассматривать сталинизм как одну из эволюционных форм общественного устройства во время гражданской войны».

С другой стороны, сталинизм, по его мнению, обращался к «героическому периоду», поскольку он стремился оживить дух первопроходцев, дух борьбы и способность переносить лишения во имя социалистической идеи и использовать их в своих целях.

В последние годы в эту дискуссию активно включились российские исследователи. И. Клямкин, например, определил сталинизм как «перманентную гражданскую войну в условиях гражданского мира»²². Так или иначе, никто не отрицает сегодня определённую взаимосвязь между этими историческими явлениями. В целом же, последствия гражданской войны для нашего общества, государства и его граждан несомненно были многогранными и многоплановыми, сказывавшимися в краткосрочной или в более дальней перспективе, и тема эта, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения.

Парадокс истории заключается в том, что победа революционных сил в 1917 году, казалось бы, открыла возможность для рождения и укрепления демократии, но перерастание революции в гражданскую войну, результаты и последствия последней уничтожили эту возможность.

Велики международные последствия российской гражданской войны. Это прежде всего сам факт появления на международной арене государства, провозгласившего социалистические цели и идеи, притягательность которых подтвердила история XX века. Резко активизировалась революционная борьба в мире и, чтобы выстоять и выжить перед историческим вызовом социализма, западные страны и их лидеры вынуждены были кардинально переосмыслить философию и стратегию дальнейшего развития, осуществлять социальные реформы в интересах повышения уровня и качества жизни населения.

Другим следствием войны стало недоверие, неприязнь и враждебность к западным странам — вчерашним участницам интервенции, укоренившаяся в умах советских руководителей и широких слоёв населения, что стало питательной средой для вскоре возрождённого менталитета «осаждённой крепости» и атмосферы «холодной войны». Всё это сказывалось на протяжении последующих десятилетий советской истории.

Система Версальско-Вашингтонских договорённостей, которыми страны Антанты — победители в первой мировой войне попытались скрепить послевоенный мир и международные отношения, создавалась без участия Советской России. Это сформировало соответствующее отношение к ним советских политиков и стимулировало послевоенное сотрудничество с другим изгоем — Германией, что в определённой мере способствовало милитаризации последней и подрыву системы послевоенных договорённостей. А в дальнейшем всё вышеизложенное привело к срыву планов создания системы коллективной безопасности в Европе. Итогом стала вторая мировая война.

Несмотря на то, что минуло уже восемь десятилетий после окончания основных событий российской гражданской войны, её проблемы остаются весьма актуальны и не только с точки зрения чисто академического изучения. Одной из нитей, связующих то далёкое время и сегодняшний день, является, например, тема зарубежного русского золота. В 1914—1927 годах 3 тыс. 900 тонн его — почти весь золотой запас царской России оказался за рубежом²³. Львиная доля его попала туда именно в исследуемый период, будучи отправлено Николаем II, А. Ф. Керенским, В. И. Лениным, А. В. Колчаком, а также похищено японцами и чехословаками. С Генуэзской мирной конференции 1922 года и в дальнейшем на протяжении 20-х—30-х годов тема претензий и контрпретензий являлась предметом острого и сложного переговорного диалога между Советской Россией — СССР и ведущими зарубежными державами.

Всплывая периодически в последующие десятилетия, эта проблема стала чрезвычайно важной в 90-е годы, когда СССР, а затем Россия объявили себя правопреемниками предреволюционной Российской империи и всех временных режимов, возникших на российской территории в 1917—1922 годах. Она стала темой обсуждения на Первом конгрессе соотечественников в Москве в августе 1991 года. На следующий год была создана общественная организация — Международный экспертный совет по зарубежному российскому золоту, недвижимости и царским долгам. В

него вошли и представители других стран, потомки русских эмигрантов. Активное участие в этой деятельности и попытках достучаться до умов и сердец современных российских политиков принимает ряд профессионалов-историков, прежде всего В. Г. Сироткин, являющийся ныне председателем Международного экспертного совета по материальным и культурным ценностям за рубежом Российского Фонда культуры. Публикуемые на эту тему исследования²⁴ важны для воздействия на общественное мнение и на современный российский истеблишмент. К сожалению, процесс борьбы за возвращение утраченных ценностей идёт трудно и, в частности, потому, что для многих ведущих российских государственных деятелей более важным было получение новых зарубежных займов, ради собственного выживания, нежели сложный диалог на деликатную тему с политиками и бизнесменами ведущих стран. И, тем не менее, ставить этот вопрос и компетентно отстаивать российские интересы необходимо.

Чрезвычайно актуальны уроки гражданской войны в России. В ней в полной мере и в наиболее жестоком и трагичном виде воплотились вековые традиции российского раскола, увы, присущие и нашему современному обществу. С этой точки зрения, глубокое понимание того, как и почему началась гражданская война в России в начале XX века, какие причины, факторы и обстоятельства обусловили её, размышления о том, можно ли было её предотвратить и в целом историческая память об этом ужасном катаклизме, за который россияне заплатили страшную цену, остаётся актуальным сегодня для историков, социологов, политологов, конфликтологов. Глубокое и полноценное осмысление истории гражданской войны, отделённой от нас восемью десятилетиями, создание её теоретической модели полезно и необходимо для анализа кризисных событий, выработки оптимальных антикризисных решений в сложной современной политической и социально-экономической обстановке в стране. Уроки истории важны и поучительны для современных государственных деятелей, политиков, лидеров партий и общественных организаций.

Политическая терпимость, заинтересованный диалог различных общественно-политических сил, цивилизованные методы разрешения возникающих споров и конфликтов чрезвычайно актуальны в нынешней российской политике. Но сохранение гражданского мира при всей его значимости не является самоцелью. Не менее, а даже более важным, и в конечном счёте для уменьшения конфликтности и оздоровления общества является деятельность политиков и государственных лидеров, направленная на реализацию не узкопартийных, клановых и корыстных интересов, что мы сплошь и рядом видим сегодня, а на кропотливое и целенаправленное осуществление преобразований во имя общества.

Нужны не декларации о верности реформам, вместо которых на деле происходит стремительное падение уровня жизни, углубление пропасти между богатыми и абсолютным большинством населения, живущим за чертой бедности, рост преступности и коррупции, а проведение настоящих и эффективных реформ, учитывающих российские традиции и ведущих к модернизации экономики и улучшению положения населения. Это — единственный и цивилизованный путь, приемлемый для российского общества и ведущих к миру, согласию и созиданию. Расколотое, поляризованное общество неспособно решать сложные и ответственные задачи. Нагнетание же политической нетерпимости и психоза, разжигание национальной розни и межэтнических конфликтов, методы насилия, террора и гражданской войны, так же, как и иностранного вмешательства, — это путь в никуда, точнее путь, ведущий к катастрофе. Вот почему опыт прошлого, опыт исторического предостережения чрезвычайно актуален сегодня. Нельзя постоянно играть в нашу любимую национальную игру, бесконечно наступая на одни и те же грабли.

Изучение истории российской гражданской войны не может закончиться ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Слишком велико было её значение, уроки и последствия для нашей страны. И поэтому чрезвычайно велика и ответственность исследователей, имеющих дело со столь актуальной, деликатной и взрывоопасной темой.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Заканчивая повествование, автор испытывает сложные чувства. Увы, далеко не обо всём удалось сказать. Немало проблем только обозначено, нередко определены лишь исследовательские тенденции, констатировано наличие различных взглядов и подходов. Да, наверно, всё, что хотелось бы, невозможно изложить в небольшой книге. К тому же, вероятно не всё из опубликованного в последние годы историками может быть немедленно осмыслено и оценено, что-то должно отлежаться, пройти испытание временем, новыми источниками.

Рассматриваемый в книге период был временем кардинальных изменений, сложной ломки и трудного созидания в истории гражданской войны в России. Ближе или, напротив, дальше от истины мы стали в результате дискуссий и поисков? Думается, что каждый из специалистов, да и из пристрастной и компетентной, читающей публики даст свой ответ на этот вопрос. И всё-таки автору представляется, что мы прошли важный, трудный и очень неоднозначный отрезок исторического времени. Отрицая многие старые оценки и интерпретации, историки пытались очертить круг новых и старых проблем, требующих исследования, сформулировать новые теоретические и методологические подходы, привлечь обширные пласты неиспользованных ранее источников. Развернулся непростой диалог с зарубежными коллегами, и каждый из российских исследователей делал свой выбор: что принимать, а что нет из неоднозначной и плюралистической иностранной историографии.

Появилось немало содержательных работ, монографий, сборников статей и документов, многие из которых отмечены в этой книге. Вместе с тем, историческая литература характеризуемого периода весьма неоднозначна и далеко не всегда отвечает взыскательным требованиям. Наряду с содержательными исследованиями, немало и публикаций конъюнктурного характера, написанных «на злобу дня», в соответствии с определённым политическим заказом, несущих на себе отпечаток нашего сложного времени. Следует иметь в виду, что путь от поиска новых источников, их

осмысления до издания обобщающих, с использованием нового теоретико-методологического инструментария работ требует времени, да и немалых творческих сил. И хочется надеяться, что ближайшее время принесёт нам немало интересных и содержательных исследований, посвящённых сложной и драматичной эпохе российской гражданской войны.

Автор не претендует на законченное, обобщённое и целостное исследование этой огромной темы, тем более что массив литературы по ней быстро пополняется, и далеко не вся она известна и доступна. К тому же, такая работа не под силу одному исследователю или даже коллективу авторов, по крайней мере, пока. Тем не менее, потребность историографического осмысления сделанного, несомненно, назрела, чтобы, подведя определённые итоги, стимулировать историков на дальнейшее творчество, ответы на новые (да и старые, но по-прежнему актуальные и злободневные) вопросы. Видимо, этот процесс пойдёт двумя путями: создание историографических монографических исследований (индивидуального или коллективного характера), посвящённых региональным аспектам гражданской войны, а с другой стороны, подготовка историографических трудов по отдельным крупным проблемам, выполненным на общероссийских материалах. Всё это в совокупности будет способствовать формированию общей историографической картины российской гражданской войны.

Думается, что право на обобщающие целостные историографические работы имеют в первую очередь авторы, уже создавшие исторические исследования монографического характера. Для них это будет и новый этап творчества на основе оценки не только других авторов, но и своих собственных предшествующих исторических трудов. Это, впрочем, не означает, что историографическое поприще является закрытым и запретным для других исследователей. Вопрос в другом: историографические работы для авторов, ещё не опубликовавших серьёзных и положительно оцененных коллегами исторических исследований, — это скорее проба сил и заявка на будущее. Поэтому хотелось бы пожелать тем, кто всё-таки хочет сначала испытать и

себя на историографическом поприще, быть предельно аккуратными, академически спокойными и объективными, избегать излишней жёсткости, поучительного тона и хлёстких, нелицеприятных оценок. Право на оценку работ своих коллег надо заслужить собственными вдумчивыми историческими исследованиями, работой с источниками, многолетними поисками в архивах.

В конце этой книги надлежит, наверно, поставить скорее не точку, а многоточие, призывая коллег к совместному и активному созидательному творчеству по воссозданию целостной и объективной картины гражданской войны в России.

RUSSIAN CIVIL WAR STUDIES: 1985-2000

A history of the Russian Civil War is a permanent subject for scholarly debate both in the Russian and Western historiography. The author of this book analyzes the main problems of modern historiography during the Soviet «perestroika» period and after the dissolution of the USSR. The book attempts to search for new theoretical approaches, methodology, and emerging conceptions by Russian and foreign historians and political scientists.

The main tendencies of Russian Civil War studies since the middle of 1980s are addressed in the first chapter. Russian historiography has drifted from the Soviet historical and ideological heritage to a pluralism of opinions, from the covering of the «blank» spots to a newer, more enlightened understanding of the Russian Civil War. The attempts of reconsidering the Russian Revolution of 1917 and the Civil War after the fall of communism in the Western historical literature are thoroughly examined in the book. Since 1991 much of the rethinking was done by the Russian scholars together with Western specialists. It is worth mentioning that both Russian and Western scholars have paid more attention to the local and regional history of the civil war but only in the last decade. Many of these studies illustrate how many different versions of the civil war occurred throughout Russia.

The origins of the Civil War are investigated both in a long and a short retrospective in the second chapter of the book: traditions of Russian political history and statehood, peasant wars, peculiarities of the liberation and revolution movement, influence of the Great War and the Russian revolution of 1917 (as a set of different revolutions) and collapse of the state and authority. The different aspects of

interaction between the Revolution and Civil War and the historians' points of view are examined by the author. He characterizes a debate about the reasons of the war, the responsibilities of different forces and questioning what types of alternatives could have avoided this awful cataclysm of the Russian and World history. The starting point of the Civil War in Russia is another question for debate. The concrete dates of 1917 or 1918 which are pointed out by historians were connected with the definite events and actions of the different political forces. But it is difficult or almost impossible to find and prove a concrete date of the beginning of the Civil War and it's better to speak about the gradual involvement of the people in it. In any case, a set of events of May and Summer of 1918 — the Czech Legion uprising, foreign intervention, the extraordinary policy of the Soviet state in the countryside and its attempt to split the peasantry, and the peasant's revolts and formation of the anti-Bolshevik governments, military units and armies meant that Russia was really involved in a full-scaled, cruel and bloody Civil War.

Chapter Three is devoted to the modern conceptions and definitions of the Russian Civil war. It's another polemical question for debate. For the most part, historians criticize the orthodox Soviet conception about the Civil War in Russia as a military class struggle between the working class and the peasantry, on the one side, and bourgeoisie and landlords, on the other, between Red Army, on the one hand, and the white armies on the other. The second half of 1980s and 1990s was a time for Russian historians to develop their own conceptual frameworks rather than elaborate on official Soviet interpretations. The author tries to characterize different theoretical approaches and understandings of the Russian Civil war as a complex military, political, ideological, social, national and international phenomenon, as a set of wars including many smaller civil wars.

The subject of the historiographical analysis in the next chapter is the positions and behavior of the different classes and social groups, the struggle and conflicts inside them, and their relationship to the Soviet and anti-Bolshevik governments. The scholars focused on neglected subjects of the history: peasant rebellion movement and wars; workers' protests not only against the Whites, but also against Soviets; Cossack persecution (raskazachivanie); impact or lack of impact of the intelligentsia, etc. From the author's point of

view, an explorations of the social history of the civil war has been quite fruitful.

Foreign intervention in the Russian Civil war is another complicated problem and a permanent subject for polemical debate. The modern historical literature on this subject, both Russian and Western, and the attempts of reappraisal and proper understanding of this problem are analyzed in the research. The origins, causes and plans of the Allied and Central Powers interventions and their relationship with Soviet and anti-Bolshevik forces are examined in the book. The newer historical literature of this problem, results and consequences of the international intervention, its peculiarities in the different regions of Russia is considered in a special chapter in comparing the ideas of «world revolution» and some attempts to realize them in the form of Red intervention in the West and East.

A history of the anti-Bolshevik movement is of great interest in modern Russia as a result of the political changes in the country during 1990s and because this theme had been forbidden for research during Soviet times. Several dozen monographs, collections of articles and memoirs have been published since the end of 1980s. All of them, as well as the research of the Western scholars, are analyzed in the book. The author tries to compare the content of the very notions of «anti-Bolshevik» and the «White» movement as a serious political affair and idea. The historiography of White state building, social and economic policy, and its peculiarities in the different regions is also considered. The reasons for the

defeat of the anti-Bolshevik movement have been a question of debate since the end of the Civil War both in Russia and especially abroad in emigration literature. This problem is described in the book too.

A history of Soviet Russia during the Civil War is another topic ready for rethinking both in Russian and Western literature. In Russian historiography during the 1980s-1990s, a drift occurred from a supportive ideological approach to launching a severe criticism of Bolshevik party and Soviet state actions in the war period. A debate between the revisionist and conservative trends in the Western historiography is also analyzed. The author explores such problems as the evolution and cardinal changes in the Russian society, the evolution of the Bolshevik party and Soviet state during the Civil war, a history of terror and special services, War Communism policy, the cultural dimension of the Bolshevik dictatorship, and the Soviet assault on the Church and cultural and spiritual processes.

The results, legacy and consequences of the Russian Civil War, and the reasons of the Bolshevik victory are analyzed in the last chapter of the book. An inevitability of the Soviet victory and its «price» is a permanent question for debate among historians and the subject of rethinking in the monograph. On the one hand the Civil War ended with the Red Army victory, but on the other the Bolsheviks had to retreat into the NEP. The connection between the Civil War and Stalinism has been for a long time a traditional polemical question in Western historiography, but since the end of 1980s this problem has been very topical for Russian specialists too. The lessons of the Russian tragedy of 1917 — 1922 are significant for the modern generation of Russian people and politicians, and for the searching of the best and effective way of reforms in post-Soviet Russia. A proper understanding of Russian society before and during the tragedy of Civil War is important for studying Russian national history in the XX century and for an understanding the future of the Russian Federation as it enters XXI century.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 Обширнейшая литература сложилась, например, по гражданской войне в США. Из продолжающихся изданий отметим «Civil War History» — журнал, издаваемый ежеквартально Кентским государственным университетом (США). В марте 1999 года был опубликован первый номер XLV тома этого издания. Обратим внимание на трёхтомник американца Шелби Фула «The Civil War», выпущенный в 1991 году уже третьим изданием общим объёмом около трёх тысяч страниц. Среди обобщающих

изданий о гражданских войнах в отдельных странах, изданных в последнее десятилетие, выделим более чем 1000-страничную книгу американца Бурнетта Боллотена «The Spanish Civil War. Revolution and Counter-Revolution».

- 2 Историки спорят. М., 1988. С. 46.
- 3 Гражданская война в России: перекрёсток мнений. М., 1994; Гражданская война в России и на Русском Севере. Проблемы истории и историографии / Отв. редактор В. И. Голдин. Архангельск, 1999; Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921 / Ed. by E. Action, V. Ia. Cherniaev, W. G. Rosenberg. London—Sydney—Auckland, 1997; The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars / Ed. by V. N. Brovkin. New Haven and London. 1997.

Глава 1

- 1 Кораблёв Ю. И. Ленинское наследие по проблеме защиты революционных завоеваний (Итоги и перспективы изучения) // Защита завоеваний социалистических революций. М., 1986. С. 12—24.
- 2 Его же. Гражданская война 1918—1920 гг.: новые подходы // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 56—58; Литвин А. Л., Поликарпов В. Д., Спиринов Л. М. Гражданская война: ломка старых стереотипов // Историки спорят (13 бесед). М., 1988. С. 46—83; Октябрьская революция и гражданская война в зеркале советской истории // Знание — сила. 1988. № 10; Кривошеенкова Е. Ф. Гражданская война и военная интервенция (Историко-партийные историографические аспекты). М., 1989 и др.
- 3 Россия 1917 год: Выбор исторического пути / Отв. редактор П. В. Волобуев. М., 1989.
- 4 Голдин В. И. Интервенция и гражданская война в России: поиск исторической истины // Партийная позиция. 1990. № 6. С. 76—80; Волобуев П. В. Анналы её суровы и поучительны // Правда Севера. 1990. 3 июня.
- 5 Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98—117. В приложении опубликован план-проспект 5-томного издания «Гражданская война в России» (Исторические очерки).
- 6 Его же. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32—41; Шишкин В. И. Дискуссионные проблемы Октября и гражданской войны // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990; Игрицкий Ю. И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекрёсток мнений; Ушаков А. И., Федюк В. П. Гражданская война: новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.; Голдин В. И. Гражданская война в России в современной историографии // Гражданская война в России и на Русском

- Севере. Архангельск, 1989. С. 5—32 и др.
- 7 По оценке автора, на протяжении второй половины 80-х и в 90-е годы в нашей стране состоялось не менее 30 конференций, симпозиумов, научных семинаров и «круглых столов», посвящённых гражданской войне или проблемам революций и гражданской войны. Назовём лишь некоторые опубликованные материалы: Школа ненависти // Родина. 1990. № 10. С. 73—80; Сквозь бури гражданской войны. Архангельск, 1990; Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102—115; Российская провинция в годы революций и гражданской войны 1917—1922. Нижний Новгород, 1998 и др.
 - 8 Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и белоэмигрантских архивов. М., 1995; Кронштадт, 1921. М., 1997 и др.
 - 9 Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири (Источниковедческие и историографические аспекты изучения). Томск, 1994; его же. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1992; Фоминых С. В. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторический источник. Томск, 1988; Goldin V. I. The Civil War and Allied Intervention in the Russian North (1918—1920): An Analytical Review of Russian Archives // Acta Borealia. 1993. No. 1. P. 19—36.
 - 10 Васьковский О. А., Ниренбург Я. Л. и др. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999; Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; Овсянкин Е. И. Архангельск: годы революции и военной интервенции 1917—1920. Архангельск, 1987; его же. Огненная межа. Архангельск, 1997; Гражданская война на юге республики. Новочеркасск, 1989; Гражданская война в Удмуртии. 1918—1919 гг. Ижевск, 1988; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922). Документы и материалы. В двух частях. Владивосток, 1993; Из истории Дальневосточной республики. Владивосток, 1992; Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики 1920—1922. Владивосток, 1990; Дальневосточная республика Советской России (1920—1922 гг.). Сборник документов. Новосибирск, 1996; ...И на Тихом океане. Народно-революционная армия ДВР и освобождение Приамурья и Приморья. 1920—1922. Сборник документов. Иркутск, 1988; Ципкин Ю. Н. Дальневосточная республика: была ли альтернатива? Некоторые вопросы историографии // Отечественная история. 1993. № 3. С. 162—176; Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993; Сибирь в период гражданской войны / Составитель С. П. Звягин. Кемерово, 1995; Дроков С. В. Некоторые проблемы истории гражданской войны в Сибири // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 46—63; Октябрь и гражданская война на Украине. Страницы истории. Киев, 1987; Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Без победителей. Симферополь, 1997 и др.
 - 11 Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 131; Зимица В. В. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 154.
 - 12 Кенез П. Западная историография гражданской войны в России // Россия XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 183.
 - 13 Shlapentokh V. American Sovietology from 1917—1991: An Attempt at Diagnosis // Russian History / Histoire Russe. Vol. 22. No. 4. Winter 1995. P. 414—417.
 - 14 Raeff M. Understanding Imperial Russia. State and Society in the Old

- Regime. New York, 1984; Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881—1917. London—New York, 1983; Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Grisps and L. Edmondson. Oxford, 1989; LeDonne J. P. The Russian Empire and the World, 1700—1917. New York—Oxford, 1997; Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992, etc.
- 15 Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 69—70.
- 16 Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Culture. Experience and Order in the Russian Revolution. Bloomington and Indianapolis. 1985. P. 57—58.
- 17 Кенез П. Указ. соч. С. 186.
- 18 Cohen S. F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and Soviet History since 1917. Oxford, 1985; Action E. Rethinking the Russian Revolution. London—New York—Sydney—Auckland, 1990, etc.
- 19 Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 344.
- 20 Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987; Lincoln W. B. Red Victory. A History of the Russian Civil War. New York—London, 1989. Указанная книга Линкольна завершает подготовленную им трилогию, посвящённую истории России в начале XX века. Два ранее опубликованных тома: «The Romanovs, In War's Dark Shadow» и «Passage Through Armageddon».
- 21 Party, State and Society in the Russian Civil War. Explorations in Social History / Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg and R. G. Suny. Indiana University Press, 1989.
- 22 Fitzpatrick S. The Bolshevik's Dilemma: Class Culture and Politics in Early Soviet Years // Slavic Review. 1988. P. 599—613; Suny R. G. Class and State in the Early Soviet Period: A Reply to Sheila Fitzpatrick // Ibid. P. 614—619; Party, State and Society in the Russian Civil War. P. 4—6.
- 23 Pipes R. The Russian Revolution 1899—1919. New York, 1990; Russia under the Bolshevik Regime 1919—1924. New York, 1994.
- 24 Малиа М. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 185; Кенез Р. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' The Russian Revolution // The Russian Review. Vol. 50. 1991. P. 351; Кенез Р. The Prosecution of Soviet History, Volume 2 // The Russian Review. Vol. 54. 1995. P. 267.
- 25 Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia. 1918—1922. Princeton, 1994. P. 2.
- 26 Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24.
- 27 The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars. P. 3.
- 28 Малиа М. В поисках истинного Октября. С. 198.
- 29 Ibid. P. 4.
- 30 Саква Р. Переосмысливая «военный коммунизм» // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 134.
- 31 Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and its Critics // The Russian Review. Vol. 53. No. 2. April 1994. P. 182; Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // Europe-Asia Studies. Vol. 46. № 4. 1994. P. 563—578; Эктон Э. Указ. соч. С. 71; Дьюкс П. Девять точек зрения на российскую революцию. В кн.: Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 14—15.
- 32 Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917; Marot J. E. A «Postmodernism» Approach to the Russian Revolution. Comment on Suny // The Russian Review. Vol. 54. 1995. P. 260—264.
- 33 Дьюкс П. Указ. соч. С. 15; его же. Октябрь в людских умах: от Фрейда к междисциплинарному взгляду на русскую революцию // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 49—66.
- 34 Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution 1917—1921. Oxford, 1989; Pereira N. G. O. White Siberia: The Politics of Civil War. McGill Oueen's University Press, 1995; Karasik T. W. Revolution and Civil War in Arkhangel'sk, 1917—1920. Ph. D. dissertation. University of California, Los Angeles, 1999; Перейра Н. Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. (1917—осень 1922.). М., 1996 и др.
- 35 Кенез П. Западная историография гражданской войны в России // Россия в XIX—XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 181—196; Фицпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. М., 1994. С. 344—359; Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. №5. С. 93—109; Suny R.G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917 // The Russian Review. Vol. 53. No. 2. April 1994. P. 165—182; Brovkin V. N. New Tasks in the Study of the Russian Revolution and Civil War // The Bolsheviks in Russian Society. P. 1—24; Kowalski R. The Russian Revolution 1917—1921. London and New York, 1997. Part 1: The Historiography of the Revolution, etc.
- 36 Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991. New York, 1994; Service R. A History of the Twentieth-Century Russia. Cambridge, 1998; Westwood J. N. Endurance and Endeavour in Russian History. 1812—1992. Oxford—New York—Toronto, 1993, etc.
- 37 Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921; The Russian Civil War. Documents from the Russian Archives / Ed. by V. P. Butt, A. B. Murphy, M. A. Myshov and G. R. Swain. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1996; The Bolsheviks in Russian Society; Гражданская война в России: перекрёсток мнений; Россия и мировое сообщество в начале XX века. Теория и практика взаимоотношений. Вологда, 1998 и др.

Глава 2

- 1 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 112.
- 2 Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год.

- В двух частях. М., 1994.
- 3 Swain G. The Origins of the Russian Civil War. London and New York, 1996.
 - 4 Россия — расколота цивилизация? // Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 3—45.
 - 5 Булдаков В. П. XX век в российской истории: имперский алгоритм? // Национальные отношения в России и СНГ. М., 1994. С. 122—131; Его же. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42—60; № 2. С. 20—47; Его же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. Гл. IV.
 - 6 Реформы или революция? Россия 1861—1917. СПб., 1992; Научная конференция «Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание». М., 1999; Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 156—163; Пантин И. К. и др. Революционная традиция в России. М., 1986; Major Problems in the History of Imperial Russia / Ed. by J. Cracraft. Lexington, Massachusetts, Toronto, 1994.
 - 7 Россия 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Ответственный редактор П. В. Волобуев. М., 1997; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению / Ответственный редактор С. В. Тютюкин. М., 1998; Миллер В. И. Осторожно, история. М., 1997; Медведев Р. Русская революция 1917 года: победа и поражение большевиков (к 80-летию Русской революции 1917 года). М., 1997; Булдаков В. П. Историкографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 180—205; Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5—6. С. 28—38; C.Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge—New York, 1992; European History. Quarterly. Special Issue: Rewriting Russia 1917. Vol. 22. No. 4. 1992, etc.
 - 8 Касаясь использования большевиками лозунга гражданской войны, современные историки нередко ведут отсчёт от провозглашённого ещё в период мировой войны ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. Но, по мнению З. П. Яхимович, вплоть до февраля 1917 года гражданская война в интерпретации Ленина рассматривалась как антитеза политике гражданского мира во имя поддержания империалистической войны, как синоним классовой борьбы, как пропагандистский лозунг, а отнюдь не действия. — Яхимович З. П. Международная ситуация 1917—1918 гг. и гражданская война в России // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 15.
 - 9 Шевченко В. Н. От распада и раскола общества к гражданской войне // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 23—29.
 - 10 См. например: Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 103—111.
 - 11 Данилов В., Шанин Т. Вступительная статья к сборнику «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг.: «Антоновщина». Тамбов, 1994. С. 5—6.
 - 12 Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; Россия 1917 год: выбор исторического пути; Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / Под редакцией П. В. Волобуева. М., 1991; Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? М., 1992; Анатомия революции; Revolution in Russia: Reassessments of 1917; Critical Companion to the Russian Revolution, etc.
 - 13 Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Harding N. Leninism. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1996; LeBlanc P. Lenin and the Revolutionary Party. Atlantic Highlands NJ., 1990; The Bolsheviks in Russian Society, etc.

- 14 Октябрьский рубеж российской истории и его связь с гражданской войной традиционно вызывают особый интерес и дискуссии историков. Октябрь не вызвал гражданской войны, хотя и ускориł дрейф к ней. Реализовался широкий круг требований народных масс. Продолжался диалог а другими социалистическими партиями о создании многопартийного однородного социалистического правительства. Но, как в общем-то справедливо заметил А. Я. Лейкин, в послеоктябрьский период призывы большевистской партийной оппозиции о нарастающих масштабах гражданской войны не были услышаны (Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 45). Нередки утверждения, что если бы не произошла Октябрьская революция (переворот), то не было бы и гражданской войны. Но следует иметь в виду мощный напор снизу на большевиков в преддверии Октября и стремление быстро радикализирующихся низов захватным путём реализовать свои требования. Поэтому стихийный и неуправляемый бунт грозил бы России непредсказуемыми, страшными разрушительными последствиями. В нечеловеческих условиях жизни и раскалывающемся, маргинализирующемся обществе все разговоры и призывы к цивилизованной борьбе партий, постепенному движению к гражданскому обществу и правовому государству для основной массы населения были лишены смысла и не находили должного понимания и отклика. Иным вариантом взамен прихода к власти большевиков могла быть лишь правая, генеральская диктатура («вторая корниловщина»). Каковы были бы её последствия? — Это опять предмет для дискуссии. Одни историки полагают, что за этим последовали бы репрессии ограниченного или массового масштаба, но это привело бы к предотвращению гражданской войны с миллионными жертвами. Другие, напротив, утверждают, что «вторая корниловщина» вызвала бы немедленный взрыв гражданской войны с не менее, если не с более тяжкими, последствиями. Например, В. И. Миллер полагал, что реальным результатом генеральского мятежа мог бы быть блок большевиков, эсеров и меньшевиков, но на иной, более радикальной и левой платформе в условиях антигенеральской гражданской войны. Этот был бы блок, выросший из гражданской войны и ориентированный на военно-революционную диктатуру со всеми вытекающими последствиями. — Миллер В. И. Гражданская война: к вопросу об условиях возникновения // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 22—23.
- 15 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 106.
- 16 Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 143—146.
- 17 Read C. From Tsar to Soviets: The Russian People and Their Revolution, 1917—21. New York, 1996. P. 1.
- 18 Дмитренко В. П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 2. С. 98—99; История России. XX век / Отв. редактор В. П. Дмитренко. М., 1997. С. 176.
- 19 Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в изменяющемся мире. Вып. 2. Казань, 1994; их же. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в России. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 131—142; Булдаков В. П. Историкографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. С. 189; его же. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1. С. 51—54.
- 20 Кабанов В. В. С чего началась гражданская война (О значении так называемых 1-й и 2-й социальных войн в деревне) // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 1. М., 1994. С. 73—74.
- 21 Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Указ. соч. С. 156.
- 22 Эта проблема традиционно вызывает оживлённую полемику и разнообразие суждений. По мнению такого весьма авторитетного её исследователя как В. П. Булдаков, «полагать, что национальные революции разрушили империю, значит сваливать с большой головы на здоровую: нации и этносы «побежали» от разрушающегося, по их представлению, имперского центра, а вовсе не «предали» его. Совершенно не случайно с укреплением имперского ядра центробежные силы вновь проявили себя». — Булдаков В. П. Историкографические метаморфозы «красного Октября». С. 190. Другой московский историк С. М. Исхаков, проанализировавший поведение российских мусульман в послеоктябрьский период, пришёл к выводу, что, «увидев расползание хаоса в государстве, они пытались организовать собственными силами, чтобы не погнубить в огне Гражданской войны». «Это была тенденция не к разрушению государства, — заключает автор, — а, напротив, к его сохранению». — Исхаков И. М. Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. С. 230.
- 23 Ментешашвили А. М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918—1921 гг.). Тбилиси, 1990; Suny R. G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993. P. 20—83; Critical Companion to the Russian Revolution. Part. VIII. Nationality and Regional Questions.
- 24 Бордюгов Г. А., Козлов В. А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 57.
- 25 Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 146.
- 26 См.: Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917—1922 гг. М., 1997; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923. М., 1995 и др.
- 27 Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917—1918 гг. Тамбов, 1995.
- 28 Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17—27; Rosenberg W. G. Russian Labour and Bolshevik Power after October // Slavic Review. Vol. 44. No. 2. 1985; The Workers' Revolution in Russia, 1917. The View from Below / Ed. by D. H.

- Kaiser. New York—Fort Chester—Melbourne—Sydney, 1987; Mandel D. The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. From the July Days 1917 to July 1918. University of Birmingham, 1986; Iarov S. V. Workers // *Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 604—617, etc.
- 29 Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Вяткинском районе. Ижевск, 1992.
- 30 История России. XX век. С. 175—176.
- 31 Дмитренко В. П. 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 2. С. 94—101; История России. XX век. С. 175—179; Леонов С. В. Рождение советской империи. С. 119—209; Голдин В. И. Время великой драмы и экспериментов. Северный регионализм в эпоху гражданской войны // Холодный дом России. Архангельск, 1996. С. 28—34; Service R. The Soviet State / / *Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 303—313 и др.
- 32 Иоффе Г. З. Россия, вставшая на дыбы // Наука и жизнь. 1993. № 1. С. 11.
- 33 Swain G. Op. cit. P. 96, 149. Заметим, что тема Брестского мира стала центральной в монографии (и одноимённой докторской диссертации) американского исследователя Ю. Г. Фельштинского, вызвавшей разное восприятие среди историков. — Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992.
- 34 Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993 и др.
- 35 Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
- 36 Журавлёв В. В. Революция как способ реализации личного интереса (к постановке проблемы, // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 21, 27—28.
- 37 Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917—1928 гг.; Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 и др.
- 38 Живанов С. Преждевременная революция? Зрелость условий для политической революции и невызревшие предпосылки для социальной революции // Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 289—295; Кива А. В. Социальные революции на исходе века (размышления о проблемах общественного прогресса на Западе и Востоке). М., 1992.
- 39 Цит. по: Шалдыбин С. Г. Гражданская война 1917—1920 годов. Пенза, 1995. С. 6.
- 40 Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 223.
- 41 Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное Собрание. М., 1997; Протасов Л. Г., Миллер В. И. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 3—25; Журавлёв В. В., Симонов Н. С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 3—18; Smirnov N. N. The Constituent Assembly // *The Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 323—333.
- 42 Панцов А. В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 60—73; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк 1: Брестский мир, октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992; Иоффе Г. З. Брестский мир — гражданская война // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 31—36 и др.
- 43 См., например, Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1. С. 28—34;
- 44 Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 7—23; Никонова О. Ю. Чехословацкий корпус и правительство «демократической контрреволюции» в 1918—1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995; Левчук А. П. Ещё раз о преданном корпусе (К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа // Из истории революций в России). Томск, Вып. 2, 1996. С. 3—12; Устинкин С. В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России (1918—1920 гг.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакию между мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских правительств. Прага, 1995. С. 590—596; Unterberger V. M. The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill and London, 1989; Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2: The Road to Intervention. London and New York, 1988, etc.
- 45 Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 57.
- 46 Полторак С. Н. Иностранцы в Сибири — заложники «белой» и «красной» идей // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 140. Указанным автором достаточно плодотворно изучалась тема иностранцев в России в годы гражданской войны. В 1992 году Полторак защитил в Санкт-Петербурге докторскую диссертацию «Иностранцы в Красной Армии в 1918—1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности». Главное внимание в его исследованиях уделяется судьбам военнопленных первой мировой войны, находившихся в России и во время гражданской войны. По его данным, из более 2 млн военнопленных примерно треть (порядка 700 тыс.) принимала участие в гражданской войне, разделившись на две почти равных части и избрав соответственно сторону большевиков или их противников (Полторак С. Н. Иностранцы в Сибири. С. 139).
- 47 Ларьков В. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995; Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917—1918 гг. М., 1996; его же. Украина в 1918 году. Гетман Скоропадский. Ярославль, 1993; Голдин В. И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в 1918 году // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74—98; Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 1—2 и др.

- 1 Миллер В. Гражданская война: исторические параллели // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 110—116; Шевоцуков П. Гражданская война. Взгляд сквозь десятилетия // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 78—94; Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 107, 115.
- 2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 215.
- 3 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 107, 110; Поляков Ю. А. Поиски новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 283.
- 4 Party, State and Society in the Russian Civil War. P. 4—6.
- 5 Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917—1922. М., 1992. С. 5, 17.
- 6 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 107.
- 7 Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5—6. С. 29—31.
- 8 Гражданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское. Волгоград, 1997. С. 11; Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995. С. 12.
- 9 Дьячков В. Л. Характер и движущие силы гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. С. 57—61.
- 10 Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 5—6.
- 11 Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32—33.
- 12 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 106.
- 13 Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 366.
- 14 Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Termidor and Napoleon at the Time of the Russian Revolution and Civil War. New York, 1999; Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928. Будапешт, 1997; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.
- 15 Кондратьева Т. Указ. соч. С. 199.
- 16 Гражданская война: исторические параллели // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 110—116; Даниэлс Р. В. Гражданская война в России в свете сравнительной истории революции // Гражданская война в России: перекрёсток. С. 328—343 и др.
- 17 Даниэлс Р. В. Указ. соч. С. 328—329.
- 18 Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 366.
- 19 Swain G. Op. cit. P. 2, 11.
- 20 Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 26.
- 21 Бровкин В. Н. Указ. соч. С. 27.
- 22 Figs O. Peasant Armies // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 370.
- 23 Service R. A History of Twentieth-Century Russia. Cambridge, Massachusetts, 1998. P. 113.
- 24 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 109.
- 25 Там же. С. 105.
- 26 Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. С. 41.
- 27 Устинкин С. В. Власть и общество в условиях гражданской войны // Отечественная история. 1998. № 3. С. 85—86.
- 28 Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне. С. 25—26.
- 29 Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М., 1991; Шевоцуков П. А. Реввоенсовет республики и его роль в осуществлении военной политики партии большевиков: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993; Реввоенсовет республики. Протоколы. 1918—1919 гг. / Отв. редактор Т. Ф. Караева. М., 1997; The Trotsky Reappraisal / Ed. by T. Brotherstone and P. Dukes. Edinburgh, 1992.
- 30 Генис В. Л. Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 64—77.
- 31 Гриф секретности снят: Потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Отв. редактор Г. Ф. Кривошеев. М., 1993.
- 32 Mawdsley E. The Civil War. The Military Campaigns // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 93—105.

Глава 4.

- 1 Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. С. 6.
- 2 Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии и власть накануне гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. С. 80—81.
- 3 Медведев А. В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (ноябрь 1917—1920). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994.
- 4 Цит. по: Шалдыбин С. Г. Гражданская война 1917—1920 гг.: причины, последствия. Пенза, 1995. С. 37.
- 5 Stites R. Revolutionary Dreams, Utopian Visions and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, 1989. P. 5.
- 6 Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 6.
- 7 Андреев В. М. Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917—1920. М., 1997. С. 126.
- 8 Канищев В. В., Мещеряков Ю. В. Анатомия одного мятежа. Тамбовское восстание 17—19 июня 1918 г. Тамбов, 1995; Овсянкин Е. И. Огненная межа. Архангельск, 1997.
- 9 Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1990. С. 111.

- 10 Андреев В. М. Указ. соч. С. 125, 136.
- 11 Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. М., 1992. С. 46; Mawdsley E. *Soldiers and Sailors // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 588 (данные О. Файджеса); Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 176. По данным документального издания «Гриф секретности снят» с начала 1919 по ноябрь 1920 года было выявлено и возвращено на службу 2846 тыс. дезертиров (в том числе 1543 тыс. явились добровольно); в 1921 году дезертировало 231 тыс., а в 1922 году — 112234 чел. — Указ. соч. С. 39.
- 12 Land Commune and Peasant Community in Peasant Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. by R. Barlett. London, 1990; Atkinson D. *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930*. Stanford, 1983; Figes O. *The Village Commune and Rural Government // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 459—467; Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Носова Н.П. Государство и крестьянство Советской России. Аспекты бюрократизации // *Власть и общество в России в первой трети XX века*. М., 1994. С. 33—35 и др.
- 13 Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. С. 88, 93.
- 14 Бухараев В. М., Люшкин Д. И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // *1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция*. С. 137.
- 15 Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999.
- 16 Куреньшев А. А. Крестьянство России в период войны и революции 1917—1920 гг. (историографические аспекты) // *Вопросы истории*. 1999. № 4—5. С. 148—156; Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // *Гражданская война в России: перекрёсток мнений*. С. 258—259; Ахиезер А. Смута — это противостояние разных пластов культуры // *Отечественная история*. 1998. № 4. С. 153—154; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. Гл. 3; Суслов Ю. П. Политические партии и крестьянство Урала (1917—1920 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1995; Крупина А. Н. Крестьянство Урала в гражданской войне 1918—1920 гг. *Историография*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992; Саблин В. А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы гражданской войны) // *Вологда: историко-краеведческий альманах*. Вологда, 1994. С. 180—194; Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 гг. *Очерк о большевиках, национал-социализмах и крестьянском движении*. М., 1997; Reider J. *Landed Property State, Authority State and Civil War // Slavic Review*. Vol. 47. No. 1. 1988; Figes O. *The Russian Peasant Community in the Agrarian Revolution 1917—1918 // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*; Read C. *Op. cit.* P. 7; *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1889—1921* / Ed. by Kingston-Mann and Mixer T. Princeton, 1991, etc.
- 17 Figes O. *The Russian Revolution and Its Language in the Village // The Russian Review*. Vol. 56. No. 3. P. 345.
- 18 *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы*. Т. 1. 1918—1922 / Под редакцией (и с предисловием) А. Береловича и В. Данилова. М., 1998.
- 19 Осипова Т. Обманутый класс // *Родина*. 1990. № 10. С. 24—25; её же. *Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства*. М., 1990.
- 20 Соболева А. А. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.). Библиографический указатель. Тамбов, 1994; Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919—1921. «Антоновщина»; Баранов В. П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в первой четверти XX в. Тамбов, 1996; Фатуева Н. В. Противостояние: Кризис власти — трагедия народа (Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918—1921 годах). Рязань, 1996; Есиков С. А., Протасов Л. Г. Антоновщина: новые подходы // *Вопросы истории*. 1992. № 6—7; Есиков С. А., Канищев В. В. Антоновский НЭП // *Отечественная история*. 1993. № 4. С. 60—72; Самошкин В. В. Александр Степанович Антонов // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 66—76; Колин В. В. Нестор Махно: мифы и реальность. Калини, 1990; Семанов С. Н. Под чёрным знаменем, или Жизнь и Смерть Нестора Махно. М., 1990; Волковинский В. Н. Махно и его крах. М., 1991; Яруцкий Л. Д. Махно и махновцы. Мариуполь, 1995; Телицын В. Нестор Махно: Историческая хроника. М. — Смоленск, 1998; Шубин А. В. Махно и махновское движение. М., 1998; Шубин А. В. Махно и махновское движение. М., 1998; Верстюк В. Ф. Махновщина. Крестьянское повстанческое движение на Украине. Киев, 1991 (на укр. яз.); Нестор Иванович Махно: воспоминания, материалы и документы / Составитель В. Ф. Верстюк. Киев, 1991; Нестор Махно. Воспоминания / Под редакцией С. С. Волка. М., 1992; Савченко В. А. Измена «батьки» Махно и «железная метла» Л. Д. Троцкого (причины и следствия махновского мятежа 1919 г.) // *История СССР*. 1990. № 2. С. 75—90; Сибирская Вандея. Вооружённое сопротивление коммунистическому режиму / Составитель и редактор В. И. Шишкин. Новосибирск, 1997; Лагунов К. Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания (1921 г.). Свердловск, 1991; Московкин В. В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // *Вопросы истории*. 1998. № 6. С. 46—64; Яров С. В. Крестьянские волнения на Северо-Западе Советской России в 1918—1919 гг. // *Крестьяноведение*. М., 1996. С. 134—159; Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919—1921 гг. // *Крестьяне и власть*. М. — Тамбов, 1996; Осипова Т. В. Указ. соч. и др.
- 21 Figes O. *Peasant Armies // Critical Companion to the Russian Revolution*; Figes O. *Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917—1921)*. Oxford, 1989; Brovkin V. N. *Behind the*

- Front Lines.
- 22 Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 50.
- 23 Бернштам М. Указ. соч. С. 23—24.
- 24 Там же. С. 52.
- 25 Осипова Т. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 25.
- 26 Московкин В. В. Указ. соч. С. 63.
- 27 Бернштам М. Указ. соч. С. 24—25.
- 28 Шубин А. В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917—1939 гг. М., 1998; его же. Анархистский социальный опыт. (Украина и Испания 1917—1939 гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
- 29 Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. С. 117—118.
- 30 Павлюченков С. А. Крестьянский Брест или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.
- 31 Маслов С. С. Россия после четырёх лет революции. Париж, 1923. Т. 1. С. 29, 179.
- 32 Левин М. Указ. соч. С. 270.
- 33 Там же. С. 269.
- 34 Андреев В. М. Указ. соч. С. 158—159.
- 35 Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 252.
- 36 Трагедия казачества. В двух томах / Составитель В. Третьякова. М., 1996; Трагедия казачества. М., 1994; Венков А. В. Донское казачество в гражданской войне. 1917—1920. Ростов-на Дону, 1992; Его же. Печать сурового исхода: к событиям 1919 г. на Верхнем Дону. Ростов-на Дону., 1988; Хмелевский К. А., Хмелевский С. К. Буря над Тихим Доном. Ростов-на Дону, 1984; Гражданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997; Мамонов В. Ф. Гибель Русской Вандеи: Казачество Востока России в революции и гражданской войне. Челябинск — Екатеринбург, 1994; Ившин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984; Казачество в революциях и гражданской войне. Материалы второй всесоюзной конференции, Черкесск, 1988; Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984; Проблемы истории казачества XVI—XX вв. Ростов-на Дону, 1995; O'Rourke. The Cossaks // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 499—506 и др.
- 37 Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 1995. С. 13.
- 38 Козлов А. И. Рассказывание // Родина. 1990. № 6. С. 64—71.; Генис В. Л. Рассказывание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 42—55; Хмелевский К. А. «Рассказывание» — что это было? // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 37—47; Футорьянский Л. И. Рассказывание // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 158—176.
- 39 По подсчётам М. Бернштама, только потери населения Дона в гражданской войне составили около 2 млн. чел. — Бернштам М. Указ. соч. С. 64.
- 40 Бернштам М. Указ. соч. С. 48, 62, 63.
- 41 Дедов И. В. В сабельных походах: создание красной кавалерии на Дону и её роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918—1920 гг. Ростов-на-Дону, 1989; Хвостов Н. А. Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны, 1917—1920. Красноярск, 1991; Белоказачье и красноказачье движение на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск, 1989.
- 42 Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917—1922 гг. Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 1997..
- 43 «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 151, 155; Интеллигенция и революция. XX век. М., 1995; Решетова Н. А. Интеллигенция Дона и революция (1917—1-я пол. 1920-х гг.). М., 1997; Волков В. С. Русская интеллигенция в Гражданской войне: позиции, функции, роль // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 132—133; Волков В. С. На углях великого пожара. М., 1990; Абрамовский А. П., Мамонов В. Ф. Революция и судьбы российской интеллигенции // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. Челябинск, 1991. С. 3—16; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1919—1925). Сборник документов. Новосибирск, 1997; Интеллигенция России: уроки истории и современность. Иваново, 1994, 1996; Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997 Party, State and Society in the Russian Civil War. Part IV: The Bolsheviks and the Intelligentsia; Burbank J. The Intelligentsia // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 515—528.
- 44 Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 24—25.
- 45 Волков В. С. Указ. соч. С. 133.
- 46 Федюкин С. А. Интеллигенция и белое движение (1918—1920 гг.) // Советская культура: 70 лет развития. М., 1987. С. 105—117.
- 47 Зимица В. Д., Гражданов Ю. Д. Интеллигенция в политических процессах России начала XX века. Волгоград, 1999: глава 4: Интеллигенция и белое движение в период гражданской войны.
- 48 Панов А. И. Отношение офицерского корпуса русской армии к гражданской войне в России (1918 год) // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 89—91.
- 49 Гражданская война. М., 1928. Т. 2. С. 97.
- 50 Устинкин С. В. Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995; Клавинг В. В. Кто был кто в белой гвардии? СПб., 1998; его же. Белая гвардия. СПб., 1999; Самусь В. Н., Устинкин С. В., Мацур П. С. Белое движение и отечественный офицерский корпус в годы гражданской войны в России (1917—1922 гг.). Нижний Новгород, 1995; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Ростов-на-Дону., 1998; Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири; Войнов В. Г.

- Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918—1920) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 51—64; Константинов С. И. Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны / / Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 17—30; Kenez P. Officers // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 534—542 и др.
- 51 Mawdsley E. Soldiers and Sailors // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 589.
- 52 Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 114.
- 53 Ларьков В. С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917—1918 гг. Томск, 1995; Hagen Mark von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State 1917—1930. Cornell, 1990.
- 54 Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. Тамбов — М., 1984; Востряков Н. И. «Третьего не дано». М., 1988; Канищев В. В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества: Автореф дис. ... докт. ист. наук М., 1998; Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петербуржцев. СПб., 1999; Orlovsky D. The Lower Middle Strata in 1917 // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 529—533.
- 55 Канищев В. В. Указ. соч. С. 32—33.
- 56 Party, State and Society in the Russian Civil War. Part V: Workers and Socialists; Rosenberg W. G. Russian Labour and Bolshevik Power After October // Slavic Review. 1985. No. 2; Chase W. Workers, Society and the Soviet State: Labour and Life in Moscow 1918—1929. Urbana, Ill, 1995; Siegelbaum L. H. Making Workers Soviet: Power, Class and Identity. Uthaca, New York, 1994; Mandel D. Op. cit.; Shkliarevsky G. Labor in the Russian Revolution: Factory Committees and Trade Unions, 1817—1918. New York, 1993, etc.
- 57 Brovkin V. N. Behind the Front Lines; Aves J. Workers Against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship. London, New York, 1996; Pavliuchenkov S. Workers' Protest Movement Against War Communism // The Bolsheviks in Russian Society; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. Гл. IV; Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. М., 1981.
- 58 Левин М. Указ. соч. С. 235.
- 59 Дьячков В. Л. Характер и движущие силы гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. Ч. 1. С. 57—61.

Глава 5

- 1 Carley M. J. Revolution and Intervention: the French Government and the Russian Civil War, 1917—1919. Montreal, 1983; Kettle M. Op. cit.; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918—1920. М., 1993.
- 2 Быков А., Панов Л. Вологда — дипломатическая столица России. Вологда, 1998; Alison W. American Diplomats in Russia: Case

- Studies in Orphan Diplomacy 1916—1919. Westport, 1997; Голдин В. И. Иностранцы дипломаты на Севере России. 1918—1919 // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1995. Вып. 2. С. 109—116.
- 3 Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация / / Отечественная история. 1992. № 6. С. 32—41; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918—1920; Зимина В. Д., Гражданов Ю. Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917—1920 гг. Волгоград, 1997; Swain G. Op. cit.; Foglesong D. S. America's Secret War against Bolshevism: U. S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill: University of North California Press, 1995.
- 4 Long J. Civil War and Intervention in North Russia, 1918—1920. Ph.D.dissertation. Columbia University, 1972; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере; Овсянкин Е. И. Русский Север: первая четверть XX века. Проблемы историографии // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 64—66.
- 5 Голдин В. И. Интервенты или союзники?; его же. Роль мурманских событий 1918 г. в генезисе интервенции и гражданской войны в России // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 1. С. 64—66; его же. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере и др.
- 6 В. И. Ленин. Известные документы. 1891—1922 гг. М., 1999. С. 230—236.
- 7 Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами её участников / Составитель В. И. Голдин при участии Дж. Лонга. Архангельск, 1997. С. 13.
- 8 Kettle M. Op. cit. Parts 2—9; Unterberger B. M. Op. cit.; Swain G. Op. cit.; Fic V.M. The Collapse of American Policy in Russia and Siberia. Wilson's Decision Not to Intervene (March — October 1918). New York, 1995; Kalvoda J. The Origins of Czechoslovakia // Czechoslovakia: crossroads and crises. 1918—1988. Houndmills, 1989; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере; Устинкин С. В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России. С. Н. Полтораки, указывая на утверждение отечественной историографии о том, что мятеж был во многом спровоцирован заявлением, что эшелоны с чехами и словаками вместо Владивостока направят, якобы, в Архангельск и Мурманск, заметил, что это опасение было не беспочвенно. При этом он попытался доказать, что инициатива исходила от советской стороны, и сослался на мартовское (1918 г.) заявление наркома Сталина и решение Центросибири (История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 140—141). В действительности, планы использования корпуса и разделения его на две части, одна из которых двигалась на Владивосток, а другая — на Север, решались Верховным Советом Антанты, а инициатива использования чехословаков на Севере принадлежала Великобритании. Это принятое решение согласовывалось с советским руководством, но при этом рядовому составу корпуса это должно было преподноситься как

- инициатива советской стороны. — См. Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение. С. 34—36., а также ранее названные издания зарубежных авторов.
- 9 Зброшенныя в небытне; Белы Север. 1918—1920 гг.: Мемуары і дакументы. Вып. 1 / Саставітель В. І. Голдін. АРхангелска, 1993.
 - 10 Голдін В. І. Інтэрвенцыя і анцібольшевісцкае дзвіжэнне на Руском Севере; яго же. Інтэрвенты ілі саюзнікі?; Інтэрвенцыя на Северо-Западе Россиі 1917—1920 гг. СПб., 1995; Новікова І. Н. Германія і праблема фінляндскай незалежнасці (1914—1918 гг.): Автореф. дыс. ... канд. іст. навук. СПб., 1998; Рупасов А. І. Зарубежная історыяграфія інтэрвенцыі на Северо-Западе Россиі в 1918—1920 гг.: Автореф дыс. ... канд. іст. навук. СПб., 1993; Vahtola J. «Suomi Suureksi — Viena Vapaaksi». Rovaniemi, 1988; Vahtola J. Saksan idnpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema kesällä 1918. Oulu, 1989.
 - 11 Рупасов А. І., Чістыков А. Н. «Шлюсштайн» // Вопросы історыі. 1993. № 11—12. С. 150—153; Голдін В. І. Інтэрвенцыя і анцібольшевісцкае дзвіжэнне на Руском Севере. С. 77—79; Інтэрвенцыя на Северо-Западе Россиі. С. 187—191; Неізнаны Ленін. С. 244—248; Зброшенныя в небытне. С. 447—448; Ефімкін А. П. «Мы заплацілі нямецкім імпералістам золата...» // Історыя СССР. 1990. № 5. С. 147 — 151.
 - 12 Інтэрвенцыя на Северо-Западе Россиі. С. 191.
 - 13 Там же; Гражданов Ю. Д. Всеваілікое Войска Донскае; Смолін А. В. Белое дзвіжэнне на Северо-Западе Россиі 1918—1920 гг. СПб., 1999 і др.
 - 14 Подготовка і пачало інтэрвенцыі на Дальнем Востоке Россиі. Владівосток, 1997; Сідоров А. Ю. Внешняя політыка Советскай Россиі на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). М., 1997 і др.
 - 15 Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2: The Road to Intervention; Vol. 3: Churchill and the Archangel Fiasco. November 1918 — July 1919. London and New York, 1992; Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, 1988.
 - 16 Фоминых С. В. Амерыканская дыпламатычная перепіска как істочнік по історыі інтэрвенцыі і гражданскай войны в Сібіры і на Дальнем Востоке: Автореф. дыс. ... докт. іст. навук. Томск. 1989. Следует особливо отметить такой ценный дыкументальны істочнік, как осуществлённое в США многотомное ізданне «The Papers of Woodrow Wilson».
 - 17 Теребов О. В. Партыіно-політычная бараба в конгрессе США по вопросу об амерыканскай інтэрвенцыі в Советскай Россиі (1918—1920 гг.): Автореф. дыс. ... канд. іст. навук. М., 1989.
 - 18 Foglesong D. S. America's Secret War against Bolshevism: U. S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill, 1995; Fic V. M. The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson's Decision Not to Intervene. New York, 1995; Schild G. Between Ideology and Realpolitik: Woodrow Wilson and the Russian Revolution, 1917—1921. Contributions to the Study of World History, No. 51. Westport, C. T., 1995.
 - 19 Foglesong D. S. Op. cit. P. 295—298.
 - 20 Анцібольшевісцкая інтэрвенцыя і ёе крах 1917—1922. М., 1987; Іностранныя военная інтэрвенцыя в Прыбалтыке 1917—1920 гг. М., 1988; Імпералістычная інтэрвенцыя на Дону і Северном Кавказе. М., 1988; Імпералістычная інтэрвенцыя на Советском Дальнем Востоке (1918—1922). Владівосток, 1988; Іностранныя военная інтэрвенцыя в Беларусііі. 1917—1920 гг. Мінск, 1990; Петров В. І. Непокорышыся кайзеровскаму нашествію. М., 1988; Трухановскі В. Г. Черчыль і Мілюков протыв Советскай Россиі. М., 1989. Сінтезом старога і новага в ісследованні інтэрвенцыі і в отношении к новейшым западным работам по этой теме стал ізданный в 1989 году в ІНІОН рефератывны сборнік «Іностранныя інтэрвенцыя протыв страны Советов (Зарубежная історыяграфія)».
 - 21 Кораблёв Ю. І. Гражданская война 1918—1920 годов: новые подходы // Страницы історыі советскаго общества. М., 1989. С. 64—66; Шевоцуков П. А. Страницы історыі гражданскай войны: Взгляд через десятилетія. М., 1992. С. 10.
 - 22 Інтэрвенцыя на Северо-Западе Россиі 1917—1920 гг.; Голдін В. І. Інтэрвенцыя і анцібольшевісцкае дзвіжэнне на Руском Севере; Лівшыц С. Г. Політыка Японіі в Сібіры в 1918—1920 гг. Барнаул, 1991; Латышев І. А. Как Японія похитила русскае золата. М., 1996; Зіміна В. Д., Гражданов Ю. Д. Указ. соч.; Светачев М. І. Союзніцкая інтэрвенцыя в Сібіры і на Дальнем Востоке і вопрос о судьбе выходов Россиі к Тихому Океану // Россійскі флот на Тихом океане. Історыя і современность. Владівосток, 1996; Дальневосточная республика: Становление. Бараба с інтэрвенцыей (февраль 1920 — ноябрь 1922). Дыкументы і матерыялы. В двух частях. Владівосток, 1993 і др.
 - 23 Kettle M. Russia and the Allies, 1917—1920. Vol. 1—3; The War of 1898 and the U. S. Interventions 1898—1934. 1994; Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. The Allied War in Russia 1918—1920. London, 1986; Rhodes B. The Anglo-American Winter War with Russia. 1918—1919. A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York and London, 1988.
 - 24 Fighting the Bolsheviks: the Russian war memoirs of Private First Class Donald E. Carey, U. S. Army, 1918—1919 / Ed. by N. G. Carey. Novato, 1997; Gordon D. Quartered in Hell. Missoula, 1982; Sipkov P. J. Escape from Destiny. A Biographical Sketch of Captain George E. Prujan. Washington, 1986.
 - 25 Muirden B. The Diggers Who Signed on for More. Australia's Part in the Russian Wars of Intervention, 1918—1919. Kent town; 1990; Stavrou T. Greek Participation and the French Intervention in the Ukraine // Revolutions and Interventions in Hungary and its Neighbour States, 1918—1919. New York, 1988. P. 321—334.
 - 26 Комінтерн і ідея міравой рэвалюцыі. М., 1998; Нежінскі Л. А. Внешняя політыка советскаго государства в 1917—1921 годах: курс на «міравую рэвалюцыю» ілі на мірное сосуществование? // Історыя СССР. 1991. № 6. С. 3—27; Шевоцуков П. А. Гражданская война і міравая рэвалюцыя //

- Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник?; Ватлин А. Ю. Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М., 1993; Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. М., 1997.
- 27 Melograni P. Lenin and the Myth of World Revolution: Ideology and Reasons of State? 1917—1920. Atlantic Highlands, 1989; Agursky M. The Third Rome. National Bolshevism in the USSR. Boulder and London, 1987; Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. Part 4: Communism for Export; Naarden B. Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice 1848—1923. Cambridge, 1992, etc.
- 28 Петелин Б. В. «Российский след» в ноябрьской революции в Германии (по новым источникам и публикациям) // Россия и мировое сообщество в начале XX века. Вологда, 1998. С. 43—46; Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург? // Вопросы истории. 1997. № 9—11; Фельштинский Г. Ю. Крушение мировой революции. С. 527—530 и др.
- 29 Нежинский Л. Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская Республика. М., 1989; Советская Россия — Венгерская Советская республика, 1919 г.: Документы и материалы. М., 1990; Шевоцуков П. А. Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. М., 1992. С. 24—25.
- 30 Меморандум Льва Троцкого 5.VIII.1919 // Родина. 1990. № 10. С. 12—13; Реввоенсовет республики. С. 27.
- 31 Коминтерн и идея мировой революции. С. 17.
- 32 Литвин М. Украинско-польская война 1918—1919 гг. (на укр. яз) Киев, 1998. Тинченко Я. Первая украинско-большевистская война. (на укр. яз.). Киев—Львов, 1996.
- 33 Полторац С. Н. Победоносное поражение: Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун её 75-летия. СПб., 1994. С. 69.
- 34 Войнов А. М. Отечественная историография советско-польской войны 1920 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 9.
- 35 Даддани Г. Л. Советско-польская война 1919—1920 гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 24—30; его же. Возвращаясь к «чуду на Висле» // Международная жизнь. 1990. № 9. С. 101—110; Манусевич А. Я. Трудный путь к Рижскому миру 1921 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 19—39; Его же. Ещё раз о польско-советской войне 1919—1920 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 93—95; Осташенко А. И. Англо-американская историография советско-польской войны 1919—1920 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 3. С. 79—89; Шевоцуков П. А. Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. М., 1992 (раздел: «Советско-польская война: старые схемы и новые суждения»); Пилсудский против Тухачевского: Два взгляда на советско-польскую войну. М., 1991 и др.
- 36 Польско-советская война 1919—1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). В двух частях. М., 1994; Михутина И. В. Польско-советская война 1919—1920 гг. М. 1994.
- 37 Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918—1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995.
- 38 Полторац С. Н. Указ. соч. С. 216—218.
- 39 Иванов Ю. В. Задолго до Катюши: красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 22.
- 40 Исаев А. П. Война с Польшей: Россия за линией фронта. СПб., 1999; его же. Сибирская глубинка и советско-польская война 1920 г. СПб., 1999.
- 41 Соколов Ю. В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М., 1994.
- 42 Присяжный Н. С. Первая Конная Армия на Польском фронте в 1920 году (Малоизвестные страницы истории). Ростов-н-Д., 1992.
- 43 Войнов А. М. Указ. соч.; Черных М. Н. Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918—1920 годах: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990; Сергомасов М. Ю. Политические аспекты советско-польской войны 1920 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Михутина И. В. Польско-советская война 1919—1920 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1995.
- 44 Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: Легенды и факты. М., 1990; Самусь П. Польские коммунисты и Коминтерн в 1919—1924 годах // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 1. С. 58—70; Подробную библиографию работ польских авторов, а также историографические обзоры их исследований см.: Полторац С. Н. Указ. соч.; Исаев А. П. Война с Польшей.
- 45 Iovonen J. Independence or Incorporation? The Idea of Poland's National Self-determination and Independence and Independence within the Russian and Soviet Socialism from the 1970s to the 1920s. Helsinki, 1990.
- 46 Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920 1921 гг. М., 1996. С. 10.
- 47 Там же. С. 11—12.
- 48 Генис В. Л. Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской советской республики // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 64—81.
- 49 Chaqueri K. The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920—1921 гг. Birth of Trauma. Pittsburgh, 1995.
- 50 Персиц М. А. Указ. соч. С. 56.
- 51 Молоков И. Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920 — 1922 гг. Омск, 1991; Сидоров А. Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке. С. 57—69; Родина. 1990. № 10. С. 53.
- 52 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 4. Д. 1. Л. 2—3.
- 53 Казанджан Р. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920—1922 гг.). М., 1996.
- 54 Старков Б. А. Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 185—208; его же. Панславянская идея в

Советской России. Новые документы, новые подходы. Belgrade, 1996; Кривицкий В. «Я был агентом Сталина» / Составление и предисловие Б. А. Старкова. М., 1991 и др.

Глава 6

- 1 Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; её же. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995; её же. Крах германфильской монархической контрреволюции на юге России в годы гражданской войны и интервенции. Калинин, 1989; Бортневский В. Г. Белое дело: Люди и события. СПб., 1993; Клавинг В. В. Белая Гвардия. СПб., 1999; Свободин В. П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917—1922 гг.). М., 1996; Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917—1918 гг. М., 1996; Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917—1922: Белые армии. М., 1998; см. также вышеназванные работы А. В. Венкова, В. И. Голдина, Ю. Д. Гражданова, С. В. Устинкина и др.
- 2 Белая армия. Белое дело (Екатеринбург); Русское прошлое (Санкт-Петербург); Военная быль (Москва); Белая гвардия (Москва); Новый часовой (Санкт-Петербург).
- 3 Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и белоэмигрантских архивов / Отв. редактор Г. А. Трукан; составители: Л. И. Петрушева и Е. Ф. Теплова. М., 1995; Белое дело. Избранные произведения. М., 1990-е; Белые армии, чёрные генералы / Составитель В. П. Федюк. Ярославль, 1991; От первого лица / Составитель И. А. Анфертьев. М., 1990; Белый Север / Составитель В. И. Голдин в двух выпусках. Архангельск, 1993; Октябрь 1920-го. Последние бои русской армии генерала Врангеля за Крым / Составитель А. И. Дерябин. М., 1995; Гиацинтов Э. Записки белого офицера / Издание подготовил В. Г. Бортневский. СПб., 1992; В поисках новой России (письма Б. А. Бахметьева и В. А. Маклакова) / Составитель О. В. Будницкий // Отечественная история. 1997. № 1, 2, 4 и др.
- 4 Михайлов И. В. Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917—1918 гг. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 198.
- 5 Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998.
- 6 Тормозов В. Т. Советская историография истории белого движения (конец 1920-х—1991 гг.). М., 1994; его же. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998.
- 7 Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; История национальных политических партий России. М., 1997; Набатов Г. В., Медведев А. В., Устинкин С. В. Политическая Россия в годы гражданской войны. Нижний Новгород, 1997; Медведев А. В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны. Нижний Новгород, 1993; Меншевики и меньшевизм. М., 1998; Меншевики в 1918 году / Отв. редакторы В. Галили, А. Ненароков; отв. составитель Д. Павлов. М., 1999; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992; Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг./ Составитель Л. Б. Павлов. М., 1993. Т. 3; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917—1933 / Отв. редактор В. В. Шелохаев. М., 1999 и др.
- 8 См., например: Канищева Н. И. Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период гражданской войны и эмиграции // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 329—342.
- 9 Иоффе Г. З. К вопросу о межпартийных объединениях российской контрреволюции // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность. С. 204—211.
- 10 Brovkin V. N. The Mensheviks after October/ Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca and London, 1987; Dear Comrades. Menshevik Reports of the Bolshevik Revolution and the Civil War / Ed. by V. N. Brovkin. Stanford, 1991; Party, State and Society in the Russian Civil War. Part V: Workers and Socialists.
- 11 Устинкин С. В. Власть и общество в условиях гражданской войны // Отечественная история. 1998. № 3. С. 86.
- 12 Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 22.
- 13 Милуков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 1.
- 14 Медведев А. В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны; Медведев В. Г. Белый режим под красным флагом (Комуч). Ульяновск, 1998; Калягин А. В., Парамонов В. Н. «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского КОМУЧа). Самара, 1995; Маландин В. А. Комитет членов учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997; Голдин В. И. Верховное управление Северной области: особенности формирования и функционирования // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 140—141; Соловьёва И. А. Внутренняя политика Верховного управления Северной области (1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Казанчиев А. Д. Уфимская директория 1918 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996; Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 30—31 и др..
- 15 Swain G. Op. cit. P. 11, 250—251.
- 16 Кронштадт, 1921. М., 1997; Кронштадская трагедия 1921 года. Документы в двух томах. М., 1999; Кронштадская трагедия 1921 года // Вопросы истории. 1994. № 4—7.
- 17 Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. С. 29.
- 18 Устинкин С. В. Власть и общество в условиях гражданской войны. С. 90.
- 19 Ларьков В. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и

- борьба за власть. Томск, 1995. С. 55, 160, 162—163; Зимина В. В. Белое движение и российская государственность. С. 139—140. Численность подпольных антисоветских организаций в Сибири весной 1918 года составляла около 6 тыс. человек. 51,4% в них составляли офицеры. — Ларьков В. С. Дискуссионные и малоизученные вопросы истории антисоветского вооружённого подполья в Сибири (конец 1917 — май 1918 гг.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 4.
- 20 Рыбников В. В., Слободин В. П. Белое движение в годы гражданской войны в России: Сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993. С. 45.
- 21 Слободин В. П. Указ. соч. С. 75.
- 22 Устинкин С. В. Белое движение в годы гражданской войны (1917—1922): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 1996. С. 81.
- 23 Устинкин С. В. Трагедия белой гвардии. С. 8.
- 24 Штыка А. П., Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С. 10—11; Федюк В. П. Деникинская диктатура и её крах. Ярославль, 1989. С. 3.
- 25 Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1990.
- 26 Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
- 27 Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность...: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 14, 31, 34.
- 28 Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность (монография). 380—381.
- 29 Цит. по указанной монографии В. Д. Зиминой. С. 193.
- 30 Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив гражданской войны. Берлин. 1921. Вып. 1. С. 144.
- 31 Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб., 1993; Долгов Л. Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт белых правительств Дальнего Востока (лето 1918 — январь 1920 гг.) // Актуальные вопросы исторической науки. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 33—49; Голдин В. И. К вопросу об экономической политике антибольшевистских правительств в 1918 г. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. Ч. 2. С. 147—151; Михайлов И. В. Аграрные реформы у белых (к постановке проблемы) // Научная конференция «Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание». М., 1999. С. 292—295; Ломкин А. В. Земельная реформа генерала Врангеля // Белое движение на юге России (1917—1920): Известные страницы и новые оценки. М., 1997; Расторгуев С. В. Аграрная политика колчаковского правительства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность. Гл. 5 и др.
- 32 Аманжолова Д. А. Национальная политика А. В. Колчака (1918—1919 годы) // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1994. № 1(7). С. 32; Тормозов В. Т. Белое движение и национальный вопрос. М., 1997.
- 33 Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 34.
- 34 К уже упоминавшимся работам А. В. Венкова, Ю. Д. Гражданова, В. Д. Зиминой, С. В. Устинкина и В. П. Федюка добавим совместную работу последнего соавторстве с А. И. Ушаковым «Белый юг, ноябрь 1919 — ноябрь 1920». М., 1997, а также: Веркеенко Г. П., Минаков С. Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993; Карпенко С. В. Крах последнего белого диктатора. М., 1989; Белое движение на юге России (1917—1920): Известные страницы и новые оценки / Глав. редактор А. С. Кручинин. М., 1997; Октябрь 1920-го. Последние бои русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995; Венков А. В. Почему антибольшевистские армии на юге России потерпели поражение? // Донской юридический институт. Учёные запасы. Т. 6. Ростов-на-Дону, 1997.
- 35 Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны / Отв. редактор В. И. Шишкин. Новосибирск, 1997; История «белой» Сибири. Кемерово, 1995, 1997, 1999; Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1996; Куцый В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. Владивосток, 1994; Перейра Н. О. Г. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996; Pereira N. G. O. White Siberia: The Politics of Civil War. McGill-Queen's University Press, 1995; Smele J. D. Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918—1920. Cambridge, 1996.
- 36 Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918—1920 гг.; его же. Крушение «северо-западной» контрреволюции 1918—1920 гг. (Начало борьбы). Л., 1990; Аграшенков А. В. Северо-западная армия Н.Н. Юденича: роль идеологии в её поражении. М., 1992; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере; его же. Контрреволюция на Севере России и её крушение. (1918—1920 гг.). Вологда, 1989 и др..
- 37 Российская провинция в годы революций и гражданской войны 1917—1922. Нижний Новгород, 1998.
- 38 Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917—1922: Национальные армии. М., 1998; История национальных политических партий России. М., 1997; Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тбилиси. 1990; Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.). Горская республика (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994; Балаев А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917—1920 гг. Баку, 1995; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм в России. История движения Алаш. М., 1994; Ментешавили А. М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918—1921 гг.). Тбилиси, 1990; Украинская государственность в XX веке. Киев, 1996; Федюк В. П. Украина в 1918 году. Гетман Скоропадский. Ярославль, 1993; Скоропадский П. Мемуары (конец 1917 — декабрь 1918) (на укр. яз.). Киев—Филадельфия, 1995; Симон Петлюра. Избранные сочинения и документы (на укр. яз.). Киев, 1994; Симон Петлюра та його Родина. Киев, 1996; Литвин М.

- Украинско-польская война 1918—1919 гг. (на укр. яз.). Львов, 1998; Суни Р. Г. Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская гражданская война // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 215—243 и др.
- 39 Ушаков А. И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993; Хезиев Р. А. Традиции изучения в отечественной историографии литературы русского зарубежья о гражданской войне // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI—XX вв. Уфа, 1996. С. 84—90.
- 40 Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность (монография). С. 201.
- 41 Богданов К. А. Адмирал Колчак: биографическая повесть-хроника. СПб., 1993; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-н-Д., 1998; Власов Ю. Огненный крест. Гибель адмирала. М., 1993; Бортневский В. Г. Белое дело: люди и события. СПб., 1993; Голдин В. И. Контрреволюция на Севере России и её крушение. Вологда, 1989; Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; История «белой» Сибири в лицах: биографический словарь / Составитель С. П. Звягин. СПб., 1996; Клавинг В. В. Белая гвардия. СПб., 1999; его же. Кто был кто в белой гвардии? СПб., 1998; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооружённых сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). М., 1997; Федюк В. П. Украина в 1918 году. Гетман Скоропадский. Ярославль, 1993; Белое движение на юге России (1917—1920): неизвестные страницы и новые оценки; Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993; Волков Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен жизни барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993; Козлов А. И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 54—73; Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский // Там же. 1997. № 9. С. 61—81; Цветков В. Ж. Пётр Николаевич Врангель // Там же. № 7. С. 54—80; Соловьёва И. А. Николай Васильевич Чайковский // Там же. № 5. С. 38—48; Голдин В. И. Николай Чайковский в революции и контрреволюции // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 121—140; его же. Испытания длиной в жизнь: судьба генерала Евгения Миллера // Там же. 1996. № 1. С. 46—69; Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность. Гл. 4 и др.
- 42 Игрицкий Ю. И. Указ. соч. С. 68.
- 43 Ростовский историк А. И. Козлов утверждал, что «казачий сепаратизм, особенно кубанцев, добывал белое движение, взрывал его изнутри, стал важнейшей причиной его краха» (Козлов А. И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 69).
- 44 Pereira N. G. O. Siberian Atamanschina: Warlordism in the Russian Civil War // The Bolsheviks in Russian Society. P. 122—140; Мамонов В. Ф. Гибель Русской Вандеи; Гражданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году; Наумов И. В. Сибирская атаманщина 1918—1920 гг. в освещении отечественных историков // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 62—63.
- 45 Венков А. В. Антибольшевистское движение на Юге России. С. 105.
- 46 Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело. С. 233.
- 47 Козерод О. В., Бриман С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины: 1919—1920 гг. Харьков, 1996; Курас Л. В. Атаман Семёнов и «еврейский вопрос» // История «белой» Сибири. С. 46—50. По некоторым данным, на Украине в результате погромов белогвардейцев было уничтожено до 120 тыс. евреев. — Михайлов И. В. Штрихи к психологии белого террора // Человек и революция: социально-психологический аспект. С. 184.
- 48 Кенез П. Идеология белого движения // Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 278.
- 49 Бернштам М. Указ. соч. С. 74; Волошина В. Ю. Об эволюции отношения интеллигенции к «белому» движению // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 114—115.
- 50 Mawdsley E. The Russian Civil War. London, 1987. P. 279.
- 51 Никитин А. Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. М., 1997. С. 58.
- 52 Цит. по: Революция и человек: социально-психологический аспект. С. 188.
- 53 Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 69.
- 54 Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Владивосток, 1997; Шмелёв А. В. Внешняя политика правительства Колчака (1918—1919 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. См. также указанные ранее работы В. И. Голдина, Ю. Д. Гражданова, В. Д. Зиминой, Н. Г. Думовой и В. Г. Трухановского, С. Г. Лившица, М. Кеттла, М. Карли, Д. Фоглесонга, а также коллективные монографии об истории интервенции.
- 55 См. вышеназванные работы В. Д. Зиминой и Ю. Д. Гражданова, А. В. Смолина, В. П. Федюка, А. В. Венкова; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // Отечественная история. 1995. № 3. С. 135—147. и др.
- 56 Гражданов Ю. Д., Зими́на В. Д. Союз орлов. С. 194—196, 248—249.
- 57 Интервенция на Северо-Западе России; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере; его же. Финляндия и Северная область в годы гражданской войны в России // Тезисы XII конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993. Ч. 1. С. 6—8; Мусаев В. И. Юденич и проблема участия Финляндии в антисоветской интервенции в 1919 г. // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М. — СПб., 1992. С. 173—195; Рупасов А. И. К. Г. Маннергейм и «русский вопрос» (кон. 1918 — лето 1919 г.) // Там же. С. 154—172; Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 56—74; Vihavainen T. Suomi neuvostolehdistö 1918—1920. Helsinki, 1988 и др.

- 58 Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело. С. 271—276.
- 59 Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история. 1995. № 5. С. 88—100; Греков Н. В. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 58—62.

Глава 7

- 1 Яковлев Е. Первое правительство // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 195—205; Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 8—48.
- 2 Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923. М., 1995; его же. Влияние гражданской войны на формирование советской политической системы // История СССР. 1989. № 5; Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб., 1997; Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология в 1917—1922 гг. М., 1997; Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму: 1917—1929. М., 1994; Морозов С. К. Большевики у власти: Октябрь 1917—1920: Уроки политической истории. М., 1990; Розин Э. Ленинская мифология государства. М., 1996 и др.
- 3 Леонов С. В. Советская государственность: замыслы и действительность // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 41.
- 4 Коржихина Т. П. Извольте быть благонадёжны! М., 1997. С. 10—11.
- 5 Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 223—224.
- 6 Леонов С. В. Создание советской государственности: теория и практика (1917—1922 гг.): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. С. 38.
- 7 Шишкин В. А. Указ. соч. С. 19—20, 35; История российской государственности. М., 1995. С. 164—169.
- 8 Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 369.
- 9 Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. С. 119.
- 10 Малаков Р. А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918—1920-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской губерний): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999.
- 11 Бордюгов Г. А., Козлов В. А. «Военный коммунизм». С. 115—116.
- 12 Поляков Ю. А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 294.
- 13 См. например: Siegelbaum L.H. Soviet State and Society between Revolutions, 1918—1929. Cambridge, 1992; Party, State and Society in the Russian Civil War; Critical Companion to the Russian Civil War. Part V: Institutions and Institutional Cultures, etc.
- 14 Haimson L. H. Civil War and the Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia // Party, State and Society. P. 24—46; Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience //

- Bolshevik Culture. P. 57—76; Action E. The Revolution and its Historians / Critical Companion to the Russian Revolution. P. 10.
- 15 Хильдермайер М. Цена победы: гражданская война и её последствия // Гражданская война: перекрёсток мнений. С. 320.
- 16 Саква Р. Переосмысливая «военный коммунизм» // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 147.
- 17 Service R. The Bolshevik Party // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 243.
- 18 Harding N. Leninism; Pipes R. The Russian Revolution; Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime; LeBlanc P. Lenin and the Revolutionary Party; Sakwa P. Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War 1918—1921. London, 1988; Burbank J. Intelligentsia and Revolution. New York—Oxford, 1986; Bonnel V. E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1998, Service R. The Bolshevik Party // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 232—244, etc.
- 19 Kenez P. The Prosecution of Soviet History. Volume 2 // The Russian Review. Vol. 54. 1995. P. 268.
- 20 Суни Р. Г. Социал-демократы у власти: меньшевистская Грузия и русская гражданская война // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 215—216.
- 21 Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Там же. С. 265.
- 22 Гражданская война: перекрёсток мнений. С. 265, 218.
- 23 Цит. по: Гражданская война: перекрёсток мнений. С. 217.
- 24 Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. Гл. V. Автор, в частности, исследуя создание и взаимоотношения Политбюро и Оргбюро ЦК большевиков, не без известных на то оснований указывает, что «сформировалось коренное, неустранимое противоречие между государственным функционализмом и системой кадровой власти, которое отныне и до конца являлось источником дуализма в политической структуре, созданной коммунистической партией» (с. 173). С начала 1920 по начало 1921 года было распределено на руководящие должности более 42 тыс. членов партии (Гражданская война: перекрёсток мнений. С. 320).
- 25 Саква Р. Указ. соч. С. 156.
- 26 Дискуссии в РСДРП(б)—РКП(б) 1917—1920 гг. М., 1990; Kowalski R. J. The Bolshevik Party in Conflict. Pittsburgh, 1991; Holmes L. E. For the Revolution Redeemed: The Workers Opposition in the Bolshevik Party // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 802. Pittsburgh, 1990; Daniels R.V. The Communist Opposition From Brest-Litovsk to the Tenth Party Congress // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 245—255.
- 27 Read C. Values, Substitutes, and Institutions: The Cultural Dimension of the Bolshevik Dictatorship // The Bolsheviks in Russian Society. P. 298—318.
- 28 Гражданская война: перекрёсток мнений. С. 320.
- 29 Левин М. Указ. соч. С. 267.

- 30 Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «красного Октября». С. 197.
- 31 Киселёв А. Ф. Профсоюзы и советское государство. (Дискуссии 1917—1920 гг.). М., 1991; Черняк Э. И. Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Съезды, конференции, совещания. Томск, 1991; Shkliarevsky G. Labor in the Russian Revolution: Factory Committees and Trade Unions, 1917—1918. New York, 1993.
- 32 Киселёв А. Ф. Профсоюзы и советское государство. (Дискуссии 1917—1920 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 37.
- 33 Там же. С. 39.
- 34 Hagen M. Von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca and London, 1990. P. 4—5.
- 35 Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1917—1922. Cambridge, 1988; Молодцыгин М. А. Красная армия: рождение и становление. 1917—1920 гг. М., 1997; Реввоенсовет Республики; Присяжный Н. С. Чрезвычайные органы снабжения Красной армии в годы гражданской войны 1918—1921 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993; Сикорский Е. А. Военно-организационная и массово-политическая деятельность большевиков Смоленского края в период гражданской войны (Октябрь 1917 г.—1920 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993 и др.
- 36 Benvenuti F. Op. cit. P. 2—3; Hagen M. Op. cit. P. 5.
- 37 Волкогонов Д. А. Сталин. В двух книгах. М., 1998; его же. Троцкий. Политический портрет. В двух книгах. М., 1998; его же. Ленин. В двух книгах. М., 1998; Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996; Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. М., 1999; Васецкий Н. А. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992; Исторические портреты / Под общей редакцией Г. Н. Севастьянова. М., 1993 и др.
- 38 Большой интерес в связи с этим представляет, например, сопоставление двух сборников документов, извлечённых из Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и опубликованных в 1996 году под редакцией Р. Пайпса в США под названием «The Unknown Lenin. From the Secret Archive» (New Haven and London, 1996) и «В. И. Ленин. Известные документы. 1891—1922 гг. (М., 1999) под редакцией Ю. Н. Амиантова, Ю. А. Ахапкина и В. Т. Логинова. В первый включено 113 документов, во второй — 422 документа, но главное — это принципиальные расхождения в направленности и комментариях к сборникам.
- 39 Pomper P. Lenin, Trotsky, Stalin. The Intelligentsia and Power. New York, 1990; Service R. Lenin: A Political Life. In three volumes. London, 1985—1995; Clark R. W. Lenin. The Man behind the Mask. London and Boston, 1988; LeBlank P. Lenin and the Revolutionary Party; The Trotsky Reappraisal; Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879—1929. М., 1990 и др.
- 40 Blank S. The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917—1924. Westport, CT, 1994. P. 126.
- 41 Кетола Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 300, 304—307.
- 42 Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. С. 321—323.
- 43 Там же. С. 337—338.
- 44 Исхаков С. М. Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. С. 207—237; Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики. Уфа, 1992; Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6; Чокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (к характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата, 1993; Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994 и др.
- 45 Украинская государственность в XX веке. Киев, 1996; Тинченко Я. Перша Українсько-більшевістська війна (грудень 1917 — березень 1918). Київ—Львів, 1996 и др.
- 46 Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. С. 253—260.
- 47 Там же. С. 262; Бруцкус Б. Д. Еврейское население под коммунистической властью // Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Редактор-составитель О. В. Будницкий. М.-Иерусалим, 1999. С. 297—299; Присяжный Н. С. Указ. соч.; Анатомия революции. С. 339.
- 48 Suny R. G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993. P. 89—83; Suny R. G. Nationality Policies // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 663—664.
- 49 Моцелков Е. Н. Национально-государственная проблема в переходном процессе: опыт России (1917—1922 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 17—37.
- 50 Суни Р. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции. С. 291.
- 51 Иоффе Г. З. Россия, вставшая на дыбы ...// Наука и жизнь. 1993. № 1. С. 13.
- 52 См., например: Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917—1923. Basingstoke, 1999, а также указанные ранее работы В. П. Булдакова, Е. Н. Моцелкова, Р. Г. Суни, В. А. Шишкина и др.
- 53 Левин М. Указ. соч. С. 257.
- 54 Бортневский В. Г. Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бури гражданской войны. С. 102—103.
- 55 Зальсин И., Смагин А. Ящик Пандоры (террор в двух великих революциях) // Общественные науки. 1990. № 4. С. 120.
- 56 Там же. С. 123.
- 57 Figes O. A People's Tragedy. P. 810.
- 58 Литвин А. Л. Красный и белый террор в России в 1917—1928 гг.

- // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46—62; Рыбаков А. М. Проблемы насилия и террора в Октябрьской революции и гражданской войне: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Петров Г. Н. Диалектика соотношения «белого», «красного» террора и террора интервентов в годы гражданской войны в России (1917—1920 гг.). М., 1999; Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Б. м., 1997; Одесский М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997; Шевоцуков П. А. Страницы истории гражданской войны. С. 18—22; Овруцкий Л., Разгон А. Террор угнетённых и террор победителей // Родина. 1990. № 5. С. 37; Ратьковский И. С. Постановка вопроса о красном терроре и ВЧК в отечественной историографии // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 131—135 и др.
- 59 Цит. по: Зими́на В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. С. 134.
- 60 Степанов А. И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917—1922 гг. // Революция и человек: социально-психологический аспект. С. 205.
- 61 Михайлов И. В. Штрихи к психологии белого террора // Человек и революция: социально-психологический аспект. С. 184—188.
- 62 Степанов А. И. Указ. соч. С. 204.
- 63 Родина. 1990. № 10. С. 15.
- 64 «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 139—168.
- 65 Будницкий О. В. История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996; Гельфман Э. Революционный террор в России. М., 1997.
- 66 Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. С. 203.
- 67 См. указанные работы А. И. Степанова, В. П. Булдакова, А. Л. Литвина и других авторов.
- 68 Литвин А. Л. ВЧК в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1986. № 5.
- 69 Голдин В. И. Советские спецслужбы: эпоха становления // Гражданская война в России и на Русском Севере. С. 49—57.
- 70 Майми́стов Л. Н. и др. Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия (1918—1922). 2-е изд. Харьков, 1990; Кутузов В. А., Лелюхин В. Ф. и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987; Штейнберг В. Екаб Петерс. М., 1989; Леоновский Дм. Будни Петроградской ЧК. Роман-хроника. Перелистывая протоколы ЧК (июнь — июль 1919 г.) Л., 1985 и др.
- 71 Костин Н. Д. Суд над террором. М., 1990; его же. Выстрел в сердце революции. М., 1989; Фанни Каплан: «Я стреляла в Ленина» (Попытка документального расследования покушения на В. И. Ленина) / Составитель и автор комментариев Б. М. Сударушкин. Рыбинск, 1990; Бортневский В. Г. Указ. соч.; Велидов А. Домыслы и факты о деятельности ВЧК // Военно-исторический журнал. 1990. № 4; Кулышев Ю. Ленин и красный террор // Совесть. 1990. № 1 и др.
- 72 Изданные в своё время за рубежом работы С. П. Мельгунова, Р. Гуля, Г. Агабекова, В. Кривицкого и др., а также: ВЧК—ОГПУ / Сост. Фельштинский Ю. Vermont, 1989; Красный террор в годы гражданской войны / Редактор-составитель Фельштинский Ю. и др.
- 73 Бортневский В. Г. Документы Трилиссера и новая книга Ю. Фельштинского // Отечественная история. 1997. № 1. С. 182—184.
- 74 Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917—1941). Уфа, 1994; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922. Казань, 1995.
- 75 Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина? Казань, 1995; Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996.
- 76 Петров М. Н. ВЧК—ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995.
- 77 Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999; Ямпольский В. П. Японская разведка против СССР в 1918—1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 11; Ратьковский В. С. Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996; Романовская В. Б. Репрессивные органы в России XX века. Нижний Новгород, 1996; Бакунин В. А. Деятельность вятской губЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918—сер. 1919 года) // Из истории вятских спецслужб и полиции (2-я пол. XIX — 1-я пол. XX вв.). Киров, 1998 и др.
- 78 Провинциальная ЧК: Сборник документов и материалов о деятельности Всеукраинской ЧК. Харьков, 1994; Шаповал Ю и др. ВЧК — ГПУ — НКВД на Украине: люди, факты, документы. Киев, 1997 (на укр. яз.); Билас И. Репрессивно-карательная система на Украине 1917—1953. Документы и материалы. В двух частях. Киев, 1994 (на укр. яз.).
- 79 Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы; Леонов С. В. Рождение советской империи; Павлюченков С. В. Военный коммунизм в России: власть и массы. Гл. VI; Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин; Олех Г. Л. Кровные узы: РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999 и др.
- 80 Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917—1922) // Свободная мысль. 1998. № 6.
- 81 Леонов С. В. Создание советской государственности. С. 34.
- 82 Кричевский Л. Евреи в аппарате ВЧК—ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция. С. 321—348; Литвин А. Л. Указанная монография.
- 83 Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.
- 84 Измозик В. Л. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением в Советской России в 1918—1928 годах. СПб., 1995; его же. Политический контроль в Советской России. 1918—1928 гг. : Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1995.
- 85 Кронштадт, 1921 год. М., 1997; Кронштадская трагедия 1921

- года. Документы в двух томах. М., 1999; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1921—1928 гг. Петрозаводск, 1997; Павлов Д. Б. Репрессии в отношении членов социалистических партий и анархистских организаций в первое пятилетие «пролетарской диктатуры» // *Меньшевики и меньшевизм*. М., 1998 и др.
- 86 Архивы Кремля. Политбюро и церковь. В двух томах. М., 1996—1997; Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917—1930-е гг.). Волгоград, 1997; Латышев А. Г. Указ. соч. С. 158—159, 165—171; Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992 и др.
- 87 Зданович А. Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет республики «потеряли» контрразведку // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 3, 5; его же. Четыре попытки Дзержинского // *Новости разведки и контрразведки*. 1998. № 17; его же совместно с И. И. Васильевым. Анатомия одного конфликта // *Гражданская война в России и на Русском Севере*.
- 88 Мчелин Л. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999; Некрасов В. Ф. 13 железных наркомов. М., 1995; Ковалёв В. А. Два наркома. М., 1995; Велидов А. С. Похождения террориста. М., 1998; Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымыслы о моём отце. Кн. 1. М., 1998; Гладков Т., Зайцев Н. И я ему не могу не верить... М., 1987; Зданович А. Генрих Ягода в Особом отделе ВЧК // *Диалог*. 1999. № 2. С. 57—59; Литвин А. Л. От анархо-коммунизма к ГУЛАГу: к биографии Генриха Ягоды // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция. С. 299—314 и др.
- 89 Царёв О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995.
- 90 Очерки истории внешней разведки. Т. 2. М., 1996; Прянишников В. Незримая паутина. ВЧК—ГПУ—НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993; Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998; Гоголь В. А. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. М., 1993; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. В двух книгах. М., 1999; Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статьи 1—2 // *Свободная мысль*. 1998. № 5, 6; Адиев Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна 1919—1943. М., 1997 и др.
- 91 Бортневский В. Г. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны // *Отечественная история*. 1995. № 5. С. 88—100; Греков Н. В. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // *История «белой» Сибири*. Кемерово, 1997. С. 58—62.
- 92 Эдельман Дж. Историческое значение русской гражданской войны // *Гражданская война в России: перекрёсток мнений*. М., 1994. С. 375.
- 93 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва. М., 1990; Parish M. *Soviet Security and Intelligence Organizations, 1917—1991*. NY, 1992; Yost G. *The KGB: the Russian Secret Police from the Days of the Tsars to the Present*. NY, 1989; Deriabin P., Bagley T. H. *KGB: Masters of the Soviet Union*. New York, 1990; Dziak J. J. *Chekysty. A History of the KGB*. Lexington, Massachusetts, Toronto, 1988, etc.
- 94 Спенс Р. Б. Сидней Рейли — мастер шпионажа. Новый взгляд на его роль в «заговоре Локкарта» // *Отечественная история*. 1996. № 4. С. 44—59; Фолиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. М., 1997. Т. 1; Knightley P. *The Second Oldest Profession. The Spy as Bureaucrat, Patriot, Fantasist and Whore*. London, 1986; Andrew C. *Secret Service. The Making of the British Intelligence Community*, 1985; Rhoer E. *Master Spy. A True Story of Allied Espionage in Bolshevik Russia*. New York, 1981; Foglesong D. S. *American Secret War against Bolshevism*; Ainsnorth J. *Sidney Reilly's Reports from South Russia, December 1918 — March 1919* // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 50. No 8. P. 1447—1470; Фоглезонг Д. С. *Американский шпион* // *Родина*. 1994. № 5. С. 32—38 и др..
- 95 Teague-Jones R. «alias» Ronald Sinclair O. B. E. M. B. E. (Mi I). *The Spy who disappeared. Diary of a Secret Mission to Russian Central Asia in 1918*. L., 1990.
- 96 Леонов С. В. Проблема создания ВЧК // *Гражданская война в России и на Русском Севере*. С. 39—40.
- 97 Берхин И. Б. Так что же такое «военный коммунизм»? // *История СССР*. 1990. № 3. С. 131—142; Булдаков В. П., Кабанов В. В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // *Вопросы истории*. 1990. № 3. С. 40—58; Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986; его же. Политика «военного коммунизма». Проблемы и опыт // *Вопросы истории КПСС*. 1990. № 2. С. 71—86; «Военный коммунизм»: Как это было (по материалам «круглого стола». М., 1991; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства*. М., 1991 и др.
- 98 Мау В. Реформы и догмы. 1914—1929. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
- 99 Дмитренко В. П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // *Происхождение и начальный этап гражданской войны*. 1918 год. Ч. 2. С. 95—96; Дамье В. В. Революция: народ и власть // *Там же*. С. 16.
- 100 Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России; *Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа* и др.
- 101 Телицын В. Л. Сквозь тернии «военного коммунизма». Крестьянское хозяйство Урала в 1917—1921 гг. М., 1998. С. 171.
- 102 Присяжный Н. С. Экономическая чума: военный коммунизм в России. Историко-экономический анализ. Ростов-на-Дону, 1994.
- 103 Кабанов В. В. Послесловие к указанной монографии В. Л. Телицына. С. 211.
- 104 Malle S. *The Economic Organization of War Communism, 1918—1921*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne,

- Sydney, 1985; Davies R. W. (ed.). *From Tsarism to the New Economic Policy*. Uthaca, New York, 1990; McAuley. *Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917—1922*. Oxford, 1991; Malle S. *War Communism // Critical Companion to The Russian Revolution*. P. 645—658; Саква Р. Переосмысливая «военный коммунизм» // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. С. 133—168; Ноув А. *Военный коммунизм: почему, для чего?* // Там же. С. 168—173 и др.
- 105 Malle S. *The Economic Organization of War Communism*. P. 23—24; Farber S. *Before Stalinism*. P. 46—47.
- 106 Malle S. *War Communism*. P. 645.
- 107 Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Указ. соч.
- 108 Павлюченков С. А. *Военный коммунизм в России*. С. 91.
- 109 Там же. С. 79.
- 110 Новиков С. Г. 1918 год: начало советского этатризма // *Происхождение и начальный этап гражданской войны*. Ч. 2. С. 28.
- 111 См. публикации в разделе «Проблемы экономики России в годы гражданской войны» в сб.: *Происхождение и начальный этап гражданской войны*. Ч. 2; Кабанов В. В. *Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма*. М., 1988; его же. *Кооперация, революция, социализм*. М., 1996; его же. *Крестьянская община и кооперация России XX века*. М., 1997; Мамонов В. Ф. *К творчеству нового (социалистические преобразования в условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны*. Свердловск, 1988; Полшкова Л. Б. *Экономическая политика Советской власти в годы гражданской войны на Урале*. М., 1998; Илюхов А. А. *Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.)*. Смоленск, 1998; Суворова Л. Н. *За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история*. 1993. № 4. С. 48—59; Файн Л. Е. *Военно-коммунистический «эксперимент» над российской кооперацией (1918—1920 гг.) // Вопросы истории*. 1997. № 11. С. 25—41; Давыдов А. Н. *Мещочничество и советская продовольственная диктатура 1918—1922 // Там же*. 1994. № 3. С. 41—54; Зайченко И. М. *Продовольственная политика советской власти в 1918—1920 гг.* // *Центральный музей революции*. Вып. 19. М., 1991. С. 60—71; Lih L. T. *Bread and Authority in Russia, 1914—1921*. Berkeley, 1990; Lih L. T. *Grain Monopoly and Agricultural Transformation: Ideals and Necessities // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 621—632, etc.
- 112 Павлюченков С. А. *Военный коммунизм в России*. С. 89.
- 113 Неизвестный Богданов. — Статьи, доклады, письма, воспоминания. Кн. 1. М., 1995. С. 190.
- 114 Коган Л. А. *Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории*. 1998. № 2. С. 123—125; 132—133; Шарапов Ю. П. *Ленин и Богданов. От сотрудничества к противоборству*. М., 1998; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. *«Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? С. 50—51; Богданов А. А. Вопросы социализма*. М., 1990 и др.
- 115 Саква Р. Указ. соч. С. 136.
- 116 Коган Л. А. С. 126.
- 117 Там же. С. 132.
- 118 Телицын В. Л. Указ. соч. С. 198.
- 119 Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры 1917—1927 / Ответственный редактор М. П. Ким. М., 1985; *Советская культура: 70 лет развития / Ответственный редактор академик Б. Б. Пиотровский*. М., 1987; В. И. Ленин о культуре / Составители А. И. Арнольдов и И. К. Кучмаева. М., 1985; *Культурное строительство в СССР 1917—1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы / Ответственный редактор А. П. Ненароков*. М., 1989; Баллер Э. А. *Социальный прогресс и культурное наследие*. М., 1987.
- 120 Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. С. 25—26.
- 121 *Анатомия революции*. С. 356—417.
- 122 Ахиезер А. С. *Социокультурные проблемы развития России. Философский аспект*. М., 1992; Голомшток И. *Тоталитарное искусство*. М., 1994; Ильин В. Н. *Религия революции и гибель культуры*. М., 1994; Киселёв Г. С. *Трагедия общества и человека*. М., 1992 и др.
- 123 Киселёва Т. Г., Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю. *Культура и революция: историческая хроника первых послеоктябрьских десятилетий*. М., 1998. С. 6, 30.
- 124 Андрианова Н. Ю. А. А. Богданов: к вопросу авторства теории культурной революции // *Научная конференция «Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание*. С. 188—189.
- 125 Коржихина Т. П. *Извольте быть благонадежны!* М., 1997. С. 19.
- 126 Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, New York, 1992; Michael David-Fox. *What is Cultural Revolution; Fitzpatrick S. Cultural Revolution Revised // The Russian Review*. 1999. Vol. 58. № 2, etc.
- 127 *Culture and Revolution / Edited by P. Duker and J. Dunkley*. London, 1990. P. 1.
- 128 *Анатомия революции*. С. 406.
- 129 Read C. *Bolshevik Cultural Policy // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 492—493; Read C. *Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. London, 1990; Markov A. *Education, Schools and Student Life // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 334—345; О'Коннор Т. Э. *Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры*. М., 1992; Чанбарисов Ш. X *Формирование советской университетской системы*. М., 1988; Сиверцева Н. Л. *Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы // Социс*. 1994. № 3. С. 70—75; Куманёв В. А. *Воплощение ленинских принципов народного просвещения в первые годы советской власти // Советская культура. 70 лет развития*. С. 93—100; Колыхалов Д. В. *Важнейшие мероприятия школьной политики Советской власти*

- в 1917—1920 гг. // Научная конференция «Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание». С. 291—294; Марков А. Р. Студенчество Петрограда в 1914—1925. Социально-психологический облик: Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 1997 и др.
- 130 Галин С. А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917—1925). М., 1990; Ball A. M. And Now my Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930. Berkeley and London. 1994.
- 131 Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929. Cambridge, 1985; Галин С. А. Указ. соч. и др.
- 132 Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York and Oxford, 1989. P. 3, 6,
- 133 Geldern J. Bolshevik Festivals 1917—1920. Berkeley and Los Angeles, London, 1993.
- 134 Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917—1932. М., 1984; Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов. От сотрудничества к противостоянию; Mally L. Culture of the Future: The Proletkul't Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990; Gorzka G. Bogdanow und der russische Proletkult. Theorie und praxis einer sozzialistischen Kulturrevolution. Frankfurt und New York, 1980; Sochor Z. Revolution and Culture: The Bogdanov — Lenin Controversy. Ithaca, 1988.
- 135 Полонский В. На литературные темы. М., 1968. С. 158.
- 136 Киселёва Т. Г., Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю. Указ. соч. С. 17; Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917—1932. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 1985, С. 25.
- 137 Пинегина Л. А. Автореф. дисс. С. 25.
- 138 Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов. От сотрудничества к противостоянию. Глава V; Баллер Э. А. Указ. соч. С. 126—129.
- 139 См., например, указанную монографию Т. П. Коржихиной, С. 42—47.
- 140 Там же. С. 21.
- 141 Там же. С. 31—32, 326.
- 142 Там же. С. 99—102.
- 143 Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенографический отчёт. М., 1963. С. 153.
- 144 Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917—1929. СПб., 1994; Протесты Всероссийского Союза писателей против цензуры террора (1920—1921 гг.) / Публикация подготовлена А. И. Блюм // Вопросы литературы. М., 1994. Вып. 4. С. 275—283.
- 145 Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985; Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987 и др.
- 146 Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция. С. 29—32.
- 147 Литвин А. Л. Интеллигенция России периода гражданской войны // Интеллигенция и революция. С. 215.
- 148 Burbank J. Intelligentsia and Revolution. Views on Bolshevism 1917—1922. Oxford, New York and Toronto. 1986. Party, State and Society in the Russian Civil War. Chapter IV: The Bolsheviks and the Intelligentsia; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1919—1925). Сборник документов / Отв. редактор В. Л. Соскин; составитель С. А. Красильников. Новосибирск, 1997; Решетова Н. А. Интеллигенция Дона и революция (1917—1-я пол. 1920-х гг.). М., 1997 и др.
- 149 Анатомия революции. С. 416—417; Токарев Е. А. Театральная интеллигенция России в 1917—1926 гг. // Проблемы отечественной истории. М., 1994. Вып. 3. С. 87—113; Fitzpatrick Sh. The Civil War as a Formative Experience. P. 72—73; Киселёва Т. Г., Стрельцова Е. Ю. Стрельцова Е. Ю. Указ. соч. С. 26—27.
- 150 Чиркова Е. М. К вопросу о взаимоотношениях интеллигенции и советской власти в 1917—1920 гг.: сотрудничество или противостояние? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение и литературоведение. 1993. Вып. 1. С. 90—91.
- 151 Левин М. Указ. соч. С. 263.
- 152 Степанов А. И. «Классовый паёк» и социальная мобильность творческой интеллигенции в годы революции и гражданской войны // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. С. 116—121.
- 153 Pomper P. Lenin, Trotsky, Stalin. The Intelligentsia and Power. New York, 1990; Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience. P. 72—73; Липицкий С. В. Сталин в гражданской войне // История и сталинизм. М., 1991; О'Коннор Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992 и др.
- 154 Православная российская церковь — название, принятое на Поместном соборе 1917—1918 гг. Нынешнее наименование «Русская православная церковь» было установлено при выработке нового Положения на соборе 1945 г.
- 155 Одинцов М. И. Государство и церковь. 1917—1938. М., 1991. С. 7—8.
- 156 Проект документа под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» был обсуждён в ночь на 21 января 1918 года. Он был принят с учётом ленинских поправок и дополнений и опубликован в «Правде» и «Известиях ВЦИК» 21 января. Но спустя несколько дней он был помещён в официальных изданиях под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которое впоследствии и закрепилось в литературе.
- 157 Паспеловский Л. Православная российская церковь и гражданская война // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 109—110; Бернштам М. Указ. соч. С. 23—25; Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в России (октябрь 1917 — кон. 1930-х годов). Волгоград, 1997. Обратим внимание на публикацию списков репрессированных в специальном издании: За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную церковь. 1917—1956. Кн. 1. А—К. М., 1997.

- 158 Shkarovskii M. V. *The Russian Orthodox Church // Critical Companion to the Russian Revolution*. P. 422.
- 159 Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 1997; Крапивин М. Ю. Указ. соч. и др. Последний, в частности, утверждает, что от войны законов (октябрь 1917 — весна 1918 гг.) советская власть переходит к церковному террору, длившемуся с лета 1918 по лето 1919 года. Наряду с этим, велась непримиримая борьба с религиозной идеологией, вводилась новая революционная обрядность. Но сформировать систему атеистической работы в годы гражданской войны оказалось невозможным. — Указ. соч. С. 39.
- 160 Shkarovskii M. V. *Op. cit.* P. 423.
- 161 Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется. Критические очерки истории борьбы с религией в СССР; Архивы Кремля. Политбюро и церковь. В двух томах; Крапивин М. Ю. Указ. соч. С. 80—89; Klinghoffer A. J. *Red Apocalypse. The Religious Evolution of Soviet Communism*. Lanham, MD. 1996, etc.
- 162 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 192—193.
- 163 Wood E. *The Baba and Comrade; Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, 1997; Goldman W. *Women, the State and Revolution; Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. New York, 1993; Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism 1869—1930*, 2nd edn. Princeton, 1991; Clements B.E. *Daughters of Revolution: a History of Women in the USSR* Altington Heights, IL, 1994; Clements B. E., *Bolshevik Women*. Cambridge, 1997; Clemets B. E., Engel B. A. and Worobec C. D. (eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991; Naiman E. *Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton and New York, 1997; Kruks S., Rapp R. And Young M.B. (eds.) *Promissory Notes: Women in the Transition to Socialism*. New York, 1989, etc.
- 164 Пушкарёва Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопросы истории*. 1998. № 6. С. 76—86.
- 165 Brovkin V. N. *Mobilization, Utilization, and the Rhetoric of Liberation: Bolshevik Policy Toward Women // The Bolsheviks in Russian Society*. P. 212—214.
- 166 Кенез П. Западная историография гражданской войны в России. С. 191. Из изданных в последние годы работ об Инессе Арманд отметим, например, книгу: Elwood R. *Inessa Armand, Revolutionary and Feminist*. Cambridge, 1992. В отличие от стремления к идеализации женщин-революционерок в советское время мы наблюдаем иную тенденцию в современной российской литературе: Ицелев Л. И. Александра Коллонтай — дипломат и куртизанка. М., 1997.
- 167 См. работы, названные в сноске 163.
- 168 Помимо вышеназванных[работ см.: Farnsworth B. *Village Women Experience in the Revolution // Russian Peasant Women / Ed. by B. Farnsworth and L. Viola*. New York, Oxford, 1992. P. 145—166.
- 169 Clements B. *The Effects of the Civil War on Women and Family Relations // Party, State and Society*. P. 117.
- 170 Сама по себе тема изнасилований в период гражданской войны, как замечает В. Н. Бровкин, считалась неприкасаемой, на неё было наложено своеобразное табу. Но это было обычным явлением, и хуже всего — предметом политики. Женщины, выходящие из буржуазного сословия и особенно офицерские вдовы, утверждает он, систематически подвергались изнасилованиям при прямом соучастии большевистской администрации. С другой стороны, еврейки безжалостно насиловались белыми офицерами на Украине. — *The Bolsheviks in Russian Society*. P. 10.
- 171 *Ibid.* P. 110.

Глава 8

- 1 Левин М. *Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекрёсток мнений*. С. 254.
- 2 Аграшников А. В. *Идеология и общественное сознание в гражданской войне на Северо-Западе России. Проблемы взаимосвязи*. СПб., 1994.
- 3 Эта сложная, важная и драматичная страница истории гражданской войны по-прежнему вызывает значительный интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей: Полторак С. Н. *Иностранцы в Красной Армии: драма великого подвига*. СПб., 1992; его же. *Иностранные бойцы Красной Армии на защите Петрограда*. СПб., 1991 и др. По данным, приводимым М. Бернштамом, интернационалисты составляли в Красной Армии 19,1% летом 1918-го и 7,6% в 1920 году. — Бернштам М. Указ. соч. С. 70—71. По оценке Полторака, участию интернационалистских формирований в гражданской войне на стороне советской власти посвящено порядка 60 диссертаций — Полторак С. Н. *Иностранцы в Красной Армии в 1918—1922 гг.: опыт и уроки общественно-политической и боевой деятельности*. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1992.
- 4 См. указанные ранее работы В. М. Андреева, С. А. Павлюченкова и др.
- 5 См., например, указанные ранее исследования В. П. Булдакова, О. Файджеса и др.
- 6 Гилл Г. *Гражданская война и истоки сталинизма // Гражданская война в России: перекрёсток мнений*. С. 292.
- 7 Хильдермайер М. *Цена победы: гражданская война и её последствия // Там же*. С. 322.
- 8 Бернштам М. *Стороны в гражданской войне*. С. 73.
- 9 Эдельман Дж. Указ. соч. С. 373.
- 10 Поляков Ю. А. *Гражданская война: взгляд сквозь годы // Там же*. С. 279; его же. *Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население*. М., 1986. С. 127—128.
- 11 Родина. 1990. № 10. С. 14—15.
- 12 Булдаков В. П. *Красная смута*. С. 244.
- 13 Здоров А. А. *Гражданская война: потери населения. Опыт*

	сравнительного анализа // Свободная мысль. 1999. № 10. С. 119.
14	Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54; Поляков Ю. А. Советская страна.... С. 104.
15	Родина. 1990. № 10. С. 15.
16	Там же. С. 14.
17	Хильдермайер М. Указ. соч. С. 324—325.
18	Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция. С. 138.
19	Fitzpatrick S, The Legacy of the Civil War // Party, State and Society in the Civil War. P. 391.
20	Fitzpatrick S. The Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Culture. P. 74.
21	Даниэлс Р.В. Гражданская война в России в свете сравнительной истории революции // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 337; Fitzpatrick S. The Legacy of the Civil War. P. 370—371; её же. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 358.
22	Гражданская война в России: перекрёсток мнений. С. 324.
23	Сироткин В. Г. Зарубежное золото России. М., 2000. С. 3.
24	Сироткин. В. Г. Указ. соч.; Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М., 1996 и др.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
ГЛАВА 1. Гражданская война в России и её историки	13
1. Новейшая отечественная историография: трудный путь переосмысления	14
2. Основные течения и борьба мнений в зарубежной историографии	24
ГЛАВА 2. Истоки и причины гражданской войны в России	37
ГЛАВА 3. В поисках целостного понимания или новая концептуализация гражданской войны в России	57
ГЛАВА 4. Классы и социальные группы в гражданской войне ...	75
ГЛАВА 5. Интервенция, мировая революция и гражданская война в России	101
ГЛАВА 6. Антибольшевистское движение в России	119
ГЛАВА 7. Советская Россия в гражданской войне	145
1. Советская государственность: эпоха становления	145
2. Террор и спецслужбы в гражданской войне	168
3. Социально-экономические процессы	181
4. Культурные процессы и изменения	

в духовной жизни общества	190
ГЛАВА 8. Итоги, уроки и последствия гражданской войны	212
Вместо эпилога	226
Russian Civil War Studies: 1985—2000	229
Примечания	233

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ РУКОВОДСТВУ ОАО «КОТЛАССКИЙ ЦБК» ЗА ПОМОЩЬ В ПУБЛИКАЦИИ ЭТОЙ КНИГИ.

Предшествующие издания по истории гражданской войны, осуществленные автором:

Контрреволюция на Севере России и ее крах. — Вологда: ВГПИ, 1989.

Сквозь бури гражданской войны. — Архангельск, 1990. (главный редактор).

Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918—1920. — М.: МГУ, 1993.

Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. В двух выпусках. — Архангельск: Правда Севера, 1993. (составитель).

Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. — Архангельск: Правда Севера, 1997. (составитель).

Гражданская война в России и на Русском Севере. Проблемы истории и историографии. — Архангельск: 1999. (составитель и отв. редактор).

По вопросу приобретения данной и вышеназванных книг обращаться:

163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 2.

Поморский университет, проректору по научной работе Голдину В. И.

Владислав Иванович Голдин

РОССИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Сдано в набор 3.03.2000. Подписано в печать 28.04.2000.

Формат 60S84/16. Бумага писчая № 1.

Гарнитура TimesET. Печать офсетная. Усл. п. л. 16,64.

Тираж 400 экз. Заказ 1483.

ТОО «Боргес»

Лицензия ЛР-060823 от 20.07.97 г.

Соломбальская типография
163012, г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1